О. ПЕРОВСКАЯ

РЕБЯТА и ЗВЕРЯТА

ДЕТГИЗ · 1957

Светлой памяти дорогих моих родителей эти воспоминания детства посвящаю.

Ольга Перовская

ДИАНКА И ТОМЧИК

В Сре́дней Азии ме́жду двумя́ больши́ми ре́ками есть плодоро́дная цвету́щая ме́стность. По-каза́хски она́ называ́ется Джеты́-Су, а по-ру́сски — семь рек: Семире́чье.

В Семире́чье мно́го гор, лесо́в, зелёных доли́н и фрукто́вых садо́в. Оди́н го́род осо́бенно сла́вится свои́ми больши́ми я́блоневыми сада́ми. Зову́т э́тот го́род Алма́-Ата́, что зна́чит «Оте́ц я́блок».

Сейча́с э́тот «Оте́ц я́блок» знамени́т не одни́ми то́лько я́блоками и сада́ми. Он сейча́с — столи́ца бога́той Каза́хской респу́блики, культу́рный и промы́шленный центр. Желе́зной доро́гой — Турксибом — он соединя́ется с важне́йшими промы́шленными города́-

ми всего́ Сове́тского Сою́за. Поезда́ из са́мой Москвы́ регуля́рно прибыва́ют к вели́чественному зда́нию алма́-ати́нского вокза́ла.

Многоэта́жные дворцы́ акаде́мий, институ́тов, теа́тров и кино́ сверка́ют на со́лнце, как сне́жные верши́ны гор. А го́ры в свое́й ве́чной, споко́йной красоте́ вы́сятся, как и пре́жде.

По широ́ким асфальти́рованным у́лицам прохо́дят трамва́и, сную́т бесконе́чные маши́ны, грузовики́, тролле́йбусы, и мно́жество наря́дных загоре́лых тури́стов направля́ются в специа́льных авто́бусах к живопи́сным за́городным па́ркам, в го́рные санато́рии и дома́ о́тдыха.

Вот каки́м стал в на́ши дни когда́-то захолу́стный и ти́хий «Оте́ц я́блок» моего́ далёкого де́тства.

В то вре́мя, когда́ я была́ ма́ленькой, Алма́-Ата́ стоя́л за шестьсо́т вёрст от желе́зной доро́ги. Наро́ду в нём бы́ло ма́ло, а е́сли раз в год на у́лице появля́лся автомоби́ль, то все броса́ли свои́ дела́ и бежа́ли смотре́ть на него́, как на чу́до.

До́мики тогда́ стро́ились одноэта́жные. В густы́х сада́х они́ бы́ли как грибы́ — сра́зу-то и не разгляди́шь.

Мы жи́ли в Алма́-Ате́. У нас был ма́ленький дом и большо́й сад. В саду́ росли́... ну, и я́блоки, коне́чно!.. Но гла́вное — там вме́сте с на́ми выраста́ли на́ши люби́мцы: ра́зные дома́шние и ди́кие живо́тные.

Оте́ц постоя́нно привози́л нам с охо́ты живы́х зверя́т. Мы са́ми корми́ли их, смотре́ли за ни́ми и воспи́тывали их.

У ка́ждого бы́ли свои́ пито́мцы; у одно́й — ю́ркий лисёнок, у друго́й — о́слик, а у са́мой ма́ленькой сестры́ — морска́я сви́нка.

— А тебе́ я привезу́ волчо́нка, — пообеща́л мне оте́ц.

— Волчо́-онка?.. Ну, э́то, пожа́луй, чересчу́р. Его́ не о́чень-то приру́чишь. Привези́-ка лу́чше кого́-нибудь друго́го.

— В са́мом де́ле, не взду́май привезти́ волчо́н-

ка! — всполоши́лась ма́ма. — Искуса́ет всех, исцара́пает и убежи́т.

— Эх вы, труси́хи! Волчо́нка ма́ленького испуга́лись. А жаль! Как раз во́лки замеча́тельно приуча́ются.

И он рассказа́л нам про одного́ ручно́го во́лка.

Этот волк, как са́мая пре́данная соба́ка, люби́л своего́ хозя́ина, ходи́л за ним по пята́м, защища́л его́ от враго́в, сторожи́л его́ ло́шадь в поє́здках. У него́ был то́лько оди́н недоста́ток: он люби́л выпива́ть. Как то́лько почу́ет за́пах вина́ — и́щет, и́щет по всему́ до́му, пока́ не найдёт буты́лку. Тогда́ он начина́л ката́ть её ла́пой, разбива́л и выпива́л всё до ка́пли.

— А когда́ напива́лся, — спроси́ли мы, — он не буя́нил, как Ти́мка Фроло́в? Посу́ду не бил? Не дра́лся?

— Нет, таки́х веще́й он никогда́ не де́лал. Он то́лько зава́ливался куда́-нибудь в уголо́к и спал.

— Ну, а пото́м что?

— А пото́м? Как проспи́тся, опя́ть был тако́й же у́мница и работя́га, как всегда́.

— Нет, а пото́м что с ним бы́ло?

— Пото́м? Пото́м хозя́ину во́лка на́до бы́ло уе́хать. Ехать ну́жно бы́ло о́чень далеко́ — снача́ла в киби́тке, пото́м в по́езде. Кро́ме того́, он не знал, как ещё он устро́ится на но́вом ме́сте и захотя́т ли там приня́ть его́ вме́сте с во́лком. Поэ́тому он не реши́лся взять его́ с собо́й. Он подари́л во́лка свои́м друзья́м. Волк не захоте́л жить с ни́ми. Тогда́ хозя́ин отвёл его́ в лес. Волк нашёл доро́гу и ещё ра́ньше хозя́ина верну́лся домо́й. Наконе́ц — ничего́ не остава́лось де́лать — реши́ли его́ отрави́ть и насы́пали ему́ в ка́шу я́ду. Волк съел; шата́ясь, добра́лся до подсти́лки и вы́тянулся за́мертво. А хозя́ин, о́чень расстро́енный, сел в почто́вый таранта́с и уе́хал... Через две почто́вые ста́нции смо́трит — за таранта́сом, вы́сунув язы́к, поспеша́ет бедня́га волк. По́рция я́да оказа́лась сли́шком ма́ленькой: волк благополу́чно вы́спался и, как

то́лько пришёл в себя́, бро́сился за хозя́ином. Весь дли́нный путь, о́коло ты́сячи вёрст до желе́зной доро́ги, волк е́хал в таранта́се. Пото́м путеше́ствовал в по́езде, на парохо́де. Хозя́ин всю́ду выдава́л его́ за свою́ соба́ку, а волк держа́л себя́ так хорошо́, что все так и счита́ли его́ соба́кой. У э́того хозя́ина волк про́жил до са́мой ста́рости, и никогда́ они́ бо́льше не расстава́лись.

— Вот э́то хорошо́, отли́чно! — сказа́ли мы все в оди́н го́лос. — Ну, расскажи́ ещё про волко́в.

— Да заче́м я бу́ду расска́зывать? Вот привезу́ волчо́нка, бу́дете са́ми его́ воспи́тывать, и тогда́ не я вам, а вы мне мно́го интере́сного расска́жете.

По́сле э́того не́ было дня, что́бы я не напомина́ла отцу́:

— Ну, что же ты волчо́нка не приво́зишь? Обеща́л, так вези́.

Одна́жды у́тром о́коло моей́ крова́ти кто-то гро́мко сказа́л:

— Встава́й, привезли́!

Я сра́зу поняла́, кого́ э́то привезли́, вскочи́ла, наки́нула пла́тье и побежа́ла во двор.

— Беги́ в ку́зницу! — кри́кнул мне вдого́нку отéц.

В концé двора́ была́ забро́шенная ку́зница. Там сва́ливали вся́кий нену́жный хлам: поло́манные са́ни, заржа́вленное желе́зо, разби́тую посу́ду.

Дверь ку́зницы была́ пло́тно закры́та и прива́лена тяжёлым ка́мнем. Я потяну́ла её к себе́. Дверь подала́сь немно́го, и я бочко́м проти́снулась внутрь. Там бы́ло темно́. По́сле я́ркого све́та я ничего́ не могла́ рассмотре́ть.

Вдруг под пе́чкой, где кузнецы́ раздува́ют ого́нь, послы́шался шо́рох. В темноте́ зажгли́сь четы́ре зелёных огонька́. Я вздро́гнула и попя́тилась. Я нисколько не побоя́лась бы обыкнове́нного волчо́нка, но... с четырьмя́ глаза́ми...

— Да он не оди́н! Их дво́е.

Волча́та заворча́ли и, су́дя по шо́роху, поле́зли ещё да́льше под пе́чку.

Я зна́ла, что еди́нственный спо́соб расположи́ть к себе́ живо́тное — э́то покорми́ть его́ полу́чше. Я побежа́ла на ку́хню, налила́ в ми́ску молока́, покроши́ла туда́ хле́ба и верну́лась в ку́зницу. Приоткры́ла дверь, что́бы бы́ло немно́жко посветле́е, поста́вила ми́ску на земляно́й пол, а сама́ спря́талась в темноту́.

Волча́та до́лго боя́лись подойти́ к еде́. Но она́ па́хла о́чень зама́нчиво, а они́ бы́ли голо́дные.

И вот из-под пе́чки вы́глянула одна́ се́ренькая мо́рдочка. За ней — друга́я. Волча́та вы́ползли на свет, осмотре́лись и осторо́жно подобра́лись к ми́ске.

Тут уж они́ забы́ли вся́кий страх. Широко́ расста́вив ла́пы, они́ хвата́ли куски́, дрожа́ли, захлёбывались, толка́ли друг дру́жку. Оттого́, что им на́до бы́ло сра́зу и прогла́тывать и рыча́ть, они́ дави́лись и ка́шляли пря́мо в ми́ску, так что молоко́ в ней вздува́лось пузыря́ми.

Они́ бы́ли так за́няты едо́й, что не заме́тили, как я подошла́ бли́же.

Продолжа́я ссо́риться, они́, как са́мые обыкнове́нные голопу́зые щенки́, оттира́ли друг дру́га плеча́ми. Как и у щенко́в, у них бы́ли больши́е животы́ и ла́пы, то́лько хво́стики бы́ли пото́ньше и поголе́е, а у́ши торча́ли вверх.

Еда́ ко́нчилась, но волча́та не собира́лись расстава́ться с ми́ской. Оди́н забра́лся в неё с нога́ми и стара́тельно выли́зывал после́дние кро́шки. Друго́й по́днял го́лову, вздро́гнул и при́стально уста́вился мне в лицо́. Я ви́дела, что волчо́нок растеря́лся, улыбну́лась и, что́бы он не боя́лся, хоте́ла его́ погла́дить.

Щёлк!

Я едва́ успе́ла отдёрнуть ру́ку. Волчо́нок то́же отскочи́л в сто́рону.

Вот злю́чка несча́стная! От горшка́ два вершка́, а то́же ещё, не даётся погла́дить. Чуть па́лец не откуси́л. А за что, спра́шивается: за молоко́ и хлеб? Ла́дно же!

Я не ста́ла бо́льше набива́ться им в дру́жбу. Но, по пра́вде, мне бы́ло оби́дно.

Во дворе́ меня́ окружи́ли ребя́та:

— Ну, что во́лки, каки́е они́?

— Отли́чные во́лки, — отве́тила я без запи́нки, — сра́зу же ста́ли ко мне привыка́ть. Уже́ слу́шаются меня́. Вот то́лько на́до приду́мать им имена́.

Мы рассе́лись на брёвнах тут же, во́зле ку́зницы, и ста́ли приду́мывать. Оте́ц сказа́л, что волча́та — са́мка и саме́ц, и мы назва́ли их Диа́на и Том.

В по́лдень я сно́ва принесла́ им еду́ и позвала́, зачмо́кав губа́ми: «Путь, путь, путь, путь...»

Волча́та вы́лезли и приняли́сь есть. Пока́ они́ е́ли, я широко́ раскры́ла дверь. В ку́зницу загляну́ли соба́ки. Я испуга́лась, что они́ бу́дут дра́ться с волча́тами, и хоте́ла их прогна́ть. Но волча́та са́ми бро́сились к ним навстре́чу, поджа́в хво́стики и улыба́ясь. Они́ стара́лись лизну́ть их в мо́рду, опроки́дывались на́ спину, дры́гали в во́здухе нога́ми — сло́вом, пресмыка́лись перед ни́ми, как настоя́щие щенки́. Наве́рно, они́ принима́ли соба́к за волко́в и потому́ так си́льно ра́довались.

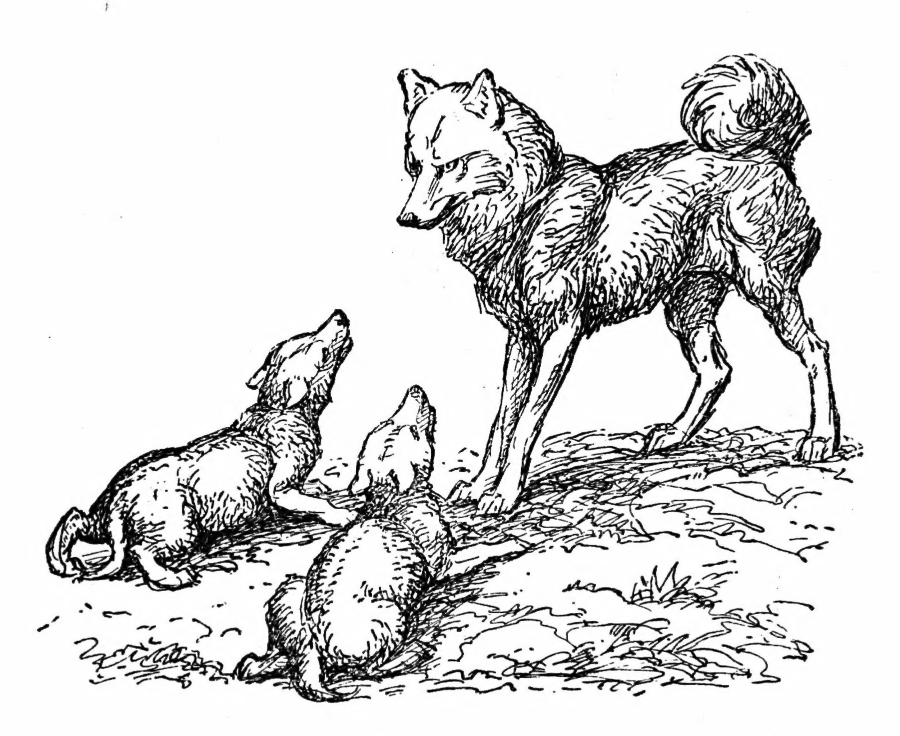
Соба́ки стро́го на них огрызну́лись. Ми́ска с едо́й была́ им в сто раз интере́снее э́тих двух ма́леньких подли́з. Они́ поню́хали ми́ску, дое́ли то, что волча́та не успе́ли, и пошли́ из ку́зницы во двор.

Волча́та так ликова́ли при ви́де соба́к, что забы́ли вся́кий страх и осторо́жность и побежа́ли сле́дом за ни́ми. Они́ отошли́ дово́льно далеко́, как вдруг огляну́лись по сторона́м... и ужасну́лись. Ничего́ похо́жего им никогда́ не встреча́лось в лесу́.

Уви́дели теле́гу — прилегли́ к земле́ и оска́лились. Подожда́ли немно́го — теле́га не шевели́лась. Ви́дно, не собира́лась напада́ть. Они́ осмеле́ли.

Вытя́гивая ше́йки и приседа́я от стра́ха, они́ дошли́ до середи́ны двора́.

Соба́ки давно́ убежа́ли от них на крыльцо́, и волча́та оста́лись одни́. Они́ жа́лобно заскули́ли, но со-

ба́ки не пожела́ли сойти́ к ним. Тогда́ они́ убра́лись восвоя́си.

На беду́, им пришло́сь проходи́ть ми́мо амба́ра. Под амба́ром жила́ соба́ка Лю́тня со свои́ми новорождёнными щенка́ми. Она́ вообрази́ла, что волча́та подкра́дываются к её де́тям. Вы́летела, схвати́ла за ши́ворот То́мчика и основа́тельно его́ встряхну́ла.

Мы бро́сились выруча́ть волчо́нка.

Лю́тня вы́пустила его́ из зубо́в, и о́ба они́ — Диа́нка и Том — убежа́ли в ку́зницу, заби́лись под пе́чку и ути́хли.

Вот бедня́га Том! В пе́рвый раз вы́шел, и так ему́ доста́лось!

Мы в смуще́нии топта́лись вокру́г ку́зницы, загля́дывали под пе́чку, ла́сково загова́ривали с волча́тами, подсо́вывали им ра́зные ла́комства.

Они́ ми́лостиво съеда́ли угоще́нье, а в отве́т на угово́ры то́лько серди́то бурча́ли.

Но, как ни велика́ была́ оби́да, они́ недо́лго усиде́ли под пе́чкой.

Снача́ла вы́сунулась Диа́нка. Вы́лезла, посиде́ла немно́жко и опя́ть юркну́ла обра́тно.

Пото́м вы́лез и То́мчик. Ухо у него́ бы́ло всё в крови́, голова́ взлохма́чена, под гла́зом оцара́пано. Он встря́хивал голово́й и наклоня́л больно́е у́хо к земле́.

Ря́дышком, плечо́м к плечу́, усе́лись они́ на поро́ге ку́зницы и смотре́ли на двор, оби́женные и гру́стные.

Сле́дующий день прошёл так же, а на тре́тье у́тро, когда́ я пришла́ их корми́ть, они́ уже́ стоя́ли у двере́й и жда́ли.

Диа́нка вы́шла во двор и, незаме́тно для себя́, взобрала́сь за мной на ступе́ньки терра́сы. А То́мчик оста́лся внизу́.

Мы заме́тили, что Диа́нка была́ гора́здо бойче́е бра́та. Она́ пе́рвая вылеза́ла на зов и при ви́де ча́шки с едо́й уми́льно обли́зывалась.

На терра́се как раз пи́ли чай. Диа́нку отли́чно встре́тили. Никто́ её не пуга́л. Наоборо́т, все стара́лись угости́ть её че́м-нибудь. Ей наброса́ли мно́го ла́комых кусо́чков. Она́ нае́лась и, о́чень дово́льная, спусти́лась вниз к бра́ту.

Труси́шка То́мчик обню́хал её мо́рдочку и сра́зу же догада́лся, что Диа́нка о́чень вку́сно пое́ла. Он облизну́лся и сно́ва стал ню́хать. А Диа́нка стоя́ла весёлая. Глаза́ у неё блесте́ли, как бу́синки, хвост топо́рщился от сы́тости и ни за что не хоте́л пло́тно прижима́ться к те́лу. Всем свои́м ви́дом она́ сло́вно говори́ла: ви́дишь, как хорошо́ быть хра́брой!

Пото́м о́ба волчо́нка отпра́вились знако́миться с ме́стностью.

На э́тот раз они́ уже́ не вы́глядели таки́ми запу́ганными. Они́ споко́йно осмотре́ли двор, обогну́ли дом и очути́лись в саду́.

Я потихо́ньку пошла́ за ни́ми. Сад напо́мнил им лес. Они́ ка́к-то сра́зу вы́прямились, осмеле́ли, пры́гнули в кусты́. Пото́м вы́бежали на поля́нку, заигра́ли и опя́ть скры́лись в глубине́ са́да. Они́ обню́хивали ка́ждый куст, знако́мились с ка́ждым де́ревом. Наигра́вшись, завали́лись спать в за́рослях вишняка́. Там я их и оста́вила. В э́ти за́росли я принесла́ им обе́д. Но на том ме́сте, где они́ засну́ли, никого́ не́ было. Я ста́ла их звать. До́лго звала́ и всё всма́тривалась в гущину́ са́да: не иду́т ли волча́та?

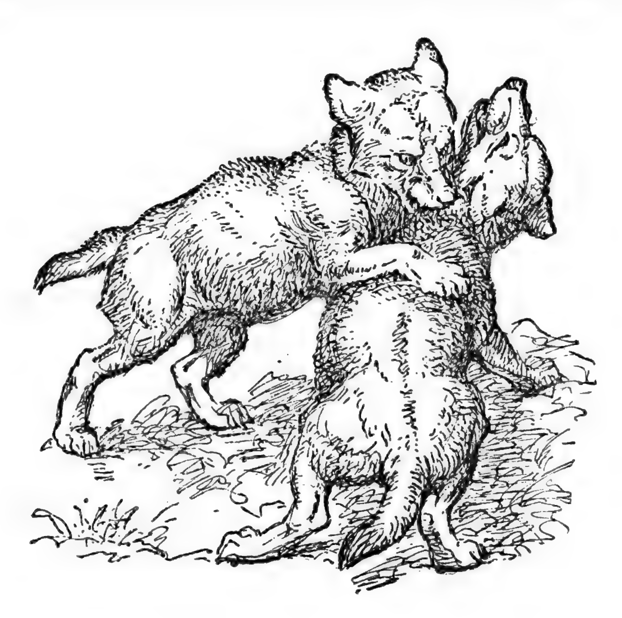
Ми́ску с едо́й я поста́вила на траву́ и присе́ла о́коло неё, поме́шивая па́лочкой.

Куда́ же они́ подева́лись?

Я начала́ беспоко́иться. И вдруг ви́жу — в куста́х, у са́мой мое́й руки́, мо́рдочки!.. Они́ давно́ уже́ подкра́лись и смотре́ли, что я де́лаю. Должно́ быть, они́ ду́мали: «Вот глуха́я тете́ря, под са́мым но́сом ничего́ не слы́шит».

А как их услы́шишь, когда́ они́ таки́е то́лстые, неуклю́жие, а хо́дят бесшу́мнее ба́бочек?

Пока́ волча́та е́ли, я растяну́лась на траве́ и при-

творилась, будто сплю. Не знаю: то ли сад и свобода так подействовали на волчат или, может быть, правда, они уже привыкли ко мне, только обращались они со мной очень нахально: один подышал мне в лицо, другой дёрнул за платье, за косу. Дианка украла мою туфлю и утащила её в заросли. Томчик пустился за ней отнимать. А когда эта их новая игрушка наконец опять возвратилась на мою ногу, вид у неё был очень потрёпанный.

Весь день они провели в саду и в саду же остались на ночь.

Так прошло несколько дней. Волчата пользовались полной свободой. Я знала только одно: кормить их получше, чтобы им не пришло в голову отправиться куда-нибудь на добычу.

Первый раз я кормила их на рассвете, часов в пять утра. Чтобы никого не будить, я с вечера приготовляла еду и прятала её около своей кровати, а с восходом солнца вылезала через окно в сад, находила волчат и кормила. Когда они кончали есть, я забирала чашку, опять через окно влезала в комнату и снова заваливалась спать.

Волчата провожали меня до окошка и так запомнили его, что, когда я, бывало, засплюсь и опоздаю, они подходили к окну, становились на задние лапки, поднимали головы и выли.

Моя кровать стояла под окном. Я выглядывала, и волчата, видя, что я проснулась, прыгали от радости.

Они стали совсем ручные. Я тоже к ним очень привыкла и если не видела их несколько часов, то уже скучала по ним.

Часто и подолгу я играла с волчатами. Мы барахтались в траве и бегали по саду. А если мне случалось прийти в сад читать, они моментально отыскивали меня, садились напротив и, подождав немного, начинали меня тормошить.

Раз как-то Дианке наскучило, что я всё читаю, и она, громко зевнув, уселась на книгу. Я толкнула её,

перевернула на спину и за задние лапки потянула по траве. А Том в это время схватил книгу и с особенным удовольствием растрепал её по листочкам.

У волчат была забавная привычка. После еды животы у них становились, как тугие барабаны. Они ложились на траву и ползали, разглаживая живот о землю.

Удивительно, ведь они не знали медицины, а понимали, что массаж — вещь полезная.

Как-то я бродила с ними по саду и вздумала полакомиться сливами. Снизу слив не достать — высоко. Я полезла на дерево. Трясу и слышу, как сливы сочно шлёпаются на землю. Натрясла порядочно. Слезаю. Ищу, ищу под деревом и ни одной не нахожу. Что за непонятное явление? Полезла опять. Опять натрясла, а когда слезла на землю, увидала, что Дианка и Том взапуски подбирают и едят мои сливы.

Оказалось, что они очень любят фрукты, понимают в них толк и безошибочно отбирают самые спелые. Я стала часто их угощать — трясла им сливы, урюк и яблоки.

Дианка и Том излазили все закоулки сада, но редко подходили к дому. Они были малообщительны и людей не любили. Знали и любили они только меня. Меня они встречали, ласкались ко мне, прыгали передними лапами ко мне на грудь, лизали руки, лицо.

Как-то я похвасталась, что волчата знают мой голос и отличают от всех других.

Меня подняли на смех:

— Всё это ты выдумываешь. Ничего они не различают, а просто подходят за кормёжкой. Проголодаешься — так небось ко всякому пойдёшь.

— Нет, — стояла я на своём. — Вот давайте испытаем, тогда сами увидите.

Собралось человек восемь ребят. Заинтересовались даже взрослые.

Все столпились у калитки сада.

— То́лько дава́йте мне ми́ску с едо́й, — сказа́ла сестра́.

Она́ взяла́ ми́ску, вошла́ в сад и начала́ звать. Звала́ до́лго, но никто́ не вы́шел, и она́ с позо́ром возврати́лась обра́тно.

Пошёл друго́й, тре́тий... Перепро́бовали все. Тогда́ я сказа́ла:

— Ну, а мне да́же ми́ски не ну́жно, ко мне они́ и так прибегу́т, — и вошла́ в сад.

Призна́ться, я си́льно стру́сила: а вдруг Диа́нка и Том подведу́т?

— Диа́ночка! То́мчик! — позвала́ я волча́т. А у само́й се́рдце так и би́лось от волне́ния.

И все уви́дели, как они́ ко мне бро́сились. Волча́та сейча́с же подбежа́ли, потому́ что бы́ли бли́зко и то́лько жда́ли моего́ зо́ва.

— Вот! А вы говори́те — не различа́ют!

Ле́то подходи́ло к концу́. Волча́та заме́тно вы́росли; э́то ви́дно бы́ло по тому́ уваже́нию, с каки́м тепе́рь относи́лись к ним соба́ки. Ра́ньше, когда́ волча́та бы́ли совсе́м ма́ленькие, соба́ки не обраща́ли на них никако́го внима́ния. Тепе́рь они́ всё ча́ще и ча́ще ста́ли наве́дываться в го́сти к мои́м пито́мцам.

Ка́к-то раз они́ ворвали́сь в сад и на́чали носи́ться ме́жду дере́вьями, ла́я, визжа́ от восто́рга и кувырка́ясь. Бы́ло ослепи́тельно я́ркое у́тро. Земля́ была́ мя́гкая, и опа́вшие ли́стья так и мани́ли зары́ться в них но́сом. Соба́ки перепры́гивали одна́ через другу́ю, подки́дывалиноса́ми ту́чу ли́стьев и, каза́лось, не могли́ останови́ться ни на мину́тку, сло́вно внутри́ у них кто-то завёл тугу́ю пружи́нку и она́ неудержи́мо толка́ла их вперёд. Волча́та бы́ли захва́чены соба́чьей ра́достью и то́же разыгра́лись. Диа́нка уда́рила ла́пой То́ма, отскочи́ла, пригну́лась и ждала́: «Ну́-ка, То́мчик, дава́й-ка им пока́жем, как по-на́шему игра́ют».

Тут подняла́сь така́я кутерьма́, что всё перемеша́-

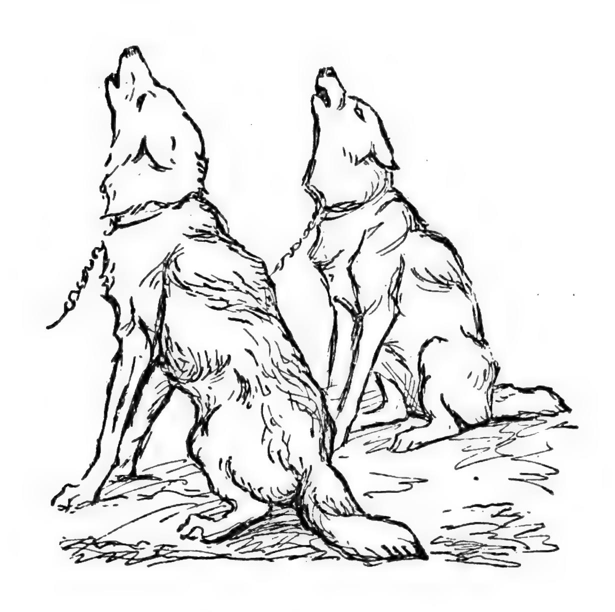
лось. И ско́ро Диа́нка уже́ удира́ла от Загра́я, а Лю́тня тяну́ла за хвост То́ма. И когда́ Том, оберну́вшись, сшиб её ла́пой с ног, она́ ничу́ть не оби́делась, вскочи́ла, отряхну́лась и с ещё бо́льшим жа́ром продолжа́ла игру́.

По́сле э́того соба́ки ста́ли ка́ждый день приходи́ть в сад. Диа́нка и Том, игра́я с ни́ми, выходи́ли во двор. Ме́жду соба́ками и волка́ми начала́сь дру́жба.

Така́я дру́жба — ре́дкость. Но уж е́сли волк подружи́тся с соба́кой, то дру́жба э́та кре́пкая.

Зна́ете, како́й слу́чай был на Се́вере, у одного́ яку́та?

Яку́т э́тот одна́жды стоя́л со свои́ми оле́нями на зимо́вке. Вокру́г на мно́го вёрст не́ было ни жилья́, ни соба́к. И у него́ была́ то́лько одна́-еди́нственная соба́ка — ла́йка, кото́рая сторожи́ла вме́сте с ним оле́ней. И вот яку́т стал замеча́ть, что ла́йка вору́ет ю́колу (сушёную ры́бу) и уно́сит её куда́-то в лес. Он попро́бовал последи́ть за ней, но ничего́ не узна́л. Ла́йка аккура́тно ка́ждый день таска́ла ры́бу. «Почему́ она́ не ест сама́? Куда́ она́ её уно́сит?» — удивля́лся яку́т. К весне́ у ла́йки соверше́нно неожи́данно роди́лись щеня́та. Хозя́ин соба́ки был о́чень дово́лен. Щенки́ — больша́я ра́дость в хозя́йстве яку́та-оленево́да. За хоро́шую соба́ку на Се́вере даю́т оле́ня. А э́ти щенки́ бы́ли на ре́дкость хоро́шие: си́льные, выно́сливые и росли́, как на дрожжа́х. Вско́ре яку́ту пришло́сь перекочева́ть на ле́тнюю стоя́нку. Он сложи́л свой скарб на са́ни и поéхал, а ла́йка со щенка́ми побежа́ла сза́ди. На пути́ им пришло́сь проезжа́ть через лес. Вдруг яку́т обора́чивается и ви́дит, что к его́ соба́чьему семе́йству присоедини́лся волк. В пе́рвую мину́ту он схвати́л ружьё и хоте́л его́ уби́ть. Но тут его́ осени́ла дога́дка. Он по́нял, что э́тот волк — оте́ц щеня́т и что ла́йка для него́ ворова́ла зимо́й сушёную ры́бу. Он не застрели́л во́лка, и волк со свое́й семьёй отпра́вился на ле́тнее станови́ще.

К зимé Диáнка и Том стáли совсéм взрóслыми. У них вы́росла густáя, дли́нная шерсть и на щекáх — бáки. Хвосты́ сдéлались пуши́стые, мя́гкие. Рóстом они́ бы́ли ужé с крýпных, мóщных собáк.

Незадóлго до пéрвого снéга вóлки устрóили себé лóгово. Онó бы́ло настóлько большóе, что иногдá вмéсте с волкáми там завáливались спать и собáки.

Дрýжба с собáками плóхо отрази́лась на Диáнке и Тóме: они́ научи́лись от собáк рвать кур. Дóма им за э́то си́льно доставáлось, поэ́тому они́ отправля́лись через забóр к сосéдям и хозя́йничали у них. Оди́н раз к отцý яви́лся сосéд. В рукáх у негó былá растéрзанная индю́шка. Он уверя́л, что э́то сдéлали нáши волчáта, и трéбовал за неё дéнег.

— И смотри́те, — грози́лся он уходя́, — éсли тóлько уви́жу их у себя́, уж я...

Диáнку и Тóма в тот же день привязáли на цепь. Жить им стáло тепéрь не так широкó и привóльно.

Однáжды ýтром к нам во двор зашёл шармáнщик и заигрáл какóй-то вальс. Вдруг за сарáем послы́шал-

ся гро́мкий, гру́бый го́лос. К нему́ присоедини́лся второ́й. Это во́лки запе́ли вме́сте с шарма́нкой. То́лько они́ на́чали петь, сейча́с же из всех закоу́лков повы́лезли соба́ки. Они́ то́же по́дняли мо́рды и дава́й подтя́гивать на ра́зные голоса́. Получи́лся тако́й конце́рт, что шарма́нщик смея́лся до слёз. Он махну́л руко́й на свои́ ва́льсы: их всё равно́ никому́ не́ было слы́шно, и он верте́л ру́чку шарма́нки то́лько ра́ди неожи́данных лохма́тых певцо́в.

Волча́та вы́ли тепе́рь о́чень ча́сто: нелегко́ во́льному существу́ на цепи́ и в нево́ле!

Быва́ло, не успе́ет ещё как сле́дует стемне́ть, а они́ уже́ начина́ют своё уны́лое: у-ууу, у-ууу...

Мы заме́тили, что соба́ки научи́лись выть по-во́лчьи, а во́лки... ла́ять, совсе́м как соба́ки.

Оте́ц снача́ла не ве́рил, а пото́м сам убеди́лся в э́том. Ка́к-то Диа́нка ла́яла. Я пошла́ и позвала́ отца́. Он услыха́л, удиви́лся и сказа́л, что э́то больша́я ре́дкость.

Что́бы облегчи́ть волча́там нево́лю, мы води́ли их в по́ле, за́ город. Чуть то́лько вы́падет свобо́дная мину́тка, возьмём цепо́чки в ру́ки и идём гуля́ть. Во́лки прекра́сно бежа́ли в поводу́. Но вот в чём беда́: уж о́чень мы бы́ли плохи́ми това́рищами для них в ходьбе́. Мы, быва́ло, нахо́димся до того́, что хоть языки́ высо́вывай от уста́лости, а они́ то́лько ещё во вкус вхо́дят.

Им всё-таки не хвата́ло движе́ния, и они́ стара́лись сорва́ться с це́пи. Они́ наловчи́лись отвя́зываться. Нажму́т каки́м-то о́бразом ско́бочку у це́пи — и сни́мут её с кольца́ у оше́йника.

Когда́ они́ отвя́зывались, все дома́шние бежа́ли за мной. Волча́та подходи́ли то́лько ко мне.

То и де́ло слы́шалось:

— Ну ты, Сестра́ Волко́в (э́то меня́ так прозва́ли), иди́ привя́зывай свои́х краса́вцев!

Как-то перед Но́вым го́дом я услы́шала крик:

— То́мка сорва́лся и убежа́л к сосе́ду!

Я — как была́ без пальто́, без ша́пки — вы́скочила во двор. Что́бы не бежа́ть круго́м, через у́лицу, я бро́силась напрями́к, через сад. Доро́жек в саду́ не́ было, а снег лежа́л по коле́но.

Ещё и́здали через решётку забо́ра я уви́дела, что посреди́ сосе́днего двора́ стои́т То́мчик, а на крыльцо́ выхо́дит сосе́д с ружьём.

— Подожди́те! — закрича́ла я что есть си́лы. — Подожди́те!.. Я сейча́с... я привяжу́... Не стре́... — Го́лос у меня́ сорва́лся. Я уви́дела: сосе́д по́днял ружьё... разда́лся вы́стрел, и Том как подко́шенный свали́лся на сне́г.

Я добежа́ла... швырну́ла в сосе́да це́пью, ухвати́ла его́ за тулу́п, трясла́ изо всех сил и повторя́ла:

— Ах, вы!.. Вы...

Собрало́сь мно́го наро́ду. Все шуме́ли, крича́ли.

Я положи́ла мёртвую го́лову То́ма к себе́ на коле́ни и, си́дя о́коло него́ на снегу́, го́рько-го́рько пла́кала.

Не по́мню, как мы верну́лись домо́й, как принесли́ То́ма...

В тот же ве́чер я, простуди́вшись, слегла́ в жесто́ком жару́.

Я пролежа́ла в посте́ли почти́ два ме́сяца.

Оста́вшись одна́, без То́ма, — а тут ещё и я заболе́ла, — Диа́нка совсе́м затоскова́ла. В пе́рвые дни она́ да́же от еды́ отка́зывалась, вы́ла, мета́лась; все ду́мали, что она́ издо́хнет.

Во вре́мя боле́зни, в бреду́, и когда́ приходи́ла в созна́ние, я упра́шивала всех приласка́ть Диа́нку, корми́ть её и смотре́ть за ней полу́чше.

— А Диа́нку корми́ли?.. А Диа́нка уже́ спит? — спра́шивала я ка́ждый раз, когда́ мне приноси́ли бульо́н и́ли укла́дывали меня́ спать.

— Диа́нка молоде́ц! Ест за двои́х и о То́мчике уже́ во́все не вспомина́ет.

Когда́ я ста́ла поправля́ться, я попроси́ла, что́бы её привели́ ко мне в ко́мнату. Пришла́, гремя́ це́пью, огро́мная волчи́ца. Я сперва́ да́же не узна́ла Диа́нку — тако́й у неё был могу́чий вид. И она́ то́же не узна́ла меня́. Но то́лько у меня́-то вид был во́все не могу́чий: меня́ обри́ли, и я так похуде́ла, что оста́лся оди́н нос.

Диа́нка с интере́сом огля́дывала незнако́мую обстано́вку. Я позвала́ её:

— Диа́нка! Диа́ночка!

Она́ сра́зу вспо́мнила мой го́лос и с си́лой рвану́лась ко мне. Я гла́дила её. Она́ закры́ла глаза́ от удово́льствия и так стоя́ла, пома́хивая хвосто́м...

Около меня́ на крова́ти сиде́л то́лстый кот. Ему́ не понра́вилась Диа́нка. Он реши́л, что э́то про́сто наха́льная соба́ка, а соба́к он привы́к держа́ть в стро́гости.

И вот недо́лго ду́мая он расфуфы́рился, зашипе́л и... трах Диа́нку ла́пой по мо́рде! Я так и обмерла́.

У Диа́нки вся шерсть поднила́сь ды́бом. Она́ раскры́ла свою́ стра́шную пасть и...

— Диа́нка, ми́ленькая! Диа́ночка!..

Я уцепи́лась за неё что бы́ло си́лы. А она́, взяв кота́ поперёк ту́ловища, сняла́ его́ с крова́ти, поста́вила на́ пол и сно́ва верну́лась ко мне.

Ка́ждую весну́ мы всей семьёй переезжа́ли из го́рода в лес. В пятна́дцати верста́х от го́рода, в гора́х, был ма́ленький до́мик — лесно́й кордо́н. Ми́мо кордо́на бежа́ла го́рная речу́шка. В луга́х бы́ло мно́го цвето́в, а повы́ше, под са́мыми снега́ми, стоя́ли на ле́тних кочёвьях каза́хи. Их де́ти бы́ли на́шими закады́чными друзья́ми. Мы о́чень люби́ли э́тот кордо́нчик и всегда́ ра́довались весе́нним переє́здам.

В э́том году́ я осо́бенно ждала́ перее́зда: ду́мала, что в гора́х Диа́нку не ста́нут привя́зывать.

Но и там ей пришло́сь сиде́ть на цепи́: недалеко́ от кордо́на был ма́ленький посёлок, и та́мошние жи́тели боя́лись гуля́ющей на свобо́де волчи́цы.

Одна́жды Диа́нка сорвала́сь и убежа́ла в посёлок. На крыльцо́ одного́ до́мика вы́скочила злю́щая мо́ська и, захлёбываясь от я́рости, ста́ла кида́ться на Диа́нку. И ведь кака́я бесстра́шная! Сбежа́ла с крыльца́ и пря́мо так и ле́зет! Вдруг Диа́нка схвати́ла её и как-то в оди́н миг перегры́зла ей го́рло.

Из до́ма вы́сыпали хозя́ева соба́чки — кто с дуби́ной, кто с кнуто́м, и окружи́ли Диа́нку. Уви́дев, что де́ло пло́хо, она́ спря́талась за меня́ и ве́село погля́дывала на враго́в: де́скать, здесь-то я в безопа́сности, уж тут меня́ в оби́ду не даду́т!

И ве́рно, я не дала́ её в оби́ду. Но зато́ меня́ изруга́ли после́дними слова́ми и ходи́ли жа́ловаться на меня́ и на Диа́нку роди́телям.

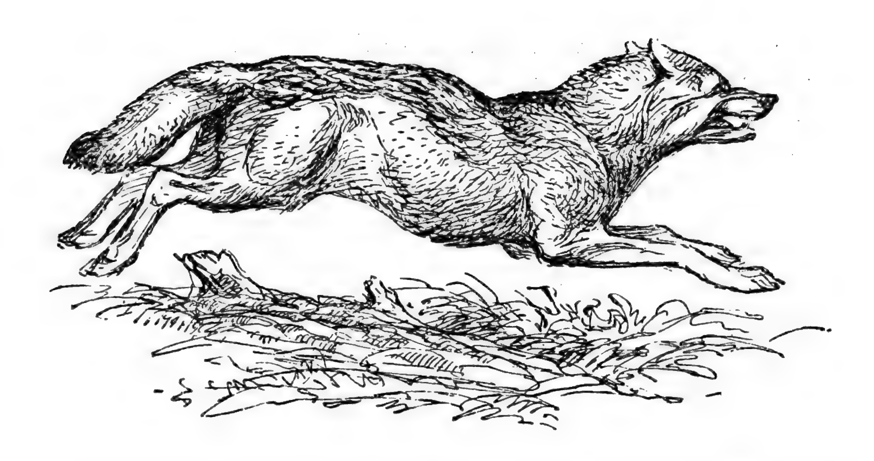
Прошло́ не́сколько ме́сяцев. Что же э́то тако́е? Неуже́ли Диа́нка так и бу́дет ве́чно сиде́ть на цепи́?

Оте́ц угова́ривал меня́ отпусти́ть её на во́лю. Я до́лго не соглаша́лась.

— Привяза́ть бы тебя́ на цепо́чку — попро́бовала бы, как э́то прия́тно.

Я реши́ла «попро́бовать». Це́лый день просиде́ла ря́дом с Диа́нкой — и согласи́лась.

Одна́жды у́тром я сы́тно накорми́ла её. Оте́ц сел на ло́шадь, взял в ру́ки цепо́чку, и Диа́нка ве́село побежа́ла за ним.

Оте́ц увёл её далеко́ в лес, снял с неё оше́йник, и она́ ми́гом скры́лась в ча́ще.

«Да, — поду́мал оте́ц, — как во́лка ни корми́, он всё в лес гляди́т».

Он подожда́л, пока́ Диа́нка убежи́т пода́льше, и пое́хал в обра́тный путь. Верну́лся домо́й к ве́черу.

— Ну что она́, ушла́?

— Ушла́, — отве́тил оте́ц. — И забы́ла да́же переда́ть тебе́ приве́т.

— Ну что ж, и пусть... Очень хорошо́... — Я опусти́ла го́лову: всё-таки э́то гру́стно, когда́ твой това́рищ легко́ покида́ет тебя́ и ухо́дит в лес.

Но тут в ру́ку мне ткну́лся че́й-то холо́дный нос. Посмотре́ла — а э́то Диа́нка! Она́ прибежа́ла вслед за отцо́м...

И ещё раз мы попыта́лись её отвести́. Оте́ц завёл её и уе́хал да́льше, за перева́л, в другу́ю сто́рону.

Прошло́ четы́ре дня, и Диа́нка опя́ть верну́лась, уста́лая, отоща́вшая, вся в репья́х. Ви́дно бы́ло, что она́ до́лго где́-то блужда́ла, но всё-таки отыска́ла свой дом.

Не зна́ю, чем бы э́то ко́нчилось, е́сли бы нам не пришло́сь переезжа́ть в друго́й го́род. Пре́жде всего́ встал вопро́с: как устро́ить всех на́ших пито́мцев?

Я, коне́чно, бо́льше всего́ хлопота́ла о Диа́нке. Мне всё вспомина́лся расска́з отца́ про того́ во́лка, кото́рого хозя́ин хоте́л отрави́ть, и я изо всех сил стара́лась устро́ить её так, что́бы ей без нас бы́ло так же хорошо́, как с на́ми.

И вдруг, совсе́м неожи́данно, э́то отли́чно устро́илось.

За после́дние полго́да в на́шем городке́ и в окре́стных сёлах произошло́ не́сколько краж. Во́ры увели́ со двора́ лошаде́й, коро́в и спря́тали их неизве́стно где. Для борьбы́ с кра́жами из Росси́и вы́писали сейча́с же за больши́е де́ньги не́сколько изве́стных соба́к-ище́ек. С соба́ками прие́хал специа́льный челове́к, кото́рому поручи́ли боро́ться с э́тим неслы́ханным здесь пре́жде позо́ром и безобра́зием.

Случа́йно я попа́ла с отцо́м к э́тим соба́кам. Они́ бы́ли о́чень хорошо́ устро́ены. Для них отвели́ большо́й уча́сток с са́дом. Ка́ждая соба́ка жила́ в отде́льном до́мике. Корми́ли их до́сыта и никому́ не позволя́ли на них крича́ть и́ли бить их.

Эти соба́ки бы́ли о́чень похо́жи на волко́в, и мне сра́зу пришло́ в го́лову: а не попроси́ть ли, что́бы Диа́нку то́же взя́ли сюда́? Я сказа́ла отцу́, оте́ц — заве́дующему.

— Волчи́цу? Ручну́ю? —закрича́л заве́дующий. — Да хоть сию́ мину́ту! Ведь э́то же моя́ мечта́. Я как раз ищу́ таку́ю...

И вот Диа́нка перее́хала в пито́мник и посели́лась в одно́м до́мике с соба́кой-сы́щиком Во́льфом.

Я до отъе́зда ка́ждый день ходи́ла к ней в го́сти. Она́ по-пре́жнему ласка́лась ко мне. Вы́глядела она́ сы́той, весёлой и дово́льной. Я уе́хала споко́йно, уве́ренная в по́лном её благополу́чии.

В но́вом го́роде у нас не́ было живо́тных, и нам без них бы́ло ску́чно. Я не упуска́ла слу́чая узна́ть что́-нибудь про Диа́нку. Пе́рвые два — три го́да заве́дующий пито́мником писа́л нам пи́сьма. Он сообща́л, что у Диа́нки и Во́льфа бы́ли щенки́. Эти щенки́ отлича́-

ли́сь ре́дкой выно́сливостью и здоро́вьем, а гла́вное — из них вы́шли замеча́тельные сы́щики.

Пото́м мы переста́ли получа́ть ве́сти о соба́чьем пито́мнике. То́лько по́зже, стороно́й, мы узна́ли, что пито́мник э́тот стал знамени́т на весь Казахста́н. Соба́ки его́ без оши́бок находи́ли престу́пников. Спря́таться от них не́ было никако́й возмо́жности. На воро́в они́ нагна́ли тако́го стра́ху, что в само́й Алма́-Ате́ кра́жи почти́ совсе́м прекрати́лись.

Через не́сколько лет мы опя́ть верну́лись в Алма́-Ату́. Я пе́рвым де́лом пошла́ в пито́мник. Слу́жащий сказа́л мне, что Диа́нки и Во́льфа уже́ нет в живы́х. Они́ состáрились и у́мерли.

— А де́ти их? — спроси́ла я. — Мо́жно их посмотре́ть?

— Сейча́с соба́ки все на ипподро́ме. Там ны́нче вы́ставка и состяза́ния служе́бных соба́к.

Я побежа́ла на ипподро́м. Грома́дные павильо́ны его́ бы́ли заби́ты наро́дом, как в дни больши́х ска́чек.

Бы́ло о́чень интере́сно. Снача́ла пока́зывали молоды́х щеня́т, кото́рые то́лько неда́вно на́чали учи́ться. Они́ стара́тельно исполня́ли свои́ номера́: пры́гали через барье́ры, влеза́ли по ле́стницам на вы́шки, доставля́ли через по́ле вьючки́ со снаря́дами. Их заставля́ли оты́скивать спря́танные ве́щи и выполня́ть мно́го други́х поруче́ний.

Вдруг прибежа́л касси́р, кото́рый продава́л биле́ты у вхо́да, и гро́мко закрича́л, что у него́ укра́ли все де́ньги из ка́ссы.

Пу́блика заволнова́лась, все ста́ли хвата́ться за карма́ны, щу́пать, це́лы ли у них де́ньги.

За вора́ми сейча́с же пусти́ли соба́ку. Она́ обню́хала ка́ссу и бро́силась в ряды́, где сиде́ла пу́блика. Пробежа́ла оди́н, друго́й, тре́тий ряд. В четвёртом, в са́мой середи́не, сиде́ла бога́то оде́тая, расфранчённая же́нщина. На ней была́ больша́я, с огро́мное решето́, шля́па — са́мая мо́дная в то вре́мя.

Соба́ка подбежа́ла к э́той да́ме, обню́хала её — и вдруг ки́нулась пря́мо к ней на пле́чи. Же́нщина загора́живалась рука́ми и то́неньким, каки́м-то смешны́м го́лосом возмуща́лась:

— Что тако́е? Что за безобра́зие! Я бу́ду жа́ловаться...

— Коне́чно, безобра́зие, — заропта́ли в пу́блике. — Ра́зве така́я да́ма мо́жет укра́сть?

— Она́ же давно́ тут сиди́т, с са́мого нача́ла...

— Соба́ка оши́блась... Где же слу́жащие, что они́ смо́трят?

— Этак соба́ка мо́жет любо́го челове́ка ни за что изуро́довать!

Но соба́ка не понима́ла э́тих во́згласов и продолжа́ла своё де́ло. Вот она́ добрала́сь до мо́дной шля́пы, вцепи́лась в неё зуба́ми, рвану́ла — и стащи́ла шля́пу вме́сте с волоса́ми.

— Ой, что же э́то? — кри́кнула кака́я-то же́нщина ря́дом со мно́ю.

— Како́й у́жас! — поддержа́ла её друга́я.

Но тут мы все уви́дели, что у да́мы под большо́й шля́пой и под дли́нными волоса́ми — други́е во́лосы, ко́ротко остри́женные, как у мужчи́н. Гля́нули вниз, а там соба́ка уж растрепа́ла шля́пу, пари́к, вы́тащила аккура́тно свя́занную сто́пку де́нег и, держа́ её в зуба́х, уста́вилась на да́му.

Тогда́ да́ма тут же при всех сняла́ через го́лову пла́тье. Под пла́тьем оказа́лась фо́рменная тужу́рка, сапоги́, брю́ки.

— Да э́то же слу́жащий! — догада́лся кто-то.

Все захохота́ли, захло́пали в ладо́ши. Ка́ждому хоте́лось погла́дить у́мную соба́ку, но слу́жащий сказа́л, что посторо́нним не разреша́ется ласка́ть служе́бных соба́к.

По́сле э́той сце́нки бы́ло пока́зано ещё не́сколько представле́ний. Соба́ки прояви́ли в них прекра́сную вы́учку, сообрази́тельность, сме́лость и замеча́тельное чутьё.

А потóм был парáд.

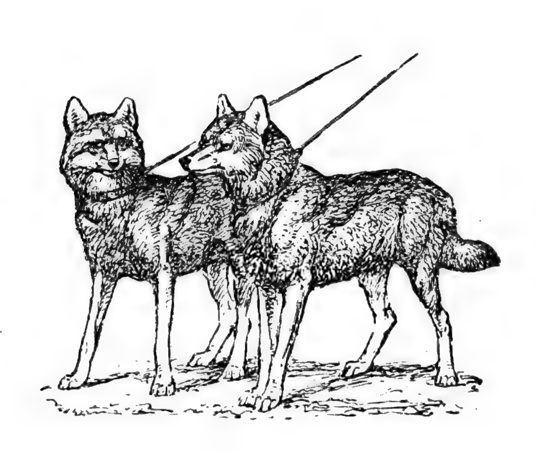
Перед пýбликой однý за другóй проводи́ли лýчших, отличи́вшихся собáк, называ́ли их именá, перечисля́ли их пóдвиги и объявля́ли нагрáды. Мýзыка игрáла туш.

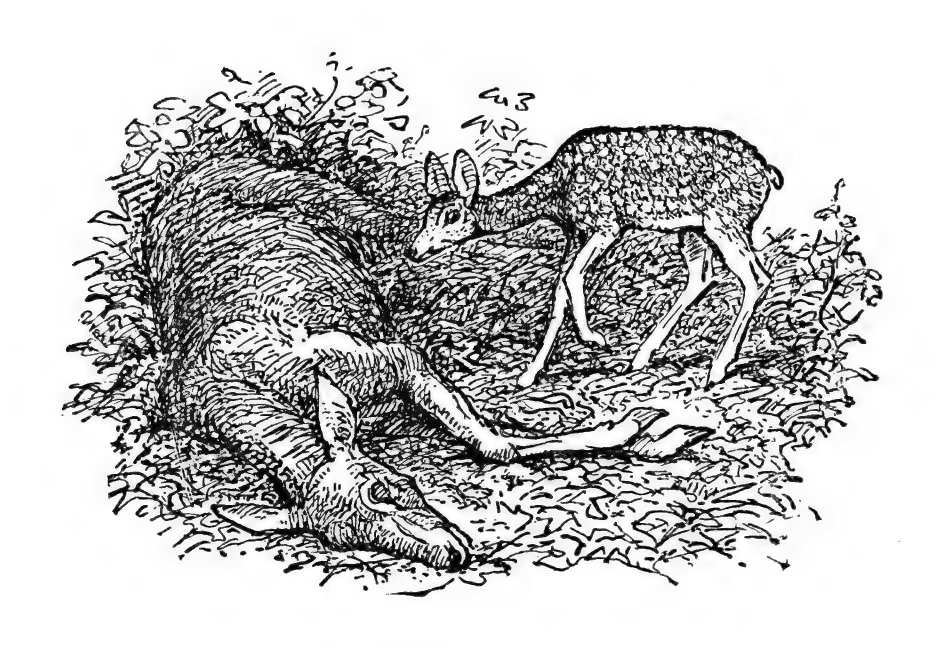
— Джой и Спай! — с торжествóм в гóлосе объяви́л распоряди́тель парáда.—Дéти Вóльфа и настоя́щей волчи́цы Диáны. Они́ тóлько что вернýлись с москóвской вы́ставки. Там они́ заслужи́ли вы́сшие нагрáды — больши́е золоты́е медáли. На э́том состязáнии они́ идýт вне кóнкурса, потомý что здесь им нет рáвных.

Все шýмно захлóпали в ладóши и стáли поднимáться с мест, чтóбы полýчше разглядéть знамени́тостей. Мýзыка снóва заигрáла туш.

Перед зри́телями стоя́ли два огрóмных красáвца вóлка.

Я любовáлась и́ми и вспоминáла Диáнку и Тóма.

МИШКА

В ма́леньком до́мике лесно́го кордо́на все спа́ли. Под горо́й рокота́ла река́, воро́чала тяжёлые ка́мни. Вдруг сквозь гул послы́шались голоса́, понука́вшие лошаде́й:

— Нн-о́! Но-о́, Гнедо́й! Айда́! Э-э-эй!

Тяжёлая подво́да въе́хала на круто́й подъём, дотащи́лась до кордо́на и ста́ла.

Ло́шади опусти́ли го́ловы и шу́мно дыша́ли.

Оте́ц обошёл до́мик и кнутови́щем постуча́л в око́шко.

— Сейча́с откро́ю! — откли́кнулась из ко́мнаты ма́ма.

Пока́ она́ одева́лась, оте́ц и его́ това́рищ, Федо́т Ива́нович, отвяза́ли что́-то лежа́вшее врастя́жку на теле́ге, осторо́жно положи́ли на зе́млю и ста́ли распу́тывать верёвки.

Соску́чившийся по до́му Гнедо́й нетерпели́во толка́л но́сом за́пертые воро́та.

Наконе́ц воро́та распахну́лись. Теле́га въе́хала во двор и останови́лась у сара́я.

— Что вы так до́лго не возвраща́лись? — спра́шивала ма́ма, помога́я убира́ть покла́жу. — Я ду́мала, уж не случи́лось ли чего́.

— Как же, случи́лось. Задержа́лись на два дня. Зато́ смотри́, кого́ привезли́! Это ребя́там в пода́рок.

И они́ показа́ли на что́-то, в темноте́ похо́жее на телёнка.

— Ба́тюшки! Да где же вы его́ пойма́ли? Довезли́-то как, тако́го ма́ленького? Ну, дава́йте его́ сюда́, в сара́йчик. А корми́ть его́ не на́до? Мо́жет, он есть хо́чет?

— Нет, сейча́с он не ста́нет есть: сли́шком его́ растрясло́. Пуска́й он лу́чше отдохнёт, а за́втра дади́м ему́ молока́.

Оте́ц уложи́л «пода́рок» на соло́му, уку́тал его́ попо́ной и припёр дверь сара́йчика больши́м ка́мнем.

— А ты куда́? Пошёл отсю́да, ду́рень! — прикри́кнул он на лохма́того дворо́вого пса Ма́йлика.

Ма́йлик давно́ уже́ стара́лся обрати́ть на себя́ хозя́йское внима́ние. Едва́ под горо́й послы́шались голоса́, он помча́лся встреча́ть. Он расцелова́л в мо́рды Гнедо́го и Ма́шку, облиза́л хозя́йские сапоги́, облете́л волчко́м, кре́пко поджа́в хвост и заки́нув го́лову, весь двор—сло́вом, из ко́жи лез вон, что́бы полу́чше вы́разить свою́ ра́дость и любо́вь к прие́зжим. А когда́ оте́ц привали́л к сара́йчику ка́мень, Ма́йлик обхвати́л его́ ла́пами и си́лился откати́ть на пре́жнее ме́сто.

— Одуре́л от ра́дости, — засмея́лся оте́ц. — А мо́жет, он и впра́вду хо́чет забра́ться в сара́йчик? Заду́шит ещё малыша́...

— Нет, э́то он так, перед тобо́й выслу́живается, помога́ет. Пошёл, пошёл, Ма́йлик! Не су́йся, куда́ не спра́шивают.

Все подняли́сь на крыльцо́ и вошли́ в дом. Разбуди́ли Со́ню и меня́.

Мы сбéгали с ведёрком к рекé.

На крыльцé зашумéл самовáр. Мáма стáла жáрить лепёшки. За чáем отéц рассказáл, как «подáрок» остáлся оди́н в лесу́, вóзле уби́той кéм-то мáтери.

— Ведь вот какóй нарóд пóдлый! Знáют, что веснóй у них мáленькие. Нельзя́ в э́то врéмя охóтиться. Нет, всё-таки стреля́ют. Уби́ли у негó мать, а он и толчётся вокру́г неё. Да и прáвда, кудá же ему́, такóму, девáться? А убивáть тóже жáлко. Ну вот мы и реши́ли с Федóтом Ивáновичем взять егó с собóй. Пускáй растёт с ребя́тами.

Мáма óчень э́то одóбрила.

Ей с пéрвого взгля́да понрáвился мáленький «подáрок», и онá срáзу же стáла егó вéрной защи́тницей.

Юля и Натáша тóже просну́лись. Услыхáли, что отéц с мáтерью говоря́т про какóй-то «подáрок», и повысóвывали из-за двéри свои́ зáспанные рóжицы.

— Мáма, — бáсом спрáвилась Натáша, — а есть егó мóжно, э́тот подáрок?

— Нет, — отвéтила Юля, — он живóй.

— Мáма, а кто он такóй?

— Мáма, э́то нам, что ли, привезли́? А ну́-ка, где он? Где он, мáма?

— Спи́те, спи́те! — стрóго прикри́кнула мать. — Зáвтра уви́дите.

Ничегó не подéлаешь, пришлóсь им дожидáться зáвтра.

Мáма просну́лась рáно, чуть тóлько забрéзжил рассвéт. Встáла, разбуди́ла Сóню и меня́, и мы все вы́шли во двор.

Лóшади всю ночь стоя́ли на вы́стойке без кóрма. Они́ успéли ужé обсóхнуть от пóта и бы́ли голóдные. Уви́дев нас, они тихóнько заржáли.

Мы сня́ли с них сбру́ю и погнáли вниз к рекé. Они́ напили́сь, прибежáли обрáтно во двор и, став у плетёной кормýшки, приняли́сь грóмко жевáть клéвер.

Сóня подои́ла корóву и вы́пустила её за ворóта. Корóва отпрáвилась в гóры пасти́сь.

А ма́ма зашла́ в дом, отлила́ в ведёрко парно́го молока́ и позвала́ мла́дших сестёр:

— Ну вы, со́ни! Встава́йте, пойдёмте на́шего го́стя корми́ть.

Юля ми́гом вскочи́ла, наки́нула пла́тье и башмаки́ и побежа́ла за ма́мой.

Она́ вся дрожа́ла, но не сто́лько от у́треннего хо́лода, ско́лько от возбужде́ния.

Дверь сара́йчика была́ откры́та на́стежь, и Со́ня ла́сково говори́ла кому́-то:

— Ну, ну, дурачо́к, бу́дет тебе́...

Ря́дом с ней на соло́ме стоя́л ма́ленький оле́нь и соса́л её па́льцы.

Юля захлебну́лась от восто́рга.

Она́ подсе́ла к оленёнку и ста́ла погла́живать его́ мо́рдочку и но́жки, загля́дывала ему́ в глаза́ и без конца́ задава́ла вопро́сы:

— Отчего́ у него́ таки́е то́ненькие но́жки?.. Ско́лько ему́ лет?.. А где его́ мать и оте́ц?.. Он на теле́ге прие́хал?.. Смотри́те, смотри́те, как ли́жет ру́ку! — Она́ растро́ганно засмея́лась. — Проголода́лся, зна́чит.

Ма́ма дала́ ему́ па́лец и вме́сте с мо́рдочкой малыша́ опусти́ла ру́ку в ведро́. Оленёнок по́нял, засоса́л па́лец и стал тяну́ть молоко́.

Он жа́дно глота́л, захлёбывался и фы́ркал, когда́ молоко́ попада́ло ему́ в но́здри. Мы шёпотом обсужда́ли ка́ждое его́ движе́ние.

— Смотри́, как он но́ги широко́ расста́вил. Это что́бы не упа́сть.

— А они́ всё равно́ у него́ гну́тся — вот-во́т полома́ются.

— Да нет, э́то он — что́бы побо́льше влёзло.

— А ведро́ как толка́ет! Как теля́та, когда́ сосу́т коро́ву.

— Так что же, ведро́ ему́ коро́ва, что ли? Вот глу́пый!

Мы с Юлей затрясли́сь от сме́ха. А Со́ня стро́го посмотре́ла на нас и сказа́ла:

— Са́ми вы бо́льно у́мные! Да́же не зна́ете, кто э́то тако́й.

— Нет, зна́ем: оленёнок.

— Са́ми вы оленёнки! Это во́все мара́л. Тако́й азиа́тский оле́нь. Я про него́ всё зна́ю, в Бре́ме прочита́ла — там всё про них ска́зано.

По́сле тако́го сообще́ния мы зати́хли и с уваже́нием ста́ли огля́дывать э́того «мара́ла».

У него́ бы́ли дли́нные но́жки с о́стрыми копы́тцами, то́ненькая ше́я и кру́глая широ́кая голо́вка с больши́ми, как лопухи́, уша́ми. Он беспреста́нно встря́хивал и шевели́л и́ми. Глаза́ у него́ бы́ли как кру́пные сли́вы, лоб широ́кий, а нос ма́ленький, с раздува́ющимися ноздря́ми. Ро́стом он был с новорождённого жеребёнка.

Мя́гкую, пуши́стую шку́рку его́ так и тяну́ло погла́дить. По о́бе стороны́ спины́ на ней прогля́дывали бе́лые пя́тнышки. Хвоста́ не́ было во́все: так, коро́тенький, то́лстый огры́зок и вокру́г него́ бе́лое пятно́, сло́вно тут подве́сили салфе́тку.

— Как его́ зову́т, ма́ма?

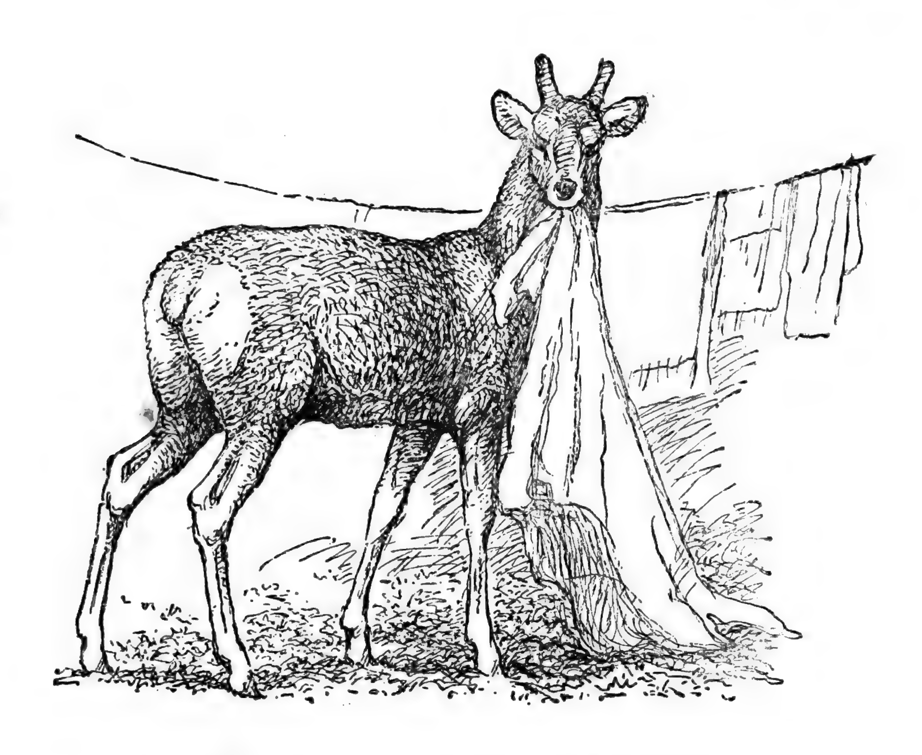
— Его́ зову́т Ми́шка, потому́ что его́ пойма́ли во́зле села́ Миха́йловки, — опя́ть не вы́терпела Со́ня. — Так назва́ли его́ вчера́ ве́чером, когда́ вы уже́ спа́ли.

Удиви́тельно она́ люби́ла выгружа́ть свои́ зна́ния: не успе́ли мы опо́мниться, как она́ уже́ рассказа́ла нам всё о Ми́шке так, как бу́дто она́ сама́ его́ пойма́ла и привезла́.

А Ми́шка тем вре́менем вы́пил молоко́, нагну́л ведёрко, вы́тянул после́дние ка́пли, заба́вно заверте́л свои́м огры́зком-хвосто́м и на́чал толка́ть ведро́ голово́й.

От си́льного толчка́ ведро́ вы́катилось из сара́я. Ми́шка вы́шел за ним, опя́ть всу́нул в него́ го́лову и стал верте́ться вокру́г, возя́ его́ по́ двору.

Он наде́ялся, что ведро́, как мать-олени́ха, е́сли хороше́нько его́ подда́ть, возьмёт да и спу́стит ещё молока́.

Эта мане́ра жева́ть что ни попада́лось на глаза́ была́ у него́ са́мой неприя́тной и о́чень до́рого нам обходи́лась. Занаве́ски на о́кнах, ска́терти, платки́ — всёноси́ло следы́ Ми́шкиного внима́ния. На лу́чшем кисе́йном пла́тье Юли, как раз на са́мом животе́, Ми́шка вы́грыз огро́мную кру́глую дыру́.

То́-то бы́ло слёз и огорче́ний!

Раз ка́к-то отцу́ пона́добился клю́чик от шка́фа. Посмотре́ли на крючо́к, где он всегда́ висе́л, — не́ту. Ста́ли иска́ть.

Це́лый день иска́ли по до́му, по́ двору: пропа́л клю́чик, да и всё тут.

Лома́ть замо́к бы́ло жа́лко: хоро́ший тако́й англи́йский замо́к, и ключ к нему́ был ма́ленький, на то́неньком ремешке́.

— Кто мог взять клю́чик? Что за безобра́зие! — серди́лся оте́ц.

Наконе́ц уже́ совсе́м потеря́ли наде́жду. Тут ма́ма заме́тила, что у Ми́шки изо рта́ торчи́т что́-то вро́де тря́почки. Она́ подошла́, взяла́сь за тря́почку и потяну́ла. Вы́тащила почти́ че́тверть арши́на. Это был ремешо́к от ключа́. Полови́ну его́ Ми́шка уже́ съел, а заодно́ проглоти́л и ключ.

— Вот ведь уро́д!.. Ну́жно же име́ть тако́й вкус! — возмуща́лся оте́ц.

Все ду́мали, что Ми́шка заболе́ет от тако́й неудобовари́мой пи́щи, но Ми́шка да́же у́хом не повёл. Ключ, наве́рно, о́чень ему́ понра́вился, и он продолжа́л в том же ду́хе.

Одна́жды сма́зывали под сара́ем сбру́ю дёгтем, и Ми́шка умудри́лся стащи́ть да́же це́лый чересседе́льник.

Оте́ц уви́дел, что он жуёт дли́нную бе́лую по́лосу, и вы́тащил её у него́ изо рта́. Оказа́лось, что Ми́шка забра́л в рот реме́нь длино́й о́коло ме́тра, да ещё с желе́зным кольцо́м посереди́не.

От до́лгого жева́нья чёрный жёсткий реме́нь раски́с, стал мя́гким, как тря́пка, и соверше́нно бе́лым. А кольцо́ ничу́ть не смуща́ло Ми́шку.

Прошло́ ле́то, о́сень, зима́. Наступи́ла втора́я Ми́шкина весна́. Ему́ ми́нуло уже́ де́вять ме́сяцев. Он был вы́ше годова́лой тёлки. Си́льный, тонконо́гий и како́й-то оса́нистый. Он люби́л разгу́ливать по ро́щам и обрыва́ть с дере́вьев моло́денькие ве́точки. Оттого́, наве́рно, он и го́лову свою́ носи́л так высо́ко, что не привы́к нагиба́ть её за траво́й.

У него́ уже́ проре́зались рога́. Внача́ле они́ бы́ли мя́гкие, горя́чие и набу́хшие. Их, как переспе́лый пе́рсик, покрыва́л не́жный пух.

Когда́ Ми́шка станови́лся про́тив со́лнца, в рога́х свети́лась а́лая кровь. Эта кровь кита́йцами це́нится на вес зо́лота. Они́ употребля́ют её в лека́рство. Мара́лов разво́дят в специа́льных мара́льниках и, когда́ рога́ нахо́дятся в э́том пери́оде, их спи́ливают. Это о́чень бо-

ле́зненная опера́ция. По́сле неё мара́лы до́лго хвора́ют, а иногда́ и ги́бнут совсе́м.

Коне́чно, у Ми́шки никто́ и не ду́мал спи́ливать рога́. К нему́ все о́чень привы́кли и ни за что никогда́ не сде́лали бы ему́ бо́льно.

Пока́ рога́ не затверде́ли, Ми́шка был кро́ткий и ла́сковый. Ча́сто он подходи́л к лю́дям и тихо́нько тёрся голово́й, прося́, что́бы ему́ погла́дили рога́. Они́ бы́ли горя́чие и, должно́ быть, необыча́йно чувстви́тельные. Сто́ило то́лько чуть-чу́ть посильне́е провести́ по ним па́льцем, как Ми́шка вздра́гивал и начина́л брыка́ться.

Мы за э́то вре́мя совсе́м подружи́лись с Ми́шкой. Це́лыми дня́ми мы игра́ли вме́сте, а когда́ шли в лес и́ли на го́ру, он то́же отправля́лся с на́ми.

Это бы́ло заба́вное зре́лище: че́тверо нас — де́вочек, на́ши прия́тели-ребя́та — каза́хи из бли́жнего ау́ла, штук пять — шесть соба́к и посереди́не — Ми́шка. Остава́ться оди́н он и ра́ньше не люби́л, а тепе́рь его́ осо́бенно тяну́ло к лю́дям.

Оди́н раз Юля че́м-то раздразни́ла его́, а пото́м в шу́тку сде́лала вид, что испуга́лась, и побежа́ла. Ми́шка помча́лся за ней. Юля, хохоча́, вспры́гнула на крыльцо́ и отту́да показа́ла Ми́шке язы́к. В отве́т на э́то Ми́шка по́днял го́лову и... то́же показа́л ей язы́к, да ещё при э́том смо́рщил нос и зашипе́л: ффф!.. Вот тебе́ и на́! Мы так и а́хнули от восто́рга.

Ну и Ми́шка, ло́вко отбри́л!

Мы на́чали поддра́знивать Ми́шку и спаса́ться пото́м от него́ на крыльцо́. Ми́шка прекра́сно по́нял игру́. Он отбега́л от крыльца́ и ждал: когда́ к нему́ приближа́лись с протя́нутыми рука́ми, он переходи́л в наступле́ние и гна́лся до са́мого крыльца́. Мы с ви́згом взлета́ли на крыльцо́, а Ми́шка поднима́л го́лову, высо́вывал как-то на́ сторону язы́к и шипе́л. Это бы́ло са́мое заба́вное в игре́. Да и удира́ть от оле́ня на крыльцо́ то́же вся́кому ле́стно.

Так мы игра́ли до тех пор, пока́ у Ми́шки не затвер-

де́ли рога́. И вот ту́т-то нам пришло́сь пожале́ть, что мы научи́ли Ми́шку гоня́ться за на́ми.

Когда́ рога́ ста́ли твёрдые, пух, огрубе́вший и ска- та́вшийся, на́чал с ко́жицей клочьями слеза́ть с них. Ми́шка тёрся рога́ми о дере́вья, стара́ясь поскоре́е счи́- стить шерстяну́ю ко́рку. Наконе́ц она́ облёзла совер- ше́нно. Эти пе́рвые Ми́шкины рога́ бы́ли не о́чень больши́е и на них не́ было отро́стков.

На сле́дующий год, когда́ Ми́шка сбро́сил пе́рвые рога́ и появи́лись но́вые, на них бы́ло уже́ два развет- вле́ния. Так быва́ет у всех мара́лов: с ка́ждым го́дом число́ ветве́й увели́чивается, и так до тех пор, пока́ оле́нь не всту́пит в зре́лый во́зраст.

По числу́ ветве́й охо́тники приблизи́тельно мо́гут сказа́ть, ско́лько оле́ню лет.

Получи́в блестя́щие о́стрые рога́, Ми́шка сра́зу же задра́л нос и расха́живал во́зле до́ма, высо́ко подня́в свою́ краси́вую, го́рдую го́лову.

Одна́жды, проходя́ по́ двору, он наступи́л на ми́ску Ма́йлика и переверну́л её.

— Ну да уж коне́чно, где же нам смотре́ть по́д но- ги: ва́жный бо́льно стал! — рассерди́лась Юля.

А Ма́йлик, раздоса́дованный тем, что оста́лся без еды́, оска́лил зу́бы и га́вкнул на Ми́шку.

Результа́т получи́лся совсе́м неожи́данный...

Вме́сто того́ что́бы испуга́ться и отскочи́ть, как э́то всегда́ бы́ло, Ми́шка нагну́л рога́, бро́сился на Ма́йли- ка, прижа́л его́ к стене́ сара́я и, подня́вшись на дыбы́, стал колоти́ть копы́тами.

Ма́йлик взвыл.

На крик Юли сбежа́лись лю́ди и прогна́ли Ми́шку.

Соба́ки по́сле э́того слу́чая ста́ли боя́ться Ми́шки, как огня́, и мсти́ли ему́ за все оби́ды то́лько тогда́, ко- гда́ он весно́й теря́л рога́.

Ка́к-то раз Ната́ша получи́ла за обе́дом кусо́к ар- бу́за и отпра́вилась во двор угости́ть арбу́зной ко́ркой Ми́шку.

Вдруг со двора́ разда́лся визг и рёв.

Все бро́сились на крик. Посреди́ двора́ на четвере́ньках стоя́ла Ната́ша и ора́ла что есть си́лы. Разбо́йник Ми́шка бараба́нил по её спине́ свои́ми о́стрыми стальны́ми копы́тцами. И здесь же, в пыли́, валя́лась вы́битая из Ната́шиных ручо́нок арбу́зная ко́рка.

Ма́йлик сра́зу забы́л весь свой страх перед Ми́шкой. Он с я́ростью вцепи́лся сза́ди в его́ но́гу. За ни́м и все остальны́е ри́нулись спаса́ть Ната́шу.

Уви́дев бегу́щую на по́мощь Со́ню, Ми́шка отскочи́л в сто́рону, раскла́нялся, пры́гнул через плете́нь и умча́лся на го́ру.

Когда́ Ната́ша уте́шилась, её на́чали расспра́шивать, как же э́то так случи́лось. Оказа́лось, вы́шло недоразуме́ние: Ми́шка про́сто не по́нял Ната́ши.

Мы са́ми же дразни́ли в игре́ Ми́шку тем, что ты́кали ему́ в физионо́мию па́льцем. Ну и вот, когда́ Ната́ша подошла́ с протя́нутым куско́м арбу́за, Ми́шка вообрази́л, что она́ ты́чет в него́ па́льцем, и разоби́делся.

— Безобра́зие како́е! Дра́знят са́ми живо́тное, а пото́м ещё удивля́ются, что оно́ дерётся! — недово́льно ворча́л на нас оте́ц. — Вот погоди́те, окре́пнут у него́ рога́, так зада́ст он вам жа́ру!

Ми́шка верну́лся по́здно ве́чером. Оте́ц загна́л его́ в коню́шню и в наказа́ние за́пер там на не́сколько дней. Утром Ми́шка печа́льно вздыха́л, вы́сунув го́лову из коню́шни. Ему́ о́чень хоте́лось побе́гать, попры́гать... ну, мо́жет быть, и подра́ться с ке́м-нибудь. А тут — сиди́ взаперти́.

Через два дня он, злой и нетерпели́вый, мета́лся взад и вперёд по коню́шне.

— Со́ня, — сказа́ла я, — должно́ быть, Ми́шка голо́дный. На́до его́ покорми́ть.

— Ничего́ не голо́дный, я ему́ неда́вно дава́ла овса́.

Нет, мне каза́лось, что Ми́шку уж чересчу́р обижа́ют.

«Полéзу-ка я на сеновáл, сбрóшу емý в конюшню немнóжко сéна», — решила я.

И полéзла. Набралá охáпку и стáла искáть мéжду брёвен щёлку побóльше, чтóбы протолкнýть сéно вниз, в конюшню.

Ходила, ходила по сеновáлу... да вдруг вмéсте с сéном — в большýю дырý, прямо к Мишке!

Агá! Мишка злóбно обрáдовался. Поднялся на дыбы и такýю выбил на моéй головé дробь, что чуть не прошиб совсéм. Хорошó, что подбежáла Сóня и стегнýла егó плётью.

Пóсле этого мы надóлго прекратили с Мишкой всякую дрýжбу. А Мишка, выпýщенный через нéсколько дней на свобóду, нискóлько не испрáвился, а, наоборóт, продолжáл ещё хýже безобрáзничать.

Недалекó от кордóна, на порóсшей ёлками Мохнáтой горé, жил в мáленькой лачýжке одинóкий старик. У негó былá пáсека — нéсколько ýльев с пчёлами. Чтóбы пчёлы не улетáли далекó за цветóчной пылью, он развёл на лужáйке перед пáсекой цéлое мóре полевых цветóв.

Мишка во врéмя своих стрáнствований примéтил эту лачýжку и решил навестить старикá.

Однáжды, когдá дед сидéл на скамьé в хижине и мирно плёл корзины, внезáпно раздáлся звон разбитого стеклá. В окнó высунулись сначáла Мишкины рогá, а потóм и вся егó мóрда.

Здрáвствуйте! Это что за явлéние?! Старик прошептáл какие-то заклинáния: «Сгинь, сгинь, нечистая сила!..» Но Мишка тóлько затряс ушáми и дáже не подýмал исчéзнуть.

Старик с опáской выглянул из двéри и... залюбовáлся представительной Мишкиной фигýрой:

«А я был бы óчень похóж на святóго стáрца, éсли бы мне удалóсь приручить эту нахáльную скотину, — подýмал он, вспóмнив, что Мишка разбил егó окнó. — Но какóй красивый! Прямо как на моих священных картинах!..»

Он вы́нес кусо́к хле́ба и позва́л Ми́шку:

— Эй, ты, тпрусь, тпрусь!

Ми́шка вы́свободил свою́ рога́тую го́лову из окна́, подошёл, поню́хал хлеб и с удово́льствием его́ съел. Старичо́к насы́пал ему́ на скаме́йку ещё и со́ли.

О-о-о! Это Ми́шка вполне́ оцени́л. Он о́чень люби́л соль и принялся́ с таки́м аппети́том лиза́ть её, что вы́пустил це́лую лу́жу слюны́. Когда́ он ко́нчил лиза́ть, скаме́йка была́ сло́вно то́лько что вы́мыта — так чи́сто он её вы́тер языко́м.

Пе́рвое знако́мство состоя́лось.

Стари́к был о́чень дово́лен и сам на себя́ умиля́лся: вот, мол, како́й я хоро́ший и до́брый челове́к, ди́кие зве́ри и те чу́вствуют э́то, прихо́дят и сра́зу смиря́ются и не хотя́т уходи́ть от меня́.

Ми́шка не спеша́ осмотре́л всё хозя́йство, пото́м улёгся на ни́зкой земляно́й кры́ше по́греба и засну́л. Он всегда́ выбира́л для спанья́ са́мые неудо́бные места́.

А умилённый ста́рец верну́лся плести́ свои́ корзи́ны.

Днём Ми́шка пропада́л в лесу́, а ночева́ть опя́ть верну́лся к своему́ но́вому прия́телю. Так про́жили они́ дней де́сять. Иногда́ на не́сколько часо́в Ми́шка заявля́лся на кордо́н и сно́ва уходи́л.

До́ма все так привы́кли к тому́, что Ми́шка ве́чно где́-то шата́ется, что ничу́ть не беспоко́ились о нём.

Стари́к па́сечник всё ещё хорошо́ относи́лся к Ми́шке, хотя́ в глубине́ души́, пожа́луй, не име́л бы уже́ ничего́ про́тив, е́сли бы э́тот «кро́ткий» оле́нь убра́лся куда́-нибудь пода́льше.

Де́ло в том, что Ми́шка успе́л уже́ пожева́ть у него́ плато́к, служи́вший ска́тертью, и пальто́, съел ко́жаный по́яс, помя́л цветы́ и, наконе́ц, забра́вшись за загоро́дку, к у́льям, растанцева́лся там и повали́л все у́льи. Стари́к всё терпе́л, но постепе́нно накаля́лся.

Одна́жды он отпра́вился в лес собира́ть на́ зиму хво́рост. Так как хи́жина стоя́ла в само́м лесу́, стари́к, уходя́, никогда́ не запира́л двере́й. Ми́шка, коне́чно, воспо́льзовался э́тим.

Как то́лько дед скры́лся в лесно́й ча́ще, он забра́лся в избу́шку и принялся́ там хозя́йничать. По сте́нам избу́шки бы́ли разве́шаны пёстрые листы́ бума́ги, на кото́рых я́ркими кра́сками изобража́лись ра́зные сце́ны из свяще́нного писа́ния.

Ми́шка внима́тельно рассмотре́л «Би́тву свято́го Гео́ргия Победоно́сца с крыла́тым зми́ем». Карти́на, ви́димо, ему́ понра́вилась. Он захвати́л губа́ми кра́ешек, дёрнул и откуси́л всего́ змéя и но́ги у Гео́ргия Победоно́сца. Пото́м перешёл к «Всеми́рному пото́пу» и изжева́л и гре́шных и пра́ведных люде́й без разбо́ру. «Изгна́ние из ра́я Ада́ма и Евы» он про́сто сорва́л со стены́ и бро́сил на́ пол и уже́ прице́ливался к сле́дующей карти́не, как вдруг услы́шал пе́ние возвраща́ющегося хозя́ина.

Ми́шка почу́вствовал, что за жева́нье его́ здесь, так же как и до́ма, не погла́дят по голо́вке. Он хоте́л поскоре́е удра́ть. Но хи́жина была́ така́я ни́зенькая и те́сная, что ему́ ника́к нельзя́ бы́ло в ней поверну́ться: ведь он был уже́ величино́й почти́ с ло́шадь, да ещё с больши́ми рога́ми. Вы́йти он мог, то́лько пя́тясь за́дом. А сза́ди, к несча́стью, уже́ подходи́л хозя́ин. Он сра́зу уви́дел обры́вки свои́х карти́н и догада́лся, в чём де́ло.

— Ах ты, дья́вол косма́тый! Пп-рро-кля́тая скоти́на! — с чу́вством воскли́кнул рассвирепе́вший дед. Он взял здоро́вую хворости́ну и изо все́й си́лы отдуба́сил по спине́ безбо́жника-оле́ня. Ми́шка оби́делся и убежа́л.

Через не́сколько дней он сно́ва разгу́ливал вокру́г хи́жины. Стари́к не ви́дел его́ и споко́йно рабо́тал на па́секе. Когда́ Ми́шка заме́тил, что дед наклони́лся над у́льем, он тихо́нько подошёл сза́ди, подня́лся на дыбы́ и, в свою́ о́чередь, отколоти́л старика́ по спине́.

Ну, тут уж, зна́ете, са́мое свято́е терпе́ние и то ло́пнет!

Стари́к три́жды про́клял э́то «гну́сное творе́ние» и стал упо́рно прогоня́ть от себя́ оле́ня.

Вре́мя шло. Начали́сь за́морозки. Ли́стья уже́ облете́ли, приближа́лась зима́.

С наступле́нием холодо́в жизнь у кордо́на ка́к-то замерла́. Лю́ди заперли́сь в ко́мнатах. Круго́м на́шего до́мика ино́й раз по це́лым дням не пока́зывалось ни одного́ живо́го челове́ка.

Вско́ре вы́пал пе́рвый снег.

Ми́шка ра́достно встре́тил э́то собы́тие. Он до́лго танцева́л в снегу́ — должно́ быть, купа́лся. Нагиба́л ве́тки дере́вьев, стря́хивая на себя́ ту́чи сне́га, раски́дывал его́ нога́ми и наконе́ц, разгорячи́вшись по́сле тако́й рабо́ты, схва́тывал снег губа́ми и ел его́.

То́лько тепе́рь все заме́тили, кака́я густа́я шу́ба отросла́ у него́ к зиме́. Осо́бенно дли́нной и пуши́стой она́ была́ на ше́е и на загри́вке, как бу́дто на Ми́шке был наде́т краси́вый тёплый воротни́к. Дли́нная бахрома́ шла от пере́дних ног по ни́зу живота́, а но́ги оста́лись таки́ми же то́нкими и гла́дкими, без вся́кой опу́шки, как бы́ли и ле́том.

Этим мара́л отлича́ется от се́верного оле́ня.

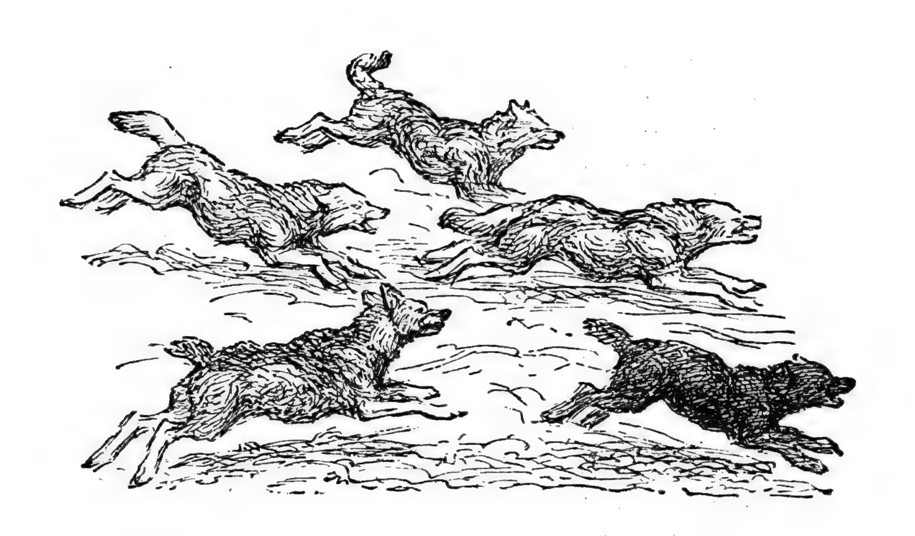
У того́ но́ги гора́здо коро́че, то́лще и у са́мого копы́та опушены́ ме́хом. Благодаря́ э́тим мохна́тым нога́м се́верный оле́нь ступа́ет по сне́гу так, как бу́дто он обу́т в тёплые меховы́е ва́ленки. Мара́л же и зимо́й хо́дит сло́вно на высо́ких каблучка́х.

Всю зи́му Ми́шка про́жил без осо́бенных приключе́ний до́ма. Пра́вда, он части́нько разгу́ливал по ле́су и в гора́х и́ли спуска́лся по доро́ге вниз, к располо́женным там опусте́вшим да́чам. Но к ве́черу он всегда́ лежа́л до́ма, на своём ме́сте. Спал он на кры́ше ку́зницы, устро́енной под наве́сом горы́.

Быва́ли слу́чаи, что Ми́шка, отпра́вившись к дере́вне, стрело́й прилета́л отту́да, пресле́дуемый деся́тком соба́к-гончако́в.

С во́ем и ла́ем несли́сь э́ти аза́ртные охо́тничьи ду́ши за оле́нем. А он лете́л впереди́, высоко́ заки́нув го́лову и раздува́я но́здри.

Обежа́в не́сколько раз вокру́г до́ма, Ми́шка оста-

на́вливался у крыльца́, нагиба́л рога́ и сме́ло броса́лся в би́тву. Вся сво́ра с ви́згом отступа́ла, а наибо́лее хра́брых и упо́рных Ми́шка бил нога́ми и рога́ми.

Когда́ пове́яло тепло́м и снег стал та́five, Ми́шка на́чал си́льно тоскова́ть и надо́лго уходи́л в лес.

В нача́ле февраля́ он опя́ть линя́л.

Краси́вая се́ро-бу́рая шу́ба слеза́ла с него́ кло́чьями. У него́ сно́ва упа́ли рога́, и мо́рда сра́зу приняла́ како́е-то кро́ткое и расте́рянное выраже́ние.

Потекли́ ручейки́. На солнцепёке расцвета́ли подсне́жники, фиа́лки. А пото́м зазелене́ли поля́ и дере́вья, и мы сно́ва вы́лезли нару́жу. В гора́х ста́ли раздава́ться на́ши гро́мкие пе́сни и ау́канье. Опя́ть начали́сь весёлые прогу́лки.

Ми́шка не́рвничал, худе́л и был о́чень мра́чен. К нача́лу ле́та рога́ у него́ опя́ть набу́хли. Бе́дный Ми́шка невыноси́мо страда́л от мух и слепне́й, кото́рые ту́чей слета́лись соса́ть из них кровь. С иску́санными, окрова́вленными рога́ми он забива́лся в тёмный у́гол сара́я и остава́лся там це́лыми дня́ми.

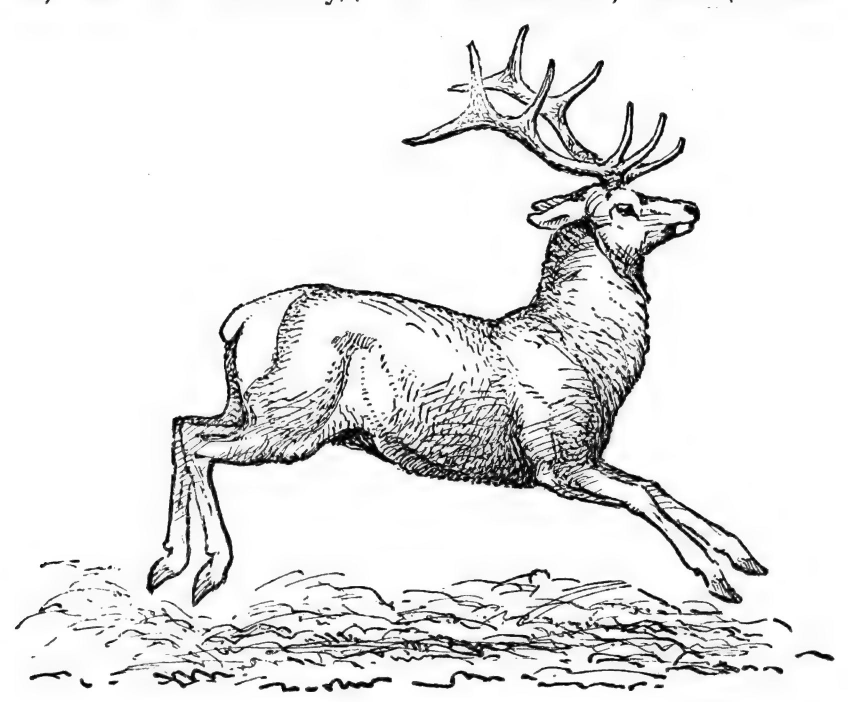
То́лько к ве́черу он выходи́л и отправля́лся в ро́щу объеда́ть ли́стья и моло́денькие ве́тки.

Ма́ма о́чень жале́ла Ми́шку. Она́ про́бовала сма́зывать ему́ рога́ каки́м-то соста́вом, что́бы му́хи не сади́лись на них, но э́тот е́дкий соста́в то́лько си́льно жёг не́жные Ми́шкины па́нты (так называ́ются молоды́е рога́ оле́ня).

Что́бы уте́шить Ми́шку, ма́ма ча́сто угоща́ла его́ вся́кими вку́сными веща́ми. И Ми́шка, должно́ быть в благода́рность за э́то, люби́л её бо́льше всех. Он беспрекосло́вно слу́шался её, ходи́л за ней, как соба́ка, о́чень люби́л лежа́ть о́коло её ног, когда́ она́ сади́лась вяза́ть и́ли шить что́-нибудь на крыле́чке.

Ча́сто он клал ей на плечо́ свою́ гру́стную мо́рдочку и стоя́л с закры́тыми глаза́ми, ощуща́я ла́сковое погла́живание хозя́йкиной руки́. Если Ми́шке случа́лось провини́ться, у него́ не́ было бо́лее горя́чего защи́тника, чем ма́ма.

В после́днее вре́мя она́ ста́ла о́чень беспоко́иться, как бы кто́-нибудь из охо́тников, посеща́вших

окре́стности, не уби́л Ми́шку, приня́в его́ за ди́кого оле́ня.

Она́ сде́лала ему́ ко́жаный оше́йник и прикрепи́ла к нему́ два больши́х я́рких ба́нта из кумача́ и си́ней кита́йки.

Но, несмотря́ на то что э́ти ба́нты и́здали броса́лись в глаза́, они́ не спасли́ Ми́шку от беды́.

Вот как э́то случи́лось.

В двух киломе́трах от кордо́на, вверх по уще́лью, посели́лся како́й-то столи́чный, как говори́ли, охо́тник-натурали́ст. Он разби́л себе́ пала́тку и за́жил на ло́не приро́ды.

Це́лыми дня́ми он разгу́ливал по гора́м с фотографи́ческим аппара́том и собира́л по доро́ге каки́е-то ка́мешки и тра́вки.

Ве́чером он возвраща́лся в пала́тку, вари́л себе́ у́жин, до́лго рассма́тривал свои́ нахо́дки и укла́дывал их по коро́бкам.

Ми́шка набрёл на пала́тку, когда́ хозя́ина не́ было до́ма. Он про́бовал бода́ть её, станови́лся перед ней на дыбы́, подбира́л и ел бума́гу и оку́рки, валя́вшиеся о́коло неё, и реши́л, что пала́тка ничего́, хоро́шая, и поэ́тому сто́ит приходи́ть к ней поча́ще.

На сле́дующий день, под ве́чер, Ми́шка вы́шел из тёмного сара́я и отпра́вился к пала́тке. Две́ри пала́тки бы́ли отки́нуты. Ми́шка дове́рчиво всу́нул туда́, в пала́тку, любопы́тный нос.

На его́ несча́стье, натурали́ст оказа́лся до́ма.

Ба́тюшки! Хра́брый охо́тник с испу́гу не разгляде́л ба́нтов на ше́е у Ми́шки и не сообрази́л, что ди́кий оле́нь никогда́ не подойдёт так бли́зко к челове́ку, схвати́л ружьё и вы́стрелил почти́ в упо́р.

Ми́шка упа́л.

Проезжа́вший ми́мо лесни́к услы́шал вы́стрел и бро́сился на по́мощь. Он уви́дел, что Ми́шка бьётся в су́дорогах, а столи́чный трус стои́т над ним и с расте́рянным ви́дом разгля́дывает ба́нты у него́ на оше́йнике.

Лесни́к помча́лся к отцу́.

— Беги́те скоре́й! Беда́! Ва́шего Ми́шку уби́ли! — закрича́л он, влета́я во двор.

Оте́ц оторва́л по́вод привя́занного к столбу́ Гнедка́, схвати́л ружьё и, не по́мня себя́ от возмуще́ния, бро́сился к ме́сту происше́ствия.

Ма́ма испуга́лась, что он в сердца́х наде́лает беды́, и побежа́ла вслед за ним.

Она́ подоспе́ла как раз к тому́ вре́мени, когда́ натурали́ст уже́ вы́слушал от отца́ са́мое открове́нное мне́ние о свои́х у́мственных спосо́бностях и, весь кра́сный от стыда́, лепета́л каки́е-то извине́ния.

— И где то́лько у э́тих горожа́н мозги́ помеща́ются! Да ра́зве ди́кий оле́нь когда́-нибудь су́нет го́лову пря́мо в пала́тку? Эх вы, «натурали́сты»!..

По сча́стью, натурали́ст был таки́м замеча́тельным стрелко́м, что, да́же стреля́я в упо́р, не попа́л Ми́шке в лоб, а прострели́л наскво́зь рог и отби́л отро́сток, кото́рый висе́л тепе́рь на кусо́чке ко́жи.

Оте́ц засучи́л рукава́ и принялся́ за опера́цию.

Натурали́ст принёс свою́ похо́дную апте́чку, сам сбе́гал за водо́й для Ми́шки и вообще́ вся́чески стара́лся загла́дить свой посту́пок.

Ми́шке удали́ли отро́сток и часть ро́га. Он стра́шно крича́л. Кровь би́ла тако́й си́льной струёй, что забры́згала де́рево, расту́щее в четырёх шага́х.

Наконе́ц всё бы́ло сде́лано. Ра́ну за́лили лека́рством. Ми́шка в по́лном изнеможе́нии опусти́л го́лову и, каза́лось, потеря́л созна́ние.

Всю ночь он пролежа́л на том же ме́сте под наве́сом из паруси́ны и жа́лобно стона́л.

На друго́й день он смог уже́ встать и с по́мощью отца́ добра́лся до́ дому.

Рога́ в том году́ бы́ли у него́ неро́вные: оди́н — как сле́дует, а друго́й, подпи́ленный, — коро́ткий.

Мы ду́мали, что у него́ так и бу́дут всегда́ неодина́ковые рога́, но оши́блись.

Сле́дующей весно́й Ми́шка сбро́сил изуро́дованные

рогá, и у негó к ию́лю вы́росли нóвые, прекрáсные, тяжёлые и ветви́стые.

Ми́шке шёл ужé пя́тый год.

Этим лéтом Ми́шка осóбенно отличи́лся. Как тóлько в садáх, окружáвших дáчи, созрéли фрýкты, он по цéлым недéлям стал там пропадáть.

Он спускáлся далекó по дорóге к гóроду и, облюбовáв местéчко, перепры́гивал через забóр, захвáтывал губáми вéтку и тряс её. Яблоки грáдом сы́пались на зéмлю. А Ми́шка, подобрáв всегó две — три штýки, принимáлся за нóвое дéрево. Он не стóлько съедáл, скóлько пóртил.

Уви́дев поутрý мáссу ещё недозрéлых фрýктов, котóрые валя́лись под дерéвьями и бы́ли совершéнно поби́ты и испóрчены, садóвники приходи́ли в бéшенство. Они́ узнáли, что марáл принадлежи́т нам, и стáли явля́ться к нам с жáлобами.

— Что же я могý с ним подéлать? — беспóмощно говори́л отéц. — Гони́те вы егó от себя́ сáми!

Он прóбовал запирáть Ми́шку за загорóдку и строго наказывал егó, но Ми́шка был свободолюби́вым живóтным, и невóля егó тóлько озлобля́ла.

Мы кáждую минýту ждáли нóвых извéстий с «теáтра воéнных дéйствий», как в шýтку называ́л сады́ отéц.

И действи́тельно, извéстия о Ми́шкиных пóдвигах не замедля́ли получáться: вчерá он отколоти́л ребя́т каки́х-то новосёлов, сегóдня утащи́л и пожевáл чьё-то плáтье, трéтьего дня, танцýя гдé-то на землянóй кры́ше пóгреба, провали́л её и, обрýшившись в пóгреб, переби́л все кри́нки с молокóм.

— Ну и фрукт! Ведь э́то же фóрменный разбóйник! — сокрушáлись отéц и мáма.

Наконéц, жестóко вы́дранный кéм-то, Ми́шка присмирéл и стал держáться бли́же к дóму.

Мы вздохнýли свобóднее, но ненадóлго.

Однáжды Ми́шка заяви́лся домóй и принёс на рогáх огрóмный хомýт со шлеёй. Он, навéрно, уви́дел егó

у распряжённого во́за и принялся́ бода́ть. Просу́нул рога́, а вы́тащить обра́тно не смог и, испуга́вшись, примча́лся вме́сте с ним.

Когда́ он влете́л домо́й с таки́м украше́нием на голове́, подня́лся дру́жный хо́хот. Хому́т сня́ли. Сде́лали о нём объявле́ние, но хозя́ин почему́-то не явля́лся за ним. Так э́тот хому́т и оста́лся у нас и впосле́дствии пригоди́лся в хозя́йстве. Называ́ли его́ до́ма «Ми́шкин хому́т». Тако́е же происше́ствие случи́лось не́сколько неде́ль спустя́. На э́тот раз Ми́шка вновь посети́л старика́ па́сечника и унёс на рога́х его́ шу́бу.

Мы рабо́тали о́коло до́ма и вдруг уви́дели таку́ю карти́ну: по доро́ге к кордо́ну ва́жно выступа́ет Ми́шка, неся́ на высо́ко по́днятой голове́ тяжёлый мехово́й тулу́п, а сбо́ку ры́сью бежи́т дед и гро́мко изрыга́ет прокля́тья по Ми́шкиному а́дресу.

Ми́шку загна́ли во дво́р, отобра́ли у него́ шу́бу и о́тдали её хозя́ину. Он с не́навистью посмотре́л на Ми́шку и ушёл, вы́разив ему́ горя́чее пожела́ние поскоре́е сдо́хнуть. Но Ми́шка и не поду́мал сдыха́ть.

Мы росли́ бок о́ бок с Ми́шкой и постепе́нно переста́ли его́ боя́ться. Когда́ он теря́л рога́ и станови́лся беспо́мощным, мы жале́ли его́, балова́ли и незаме́тно привыка́ли чу́вствовать себя́ его́ покрови́телями. Поэ́тому, когда́ рога́ появля́лись сно́ва и Ми́шка про́бовал показа́ть нам свою́ си́лу, мы, вме́сто того́ что́бы удира́ть, хло́пали его́ по гла́дкому кру́пу и прикри́кивали:

— Но, нн-о, ду́рень! Не зазнава́йся!

Зато́ чужи́е боя́лись его́ и момента́льно обраща́лись в бе́гство. Их Ми́шка всегда́ догоня́л и лупи́л в по́лное своё удово́льствие.

Одна́жды в го́ры прие́хала гуля́ть больша́я компа́ния городски́х наря́дных ба́рышень и кавале́ров. Они́ разбрели́сь по ле́су.

Одна́ па́рочка усе́лась, ве́село болта́я, под е́лью. Вдруг ба́рышня огляну́лась и уви́дела иду́щего на них Ми́шку.

— Ай, ай, убьёт! Ой, подхо́дит уже́! Ой, что де́лать?

С отча́янным ви́згом ба́рышня подбежа́ла к разве́систому де́реву, ухвати́лась за ни́жнюю ве́тку и повисла на ней, как больша́я гру́ша.

Кавале́р реши́л защища́ть себя́ и свою́ ба́рышню. Он махну́л на Ми́шку фура́жкой, ду́мая, что тот испуга́ется и уйдёт.

Ми́шка по́днял го́лову, вы́сунул язы́к и зашипе́л.

Хра́брый молодо́й челове́к швырну́л в него́ ело́вой ши́шкой. Но когда́ оле́нь шагну́л вперёд, он вдруг поверну́лся и во весь опо́р помча́лся вниз с горы́.

Тогда́ Ми́шка обрати́л внима́ние на де́вушку.

Несча́стная, ви́дя, как ре́зво умча́лся её защи́тник, со стра́хом вы́пустила из рук ве́тку и свали́лась пря́мо к Ми́шкиным нога́м.

Он испо́лнил вокру́г неё оди́н из са́мых замыслова́тых свои́х та́нцев и собира́лся в заключе́ние её поколоти́ть, когда́ на по́мощь подоспе́ла Со́ня и прогнала́ его́.

Таки́е приключе́ния ча́сто случа́лись с Ми́шкой в тече́ние ле́та. В промежу́тки ме́жду ни́ми Ми́шка забавля́лся тем, что дра́лся с соба́ками, носи́лся по гора́м и́ли купа́лся в реке́. Купа́лся он так: ста́нет посереди́не реки́ и начина́ет разгреба́ть пере́дними нога́ми во́ду, поднима́я фонта́ны брызг.

Мы, игра́я, люби́ли пря́таться с ведёрком на крыльце́ и, когда́ Ми́шка проходи́л ми́мо, внеза́пно ока́тывали его́ водо́й.

Эх, и отпля́сывал же тогда́ Ми́шка!

Ему́ бы́ло уже́ шесть лет, когда́ он вдруг ушёл и́з дому и пропада́л це́лых два ме́сяца. Ма́ма о́чень горева́ла. Она́ реши́ла, что кто́-нибудь застрели́л Ми́шку.

Ничу́ть не быва́ло. Одна́жды, возвраща́ясь домо́й с объе́зда, оте́ц увидел столпи́вшихся вокру́г чего́-то коро́в. Они́ стоя́ли те́сно друг к дру́жке, как заворожённые, гляде́ли в круг и и́зредка удивлённо мыча́ли. В кругу́ отпля́сывал Ми́шка. Он, ви́дно, был о́чень до-

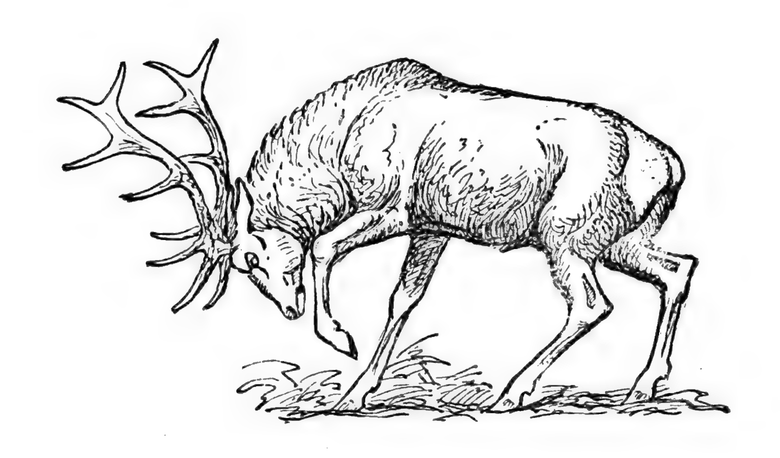
во́лен, что коро́вы так на него́ загляде́лись, и разошёлся вовсю́. Он верте́лся, наклоня́л рога́, приседа́л, взвива́лся на дыбы́, отска́кивал и раскла́нивался на все сто́роны.

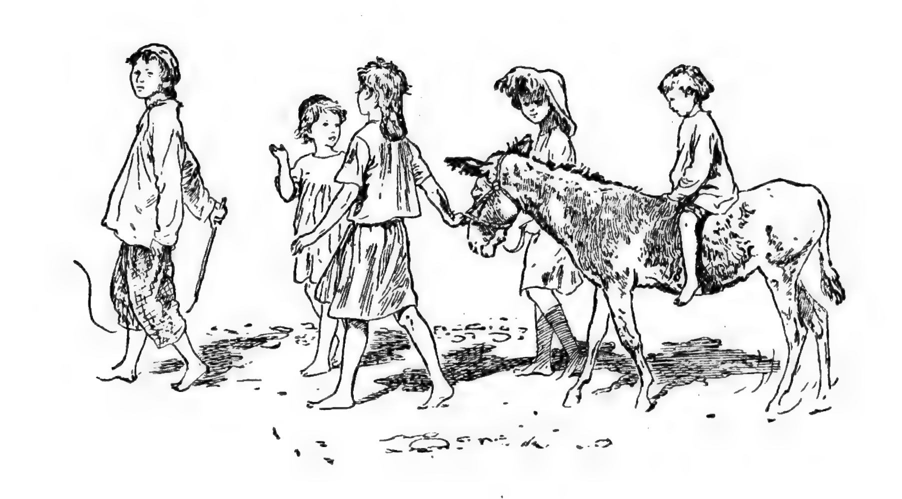
— Ах ты, шут горо́ховый! — расхохота́лся оте́ц, обра́дованный тем, что ви́дит Ми́шку не то́лько живы́м и здоро́вым, но ещё в тако́м весёлом настрое́нии.

Услыха́в го́лос, Ми́шка вздро́гнул, перескочи́л через коро́в и убежа́л на кордо́н. Не́сколько дней он был осо́бенно ла́сковым и ми́лым, и ма́ма не могла́ на него́ нара́доваться. Как раз в э́то вре́мя оте́ц узна́л, что в окре́стностях появи́лось не́сколько ди́ких мара́лов. Он рассказа́л об э́том ма́ме и предупреди́л её, что тепе́рь Ми́шка, наве́рно, уйдёт.

Нет, ма́ма не ве́рила ему́. Ну, пойдёт, погуля́ет и вернётся опя́ть. Но Ми́шка всё-таки ушёл. Навсегда́ ушёл за перева́л. Он вступи́л в во́зраст, когда́ оле́нь дерётся, хотя́ бы с це́лым све́том, ища́ себе́ подру́гу. Ми́шка был могу́чий и вы́холенный мара́л, и мы утеша́лись тем, что он победи́т всех свои́х сопе́рников. Он бу́дет са́мый гла́вный среди́ всех мара́лов.

Проща́й, Ми́шка, будь здоро́в!

ИШКА И МИЛКА

Мы с сестро́й верну́лись из шко́лы. В до́ме никого́ не́ было: все ушли́ на огоро́д. Мы побежа́ли туда́, держа́ наготове полу́ченные награ́ды.

— Ну, молодцы́! — похвали́ла нас ма́ма. — Поду́майте, с пе́рвой награ́дой! За таки́е успе́хи, действи́тельно, сле́дует нам с па́пой подари́ть вам что́-нибудь! А?.. Оте́ц, что ты ска́жешь об э́том?

Со́ня незаме́тно толкну́ла меня́ в бок:

— Скажи́ сейча́с про...

Я ка́шлянула от волне́ния и вы́палила:

— Никаки́х пода́рков нам не на́до!

— Это почему́ же?

— То́ есть не то что не на́до, а да́йте нам по рублю́. Мы тепе́рь всё вре́мя бу́дем переходи́ть с награ́дами. Мы ко́пим: ишака́ хоти́м покупа́ть.

— Когда́ же вы на́чали?.. И мно́го вы уже́ накопи́ли?

— Зимо́й на́чали, и уже́ рубль пятьдеся́т пять, — с ва́жностью доложи́ла Ната́ша. Её, аккура́тную и рассуди́тельную, хотя́ ей бы́ло то́лько пять лет, мы вы́бра-

ли своим казначеем [1]. — Полных рубль пятьдесят пять. Хоть сейчас могу показать.

— А ты разве тоже участвуешь? Ведь ты не в школе, ты на завтрак не получаешь.

— Моих пятнадцать, которые я нашла около ворот.

Отец воткнул лопату в грядку, выпрямился и начал искать в карманах.

— Вижу, что дело у вас солидно поставлено. Я хочу тоже внести свою долю. Принимайте меня в компанию. Тогда вот вам ещё пять рублей — это мой пай. Забирайте ваши сбережения и айда на базар!

— Ка-а-ак? Уже сейчас, сегодня?!

Через полчаса мы дружно шлёпали босыми ногами по мягкой горячей пыли, направляясь к скотному базару. Впереди шла Соня. Она держала в руке деньги и напрягала всё внимание, чтобы не уронить и не потерять их как-нибудь. Я шла рядом и не спускала глаз с её руки. Сзади, весело болтая и смеясь, поспевали рысцой младшие сестрёнки — Юля и Наташа.

Иногда нас вдруг охватывало страшное сомнение. Тогда мы останавливались посреди дороги, Соня разжимала потный кулак, и мы все ещё раз убеждались, что эта смятая, мокрая бумажка — действительно пять рублей, что она цела и что сегодня у нас будет настоящий, живой ишак.

Базар был очень далеко, нам пришлось пройти через весь город.

По дороге попадались и прохладные, тенистые улицы и раскалённые от солнца площади. Пыль на них была такой горячей, что по ней было больно ступать. Перебежав такую площадь, мы усаживались над арыком [2] и полоскали в воде обожжённые ступни.

Базар помещался на одной из таких площадей. Издали мы услыхали разноголосый рёв скотины, хло-

---

[1] Казначеем (казначей) — кассиром, хранителем денег.
[2] Арыком (арык) — оросительным каналом, ручейком.

панье бичéй, вы́крики и понукáнье погóнщиков. Вся плóщадь двигалась от снующих[1] взад и вперёд лошадéй, корóв и барáнов.

Мы потеря́лись в э́том шу́ме, сби́лись в ку́чку и стоя́ли, не решáясь дви́нуться с мéста.

— Смотри́те, наш Пéтька сосéдский тóже здесь... Пé-е-еть-ка!.. Пéтька-а! Пéтьку-у!

— Ну, чегó галди́те? Что э́то вся вáша компáния сюдá притащи́лась? — спроси́л Пéтька, подходя́ и надвигáя для фасóна фурáжку с заты́лка на сáмые глазá.

Он прекрáсно знал, зачéм мы пошли́ на базáр: от сáмого дóма он бежáл потихóньку за нáми, а тепéрь притвори́лся, что ему́ ничегó не извéстно.

— Чегó?! Ишакá покупáть? Это вы-то?.. Нет, брат, тут нáдо человéка понимáющего. А то жи́во обжу́лят.

— А ты, Пéтя? Ты ведь понимáешь в ишакáх?

Пéтя э́того тóлько и ждал:

— И то, помóчь рáзве вам? Тóже, глáвное, пошли́ и мне не сказáлись. Да тут вас одни́х враз ободрáли бы. Ишакá бы вам подсу́нули какóго-нибудь больнóго.

Услыхáв о таки́х стрáхах, мы срáзу присмирéли:

— Вот хорошó, Пéтя, что ты подоспéл вóвремя! Как э́то ты замечáтельно кстáти всегдá попадáешься, прáвда...

И мы все вмéсте приняли́сь броди́ть по базáру.

— Ишáк продаётся?

— Продаётся.

— Скóлько?

— Дéсять рублéй.

— Отдавáй зá три.

— Пошёл вон, дурáк!

Пéтька торговáлся бóйко, и по егó áдресу то и дéло раздавáлась ру́гань.

— Пéтька, вон ещё, смотри́ — чёрный большóй ишáк. Вот бы нам такóго...

— За скóлько продаёшь?

— Семь рублéй.

---

[1] Снующих; снующий — тороплúво, беспоря́дочно дви́гающийся.

— А вы за шесть с полови́...

Пе́тька разозли́лся и закрича́л на Со́ню:

— Если ты бу́дешь вылеза́ть, я уйду́ совсе́м! Де́лай тогда́ сама́, как хо́чешь!

Со́ня прикуси́ла язы́к, а он сно́ва обрати́лся к хозя́ину:

— Са́мая настоя́щая цена́ твоему́ ишаку́ четы́ре рубля́.

— Ну ла́дно, бери́.

Со́ня с гото́вностью раскры́ла кула́к.

— Посто́й! Да подожди́ же ты, Со́нька! Успе́ешь вы́сунуться со свои́ми деньга́ми. Ну́жно его́ ещё попро́бовать. Мо́жет, он и копе́йки не сто́ит.

— И э́то ве́рно. Ну, сади́сь на него́, Пе́тя, посмо́трим, хорошо́ ли он бе́гает.

Мы рассе́лись по́одаль на земле́, а Пе́тька взгромозди́лся на ишака́, что́бы проскака́ть перед на́ми. Но иша́к оказа́лся хромо́й.

Опя́ть начали́сь на́ши скита́ния по база́ру. Мне пригляну́лся ма́ленький се́ренький ишачо́к. Он гру́стно стоя́л в стороне́ под огро́мными вяза́нками хво́росту. Вяза́нки бы́ли прикреплены́ к бока́м ишачка́ и, поднима́ясь от земли́, соверше́нно закрыва́ли его́. Стои́т це́лая копна́ хво́росту, а из-под неё выгля́дывает се́ренькая голо́вка с больши́ми у́мными глаза́ми и мя́гкими, ба́рхатными у́шками.

— Смотри́те, вон како́й сла́вный! — заме́тила его́ и Юля.

— Скро́мненький тако́й, стои́т себе́, опусти́в хвост! — сра́зу восхити́лась ишачко́м Ната́ша.

— Ну, тако́го-то, наве́рно, не ста́нут продава́ть.

— А мо́жет быть, продаду́т. Дава́й спро́сим.

Спроси́ли. И вдруг оказа́лось, что ишачо́к продаётся.

— А за ско́лько?

— За во́семь рубле́й отда́м.

Тут пять ра́зных голосо́в приняли́сь наперебо́й упра́шивать хозя́ина, что́бы он уступи́л. Уж как мы

его́ угова́ривали, как упра́шивали! Пе́тька раз де́сять хло́пал его́ по коря́вой ладо́ни. Ната́ша ла́сково загля́дывала ему́ в глаза́, а Со́ня всё тверди́ла:

— Шесть с полови́ной, а? Ла́дно, а?

И вот с ишака́ сня́ли тяжёлые вяза́нки, и нам был торже́ственно вручён коне́ц верёвочного недоу́здка[1].

Доро́га домо́й нам показа́лась гора́здо коро́че. Мы все ра́зом гро́мко говори́ли и смея́лись без вся́кого по́вода.

— Привели́, привели́! — закрича́ла Со́ня, забега́я и распа́хивая воро́та.

Пе́тька шёл впереди́. Я и Юля вели́ ишака́ под уздцы́, а Ната́ша сиде́ла на нём верхо́м.

На́ша поку́пка всем о́чень понра́вилась. Оказа́лось, что мы купи́ли не ишака́, а ишачи́ху.

— А э́то ещё лу́чше. В хозя́йстве Ишка — са́мое хоро́шее. И ско́лько ма́леньких ишачко́в бу́дет у нас от неё!

Ишка была́ о́чень моло́денькая, чуть, мо́жет, поста́рше го́да. И совсе́м ма́ленькая — с телёнка, то́лько подлинне́е. Казахста́нские ишачки́ вообще́ ма́ленькие: не вы́ше ме́тра от земли́.

Ишка стоя́ла перед крыльцо́м и аппети́тно хрусте́ла чёрствыми ко́ржиками, кото́рые с рождества́ приберега́ла для неё Ната́ша. А мы всё разгля́дывали и прихора́шивали её.

Она́ была́ се́ренькая, как мышь. На хвосте́ — пуши́стая ки́сточка. От хвоста́ до са́мых уше́й вдоль всей спины́ шла я́ркая чёрная полоса́ и перекре́щивалась с друго́й тако́й же полосо́й на плеча́х. Коро́тенькая курча́вая стоя́чая гри́вка и дли́нные подвижны́е у́шки бы́ли то́же тёмные. А низ живота́, мя́гкий, атла́сный, и нос и гу́бы бы́ли бе́лого цве́та.

Мы повы́дергали у неё из хвоста́ и гри́вы ко́мья репьёв и расчеса́ли шерсть щёткой и скребни́цей.

Ишка принаряди́лась и ста́ла ещё миле́е. На лбу

[1] Недоу́здка; недоу́здок — узде́чка без удил, с одни́м по́водом.

у неё росла́ до са́мых глаз густа́я шёрстка. Ишка выгля́дывала из-под неё как бу́дто исподло́бья.

Мы отвели́ её в сад, вы́брали месте́чко с са́мой лу́чшей траво́й и пусти́ли её пасти́сь.

Ишка пощипа́ла немно́жко тра́вку, огляну́лась на нас и, закача́в в такт голово́й, реши́тельно отпра́вилась на задво́рки. Это бы́ло о́чень непривлека́тельное ме́сто. Там находи́лась му́сорная я́ма, росла́ высо́кая крапи́ва, полы́нь и колю́чка-чертополо́х.

Мы в недоуме́нии шли за Ишкой. Что ей могло́ здесь понра́виться? А она́ сорвала́ большу́щий лист чертополо́ха и приняла́сь его́ жева́ть.

— Отбери́те скоре́й! — испуга́лась Ната́ша. — Ах ты, несча́стная Ишка! Зако́лют её тепе́рь изнутри́ э́ти колю́чки...

Мы бро́сились отнима́ть. Но Ишка рассерди́лась, прижа́ла у́ши к заты́лку и мотну́ла голово́й в на́шу сто́рону.

— Подожди́те! — Соня побежа́ла к отцу́ узна́ть, что э́то с Ишкой. Уж не хо́чет ли она́ отрави́ться колю́чкой?

Верну́вшись, она́ растолка́ла всех и сказа́ла:

— Оста́вьте живо́тное поступа́ть так, как оно́ хо́чет. Оно́ никогда́ не съест того́, что ему́ вре́дно. Ишаки́ живу́т в жа́рких стра́нах, где со́лнце выжига́ет траву́, а колю́чки э́той там ви́димо-неви́димо. И она́ во́все не така́я плоха́я: она́ со́чная и вку́сная. Об иго́лках то́же не беспоко́йтесь: Ишка не уко́лется.

Со́ня объясни́ла всё э́то так ва́жно и умно́, то́чно зна́ла сама́. С на́ми бы́ло мно́го сосе́дских ребя́т, и все слу́шали её раскры́в рты. Мне ста́ло невтерпёж:

— Форсу́нья ты, Со́нька! Гла́вное, ведь ты сама́ то́лько что обо всём э́том узна́ла, а то́же... И про жа́ркие стра́ны... Кака́я же у нас жа́ркая страна́?

Но тут — ве́рно, от доса́ды — мне сде́лалось так жа́рко, что вспоте́ли да́же во́лосы. Над му́сорной я́мой гуде́ли шмели́ и му́хи. Ишка поднима́ла облака́ пы́ли, катаясь на ку́че золы́.

А Со́ня да́же не поверну́ла головы́ на моё ворча́нье и продолжа́ла о́чень нау́чно и без запи́нки расска́зывать про ишако́в.

К ве́черу мы устро́или ма́ленький заго́нчик из досо́к, поста́вили вме́сто корму́шки плетёную корзи́ну, подостла́ли соло́мы и загна́ли туда́ Ишку. Но́вое помеще́ние ей не понра́вилось. Но́чью, когда́ все уже́ спа́ли, она́ подлёзла под одну́ из досо́к, покряхте́ла и вы́лезла во двор.

У сара́я жева́ли клёвер и гро́мко фы́ркали ло́шади; посреди́ двора́ стоя́ла коро́ва; там и тут спа́ли, сверну́вшись кала́чиком, соба́ки.

Ишка ста́ла обходи́ть их и раста́лкивать но́сом. Соба́ки со́нно ворча́ли, но Ишка не унима́лась до тех пор, пока́ не поднима́ла их на́ ноги. Они́ вска́кивали и раздражённо ря́вкали пря́мо ей в нос. Тогда́ она́ прижима́ла у́ши и маха́ла на них оска́ленной мо́рдой: нно-но, мол, вы меня́ ещё не зна́ете, держи́тесь-ка лу́чше в грани́цах!..

Пото́м Ишка обрати́ла своё внима́ние на коро́ву. Подошла́ к ней сза́ди и укуси́ла её за ля́жку. Коро́ва дёрнула ного́й и поверну́ла к ней рога́. Тут уж Ишка показа́ла себя́ по́длинно стра́шным зве́рем: она́ вся как-то подобрала́сь, оска́лилась и так приняла́сь колоти́ть бе́дную толсту́ху копы́тами и куса́ть её, что коро́ва беспо́мощно закрути́ла голово́й и уда́рилась в бе́гство. Ишка— за ней.

По́сле э́того сто́ило то́лько Ишке хвосто́м мотну́ть, как коро́ва срыва́лась с ме́ста и броса́лась наутёк.

Ишка э́того то́лько и добива́лась. Ведь у неё, в су́щности, не́ было никако́го ору́жия для борьбы́: ни клыко́в, ни когте́й, ни рого́в, а уда́ры её ма́леньких копы́т бы́ли совсе́м не стра́шные. И е́сли бы не её сме́лость и насто́йчивость, вся́кий мог бы её оби́деть. А ме́жду тем мы ви́дели, что Ишка держа́лась о́чень незави́симо. И все живо́тные относи́лись к ней с уваже́нием, а не́которые да́же боя́лись её.

Э́то потому́, что хи́трая Ишка уме́ла предста́виться

такóй стрáшной и так стремúтельно бросалась на врагá, что перед её нáтиском невóльно отступáли. Дýмали, вéрно, как в бáсне Крылóва:

Ай, Мóська! знать, онá сильнá,
Что лáет на Слонá...

Пéрвую недéлю на Ишке не éздили. Мы приучáли её к себé. Ласкáли, кормúли сáхаром и хлéбом. Ишка вскóре научúлась различáть нас и замéтно вы́делила в свои любúмицы Юлю и Натáшу.

Онú цéлыми днями возúлись с ней: то стригýт ей хвост, то расчёсывают грúву, то чúстят копы́та.

Раз мы с Сóней купáли лóшадь. Привязáли её к кóновязи [1] и обливáли водóй из ары́ка. Лóшади очень нрáвилось купáнье. Прáвда, онá косúлась на ведрó, когдá мы размáхивались, чтóбы окатúть её полýчше, но потóм, когдá водá струйками скáтывалась по её крýпу, онá рáдостно фы́ркала, приплясывала на мéсте и разгребáла ногáми воображáемую вóду.

Мы ужé кончáли купáть — вдруг смóтрим: Юля и Натáша тóже тянут свою Ишку. Привязáли и давáй купáть.

Ишке э́то óчень не понрáвилось. Онá вырывáлась

[1] Кóновязи; кóновязь — столб с кольцóм, к котóрому привязывают лошадéй.

и ка́ждый раз, когда́ её ока́тывали водо́й, презаба́вно лягáлась.

Мо́края, она́ походи́ла на ощи́панного цыплёнка: ше́я то́нкая, голова́ больша́я, лохма́тая, а но́ги — пря́мо как спи́чки. И живо́т арбу́зом...

Когда́ Юля подноси́ла к ней та́зик, она́ начина́ла верте́ться, и вода́ пролета́ла ми́мо.

— Ната́ша, подведи́-ка её сюда́ и держи́. Я бу́ду полива́ть пря́мо из ары́ка, — скома́ндовала Юля. Она́ перешагну́ла одно́й ного́й и, сто́я над ары́ком, зачерпну́ла по́лный таз.

Ната́ша одно́й руко́й (в друго́й у неё была́ бу́лка) отвяза́ла Ишку и подвела́ к бе́регу.

Юля с ног до головы́ окати́ла Ишку и опя́ть зачерпну́ла.

Ишка пришла́ в я́рость и вдруг как ки́нется к ней! Юля вскри́кнула, урони́ла та́зик в во́ду, поскользну́лась и... шлёпнулась в него́.

Та́зик вме́сте с Юлей поплы́л по тече́нию. Мы захохота́ли так, что ло́шадь шара́хнулась. Ната́ша поперхну́лась, а Ишка вы́хватила у неё бу́лку и улепетну́ла в сара́й.

Не перестава́я хохота́ть, мы бро́сились на по́мощь. Ната́шу на́чали колоти́ть по спине́, что́бы вы́тряхнуть застря́вшую в го́рле бу́лку, а Юлю, уплы́вшую в та́зике, вы́ловили внизу́ сосе́дские ребя́та. Она́ промо́кла до ни́тки и заши́бла колёнку. Но когда́ она́ вы́бралась из воды́, пе́рвые её слова́ бы́ли:

— А Ишка где же? Эх вы, недотёпы!..

Ишка была́ на свое́й люби́мой ку́че золы́. Она́ разгребла́ её копы́том, улегла́сь и дава́й ката́ться — то́лько но́ги замелька́ли. Пото́м подняла́сь и ста́ла отря́хиваться.

— Наве́рно, жизнь в жа́рких стра́нах не приуча́ет ишако́в купа́ться, — заду́мчиво заме́тила Со́ня.

Из ремешко́в и то́лстого во́йлока мы са́ми сши́ли для Ишки узде́чку и седло́.

Когда́ всё бы́ло гото́во, мы наде́ли на Ишку узде́чку, оседла́ли её и ста́ли проезжа́ть.

Бе́гала она́ о́чень хорошо́. У неё была́ ма́ленькая, «соба́чья» и́ноходь и о́чень лёгкий, бы́стрый гало́п. Но когда́ она́ была́ не в ду́хе и́ли ей не нра́вился вса́дник, она́ изобрета́ла каку́ю-то дро́бную, невозмо́жно тря́скую рысь. Эту рысь мы называ́ли «трюх-брюх».

Очень ско́ро седло́ и узде́чку мы аккура́тно пове́сили на гво́здик в сара́е и никогда́ бо́льше уже́ не снима́ли, а е́здили на Ишке без узды́ и без седла́. Пра́вили при по́мощи па́лочки, а то и про́сто руко́й. Похло́паешь её по пра́вой щеке́ и́ли по пра́вой стороне́ ше́и — она́ завора́чивает нале́во; по ле́вой — напра́во. Если на́до бы́ло останови́ться, тяну́ли за шерсть ме́жду уша́ми, и она́ остана́вливалась. Если же её тяну́ли за шерсть по бока́м, у кру́па, э́то зна́чило — «вперёд и поскоре́е». В таки́х слу́чаях Ишка с ме́ста брала́ гало́пом.

Юля и Ната́ша прекра́сно управля́ли Ишкой и о́чень люби́ли е́здить на ней. Мне и Со́не э́то удава́лось ху́же. Нас Ишка не бо́льно-то слу́шалась, брыка́лась и вози́ла всегда́ «трюх-брю́хом», так что все кишки́ в животе́ переба́лтывались.

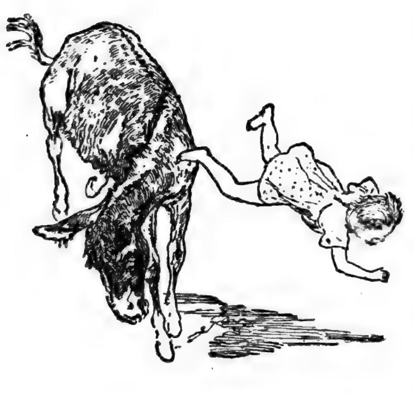
Ка́к-то меня́ посла́ли разы́скивать пропа́вших индюша́т.

— Ты непра́вильно сади́шься, — сказа́ла Юля. — На́до сади́ться пода́льше от ше́и. Вот сюда́. — И она́ хло́пнула Ишку по кру́пу.

Я усе́лась, как она́ показа́ла, на са́мый Ишкин хвост и пое́хала. Па́лочка у меня́ была́ коро́ткая и не достава́ла, — Ишка и отпра́вилась куда́ глаза́ глядя́т да ещё, как наро́чно, по́лным гало́пом.

Во вре́мя езды́ я передви́нулась побли́же к ше́е. Тут Ишка вдруг на по́лном ходу́ — стоп! — и подогну́ла го́лову. Я так с разма́ху и кувырну́лась вперёд.

Ишка ми́гом поверну́ла домо́й и поскака́ла посереди́не у́лицы. Го́лову она́ го́рдо заки́нула кве́рху и, как руль, повора́чивала её то напра́во, то нале́во. И при э́том победоно́сно труби́ла: «И-аа, и-аа, и-а-а-а!», то́ч-

но в са́мом де́ле сде́лала о́чень похва́льное де́ло.

А Со́ня и совсе́м не люби́ла е́здить на Ишке.

— Где у э́того живо́тного седлови́на? — говори́ла она́ с сомне́нием, разгля́дывая соверше́нно пряму́ю Ишкину спи́ну. — У ло́шади, по кра́йней ме́ре, зна́ешь, что на́до сиде́ть в седлови́не. А тут — сиди́ где́-то на хвосте́.

А Юля и Ната́ша не задава́лись таки́ми нау́чными вопро́сами. Це́лыми дня́ми они́ скака́ли на Ишке то одна́, то друга́я, а то уса́живались о́бе сра́зу и в «тре́тий класс» сажа́ли ещё кого́-нибудь из сосе́дских ребя́т.

Ишка так привы́кла к их о́бществу, что ходи́ла за ни́ми, как соба́ка. Это бы́ло о́чень удо́бно — име́ть всегда́ под руко́й гото́вые сре́дства передвиже́ния.

Ка́к-то мы подмета́ли двор. Я отошла́ к Со́не, а моя́ метла́ оста́лась о́коло воро́т, шага́х в тридцати́.

Ната́ша стоя́ла ря́дом со мной. Она́ о́чень серьёзно се́ла на Ишку, пое́хала и привезла́ мне метлу́.

Ма́ма о́чень над э́тим смея́лась:

— Этак вы, де́тки, совсе́м разу́читесь ходи́ть на со́бственных нога́х.

С Ишкой мно́гое у нас измени́лось.

Ра́ньше, наприме́р, е́сли ну́жно бы́ло кого́-нибудь из нас посла́ть в ла́вочку и́ли на база́р, никого́ побли́зости не ока́зывалось. Приходи́лось до́лго крича́ть, звать, а пото́м ма́ма начина́ла проси́ть:

— Юленька, ведь ты меня́ лю́бишь...

— Ну, э́то ещё неизве́стно, — недово́льно прерыва́ла мать лю́бящая до́чка. — То́лько не на база́р, пожа́луйста. А в ла́вку сбе́гаю, е́сли дашь на конфе́ту.

Тепе́рь же бы́ло совсе́м не то́.

— Ма́ма, тебе́ не ну́жно ли съе́здить на база́р?..

Ма́ма, дава́й я съе́зжу в ла́вку, — предлага́ли де́вочки по не́скольку раз в день.

Если Юле дава́лось поруче́ние съе́здить на база́р за са́харом и ни́тками, Ната́ша провожа́ла её до воро́т и говори́ла:

— Ну, смотри́ же...

Пото́м через весь го́род скака́ла ма́ленькая се́рая фигу́рка Ишки и мелька́ла кра́сная Юлина ша́почка.

Верну́вшись, она́ отдава́ла поку́пки, и ока́зывалось, что ни́тки она́ забы́ла купи́ть. В таки́х слу́чаях Ната́ша была́ под руко́ю и уже́ почему́-то в шля́пе.

И сно́ва мо́жно бы́ло ви́деть бо́йко ска́чущего вдоль у́лицы ишачка́ и подпры́гивающую кра́сненькую ша́почку.

С появле́нием Ишки на́ши и́гры ста́ли куда́ интере́снее. Тепе́рь, е́сли приходи́лось изобража́ть, ска́жем, Индию, Ишку сейча́с же разукра́шивали пе́рьями, я́ркими тря́почками, обре́зками блестя́щей бума́ги, покрыва́ли ковро́м, на спи́ну ей кла́ли поду́шку, и на поду́шку сади́лась Ната́ша.

Ишка была́ слон, а Ната́ша — раджа́.

Если на́до бы́ло удира́ть из пле́на, мо́жно бы́ло сде́лать э́то по-настоя́щему — верхо́м на Ишке.

А путеше́ствия! Ведь ра́ньше э́то был про́сто смех оди́н, а не путеше́ствия: все верхо́м на па́лочках и вообража́ют, что путеше́ствуют. А тепе́рь карти́на была́ о́чень внуши́тельная: на Ишку нагружа́ли пала́тку, съестны́е припа́сы и горшо́к для ва́рки карто́феля.

Впереди́ шёл предводи́тель отря́да, сза́ди тяну́лся обо́з (Ишка ведь была́ обо́з), а да́льше — все остальны́е путеше́ственники.

Так мы ходи́ли в го́ры за я́блоками и за гриба́ми, и ещё мно́го бы́ло таки́х экску́рсий.

Пото́м мы устра́ивали бега́. Со́ня и́ли я сади́лись на старика́ инохо́дца и вызыва́ли Ишку на состяза́ние. Расстоя́ние бра́ли небольшо́е — ну, так, приме́рно, кварта́ла два. Мы жи́ли за го́родом, и за на́шим са́дом сра́зу начина́лся вы́гон. На э́том вы́гоне мы и гоня́лись.

Нере́дко случа́лось, что Ишка прибега́ла пе́рвой. Но и здесь она́ брала́ бо́льше хи́тростью.

Вы́строятся они́ ря́дом — инохо́дец и Ишка.

— Рра-аз! Два! Три!

Инохо́дец бежи́т пря́мо, а Ишка пло́тно подожмёт свой хво́стик, заве́ртит ки́сточкой и так и норови́т юркну́ть инохо́дцу под мо́рду. Если то́лько ей удава́лось заня́ть пози́цию перед мо́рдой ло́шади, побе́да остава́лась за ней. Она́ не дава́ла доро́ги. Стари́к инохо́дец нево́льно замедля́л ход и стара́лся хоть кусну́ть назо́йливое существо́, задо́рно скака́вшее впереди́.

За сара́ем, среди́ ра́зной ру́хляди и обло́мков, мы откопа́ли ка́к-то пере́днюю ось ма́ленькой теле́жки. Два пере́дних колеса́ и огло́бли бы́ли в по́лной испра́вности. В ра́зных места́х мы отыска́ли всё остально́е и с по́мощью ста́рших смастери́ли себе́ ма́ленькую арбу́.

Ишка о́чень удиви́лась, когда́ её запрягли́. Она́ всё огля́дывалась на теле́жку, но не брыка́лась и не протестова́ла. Еди́нственное, что ей о́чень не нра́вилось, — э́то заче́м на неё надева́ют узде́чку и во́жжи. Она́ сра́зу глупе́ла, станови́лась злой и упря́мой и соверше́нно не слу́шалась вожже́й. Если тяну́ли за пра́вую вожжу́, она́ дёргала голово́й, повора́чивала нале́во. Пришло́сь и в у́пряжи е́здить без узды́, с дли́нным прутом́, кото́рого Ишка прекра́сно слу́шалась.

Ка́к-то нас посла́ли на база́р за поку́пками. Мы реши́ли е́хать на Ишке. Заложи́ли арбу́. Юля усе́лась верхо́м пра́вить, а мы с Ната́шей забра́лись на арбу́. Пое́хали. Доро́га шла всё под го́рку, Ишке бы́ло легко́. Колёса теле́жки заверте́лись о́чень бы́стро. А пыль за на́ми поднима́лась пря́мо как от настоя́щей теле́ги.

Прие́хали на база́р, ста́ли е́здить по ряда́м — покупа́ть арбу́з и ды́ни. Присмотре́ли оди́н здоро́вый арбу́зище и заспо́рили с хозя́ином о цене́. Во вре́мя спо́ра об Ишке совсе́м ка́к-то позабы́ли. То́лько вдруг я ви́жу — она́ засу́нула го́лову в корзи́ну продавца́ и упи́сывает его́ виногра́д. Я подтолкну́ла Юлю. Она́ как а́хнет да как стегнёт Ишку кнуто́м!

Ишка рвану́лась и сши́бла с ног Ната́шу. А у неё в рука́х был арбу́з. Он упа́л на зе́млю — и расколо́лся...

Тут набежа́ли продавцы́:

— Плати́те за арбу́з! Плати́те за виногра́д!

Тре́буют чуть не все де́ньги, кото́рые нам да́ли для поку́пок. Мы говори́м:

— Ведь арбу́з же неча́янно...

А они́:

— Нет, ча́янно. Плати́те, и всё.

Что тут бу́дешь де́лать? Пришло́сь заплати́ть.

Домо́й мы е́хали печа́льные, присмире́вшие. Гла́вное, боя́лись, что не бу́дут бо́льше посыла́ть на база́р. А тут Ишка ещё кривля́ется: де́лает вид, что ей так тяжело́ везти́ — ну, про́сто надрыва́ется. Налегла́ в хому́т, го́лову нагну́ла чуть не до земли́ и у́ши ка́к-то осо́бенно вы́вернула и стре́лочками поста́вила на маку́шке. Это у неё был знак, что ей тру́дно. Я вста́ла с теле́жки и пошла́ пешко́м, а Ишка всё у́ши вывора́чивает.

Тогда́ мы реши́ли её наду́ть. Незаме́тно сле́зли с теле́жки все. А она́ всё пока́зывает, что ей тяжело́.

Тут уж мы рассердились:

— Будет врать-то! Пустую арбу везти трудно? Сколько из-за тебя ещё неприятностей будет дома... Айда, садитесь все, пусть потрудится!

Мы сели. Ишка окончательно стала.

— Что такое? Неужели она вправду не может нас везти?

Подошли к Ишкиной морде и видим: Ишка смотрит на землю, а у неё около копыта что-то блестит. Нагнулись — золотой пятирублёвик.

— Вот так Ишка!

Мы купили всё, что надо, угостили на радостях Ишку и поехали домой. Теперь она бежала прекрасно, а мы всю дорогу пели песни.

Зимой на Ишке ездили в санях. Потом пришла весна, и была такая грязь, что нельзя было ездить ни в санях, ни в тележке, ни верхом: грязь доходила Ишке до колен.

Месяца два Ишка была совсем без дела. Но она не скучала. Недалеко от нас, на кирпичном заводе, было много ишаков. Ишка свела с ними знакомство и каждый день уходила к ним в гости.

Как только подсохли дорожки, мы опять начали бродить по окрестностям. Ишка, конечно, была с нами. Но раз кто-то из старших сказал нам:

— Вы теперь Ишку сильно не гоняйте. У неё будет маленький ишачок!

— Как — ишачок!

— Ну как — очень просто: родится детёныш.

Наташа оглянулась на Юлю:

— Ага, что? Вот ты мне не давала ездить на Ишке, теперь она мне другого ишака принесёт, ещё лучше. Думаешь, она не видела, что мне завидно?

Все согласились, что Ишка это очень хорошо видела, а Наташа продолжала:

— Ну, уж этот мой ишак будет — так действительно красота! Никому не дам ездить на нём. Лучше и не просите — всё равно не дам!

С э́тих пор она́ изо все́х сил ста́ла уха́живать за Ишкой. Сама́ корми́ла её, следи́ла, что́бы её не уда́рили и не напуга́ли. А е́сли ну́жно бы́ло куда́-нибудь пое́хать на Ишке, она́ вся́кий раз до́лго торгова́лась:

— Ну заче́м непреме́нно на Ишке? Не мо́жешь ты, что́ ли, пешко́м пойти́? Смотри́, как она́ глаза́ закрыва́ет. Мо́жет быть, она́ больна́я.

Снача́ла мы жда́ли ишачка́ ка́ждый день. Ната́ша, как то́лько встава́ла у́тром, сейча́с же бежа́ла к Ишке. Когда́ она́ возвраща́лась, мы спра́шивали:

— Ну что, есть?

— Не́ту ещё, наве́рно за́втра.

Но вот прошло́ ле́то, о́сень, вы́пал снег, и мы с Со́ней уже́ давно́ ходи́ли в шко́лу, а ишачка́ всё не́ было.

Ната́шу ста́ли грызть сомне́ния:

— Должно́ быть, она́ забы́ла. А то, мо́жет, оби́делась на что́-нибудь. Ско́ро год, как обеща́ли, и всё ника́к она́ не раскача́ется.

Она́ про́бовала объясни́ться с Ишкой, но ишачка́ всё не́ было, и Ната́ша переста́ла её навеща́ть.

К нача́лу весны́ живо́т у Ишки сде́лался как ло́дка. Она́ переста́ла задира́ть коро́ву и соба́к, ходи́ла осторо́жно и всё гре́лась на со́лнышке. Уйдёт на огоро́д, вы́берет себе́ месте́чко посу́ше, вста́нет и гре́ется.

Ка́к-то в воскресе́нье оте́ц сказа́л нам:

— Ну, тепе́рь на́до смотре́ть за Ишкой: наве́рно, уже́ ско́ро...

Не успе́л он договори́ть, как в ко́мнату вбежа́ла Юля:

— Рожда́ется... на огоро́де...

Все побежа́ли туда́. В небольшо́й ложби́нке, там, где ле́том росли́ огурцы́, лежа́л чуде́сный чёрненький ишачо́к. Ишка мета́лась вокру́г него́ и всё стара́лась подня́ть его́ но́сом. Оте́ц хоте́л помо́чь ей, но она́ завизжа́ла от я́рости и бро́силась на него́. Тут мы заме́тили, что ишачо́к всё вре́мя лежи́т неподви́жно.

Отцу́ показа́лось э́то стра́нным. Он взял па́лку, отогна́л Ишку и нагну́лся над детёнышем.

Ишачо́к был мёртвый.

Оте́ц по́днял его́ за́ ноги и понёс. Голова́ ишачка́ болта́лась во все сто́роны, а Ишка бежа́ла ря́дом, лиза́ла его́ и ка́к-то беспо́мощно хрю́кала, сло́вно всхли́пывала.

Оказа́лось, что ишачо́к роди́лся вполне́ здоро́вым. Но он был у Ишки пе́рвый, и она́ сама́ уби́ла его́. Мо́жет быть, потому́, что испуга́лась, а мо́жет, по неосторо́жности. Пото́м мы узна́ли, что у живо́тных э́то ча́сто случа́ется с пе́рвыми детёнышами.

Ишачка́ понесли́ далеко́ в по́ле зака́пывать. Мы мо́лча шли сле́дом. Ишка то́же хоте́ла бежа́ть за на́ми, но её отогна́ли и за́перли воро́та. Она́ до́лго носи́лась вдоль забо́ра, крича́ла и звала́ своего́ ишачка́.

Верну́вшись домо́й, мы хвати́лись, что ме́жду на́ми что́-то не ви́дно Ната́ши. Она́ не ходи́ла с на́ми в по́ле, и вообще́, когда́ вы́яснилось, что Ишка уби́ла своего́ детёныша, она́ куда́-то исче́зла.

Ста́ли иска́ть её. Я загляну́ла в полутёмную коню́шню. Ната́ша сиде́ла в углу́ под я́слями [1] и пла́кала. Ря́дом с ней стоя́ла Ишка и обли́зывала на её лице́ слёзы.

— Уходи́ вон! — отма́хивалась от неё Ната́ша. — Болва́н дура́цкий! С ума́ ты, что ли, сбеси́лась?.. Моего́ ишачка́ уби́-и-ила...

И она́ опя́ть залила́сь слеза́ми.

Прошёл ещё год. Хозя́ин про́дал городско́й дом, в кото́ром мы жи́ли, и мы перее́хали в наш ми́лый лесно́й до́мик. Он стоя́л высоко́ в гора́х. Побли́зости от него́ бы́ли то́лько каза́хские ю́рты, и нам там бы́ло по́лное раздо́лье. Ло́шади, коро́ва и Ишка бы́ли то́же о́чень дово́льны. Они́ це́лыми дня́ми ходи́ли на свобо́де, пасли́сь в го́рных луга́х, пи́ли прозра́чную во́ду.

Мы опя́ть не е́здили на Ишке: у неё ско́ро до́лжен был сно́ва роди́ться ишачо́к.

Одна́жды мы вели́ Ишку ми́моау́ла. Юрты стоя́ли

[1] Я́слями; я́сли — здесь: корму́шка для скота́.

ещё выше в горах, приблизительно в полуверсте от кордона. Там жили пастухи. Старый одноглазый пастух Якуб подозвал нас, окинул опытным взглядом Ишку и сказал, ухмыляясь:

— Скоро маленьке будет.

— Когда скоро?

— Кто знает! Можно — сегодня, можно — завтра.

— Якуб, миленький, помогите, как бы не пропустить опять... Она убивает своего маленького.

— Три рубля давай. Мой будет смотреть.

Мы огорчённо переглянулись:

— Нет у нас трёх рублей, — и тронулись было дальше.

— Эй, кыз, девчонки! Иди сюда. Ладно, моя смотру. Только это... мамашка сахар таскай, чай таскай, тютюн — табак — таскай, мала-мала всё таскай.

Обрадованные, мы горячо поблагодарили Якуба и начали «всё таскай».

Ишку Якуб оставил около своей юрты. Он вынес на солнце кошму [1], разостлал её на камне, разлёгся и стал принимать от нас дары. Нечаянно или нарочно, но Якуб ошибся: ни в эту, ни в следующую ночь ишачка не было. Днём Якуб лежал около Ишки на своей подстилке, и мы его всячески ублажали, а на ночь он действительно брал Ишку к себе в юрту.

Оба эти дня были праздники. Дома пекли пироги, но не единого пирожка мы не съели сами. Всё, что нам давалось, мы честно несли Якубу. К большому белому камню у юрты были принесены все наши сокровища.

— Эте што? — спрашивал Якуб, вертя в руках целлулоидную куклу. — Эте йок, не нада. Тащи ещё мала-мала чай.

Банку с чаем, сахар и табак мы доставили благополучно. Но вот была задача, когда Якуб потребовал, чтобы мы принесли рубаху и брюки. Мы обшарили весь дом, но ничего подходящего не нашли.

---

[1] **Кошму**; **кошма** — войлок.

— Ма́ма, нет ли у нас како́й-нибудь руба́хи и брюк?

— Заче́м вам?

— На́до.

— Скажи́те — заче́м, тогда́ поищу́.

Но Яку́б стро́го-на́строго запрети́л нам говори́ть отцу́ и́ли ма́тери о на́шей с ним сде́лке, и мы молча́ли.

— Неуже́ли же во всём до́ме не найдётся како́й-нибудь несча́стной руба́хи и брюк для сво́их же родны́х дете́й?!—воскли́кнула я, вы́брав удо́бный моме́нт, когда́ в ко́мнате находи́лся оди́н то́лько оте́ц.

— А для чего́ им э́та «несча́стная руба́ха и брю́ки»?

— Ну́жно, зна́чит.

Оте́ц поле́з в свою́ доро́жную су́мку и вы́тащил па́ру руба́х.

— А брюк не́ту, — сказа́л он. — Не мо́гут ли на́ши родны́е де́ти обойти́сь без брюк?

Мы взя́ли руба́хи и отпра́вились к Яку́бу. Он лежа́л всё та́м же, на своём ка́мне. Около ка́мня стоя́ла Ишка, а ря́дом с ней... кро́хотный се́ренький ишачо́к.

Он уже́ обсо́х, и хотя́ ещё нетвёрдо стоя́л на но́жках, но уже́ пыта́лся игра́ть и брыка́ться. Ишка не спуска́ла с него́ глаз. Она́ лиза́ла его́, корми́ла и ревни́во загора́живала от нас свои́м те́лом.

— Де́вочка. Эте ма́леньке де́вочка, — сказа́л Яку́б.

— То́же и́шка? Вот чуде́сно! Как же мы её назовём? Ишкой уже́ нельзя́.

— Ми́лка ты моя́! Пуши́стая, как цыплёнок! — восто́рженно вскри́кнула Ната́ша, погла́див укра́дкой мя́гонькую ля́жку ишачо́нка.

— Ми́лочка, Ми́лка! — подхвати́ли мы хо́ром.

Яку́б взял Ишку на верёвку и повёл к кордо́ну. Кро́шечный новорождённый мотну́л в на́шу сто́рону голо́вкой и зато́пал за ма́терью, пу́таясь и спотыка́ясь на не окре́пших ещё нога́х.

— Ну, спаси́бо тебе́, Яку́б, — сказа́ла пастуху́ ма́ма и принесла́ ему́ рубль.

А оте́ц догада́лся, куда́ пошли́ его́ руба́хи, и отыска́л всё-таки для Яку́ба ещё и брю́ки.

Мы вози́лись с Ми́лкой, как с ку́клой. Она́ и в са́мом де́ле была́ игру́шечная, то́чная ко́пия Ишки, то́лько до смешно́го ма́ленькая. На друго́е же у́тро она́ пры́гала, брыка́лась, тяну́лась свое́й хоро́шенькой мо́рдочкой к соба́кам и серди́то ляга́ла их, е́сли они́ на неё брюзжа́ли.

Улучи́в удо́бную мину́ту, когда́ Ми́лка, насоса́вшись молока́, резви́лась на со́лнце, мы подхвати́ли её на́ руки и утащи́ли в дом.

Ишка огляну́лась, зареве́ла и приняла́сь гало́пом носи́ться вокру́г до́ма, загля́дывая в о́кна. А Ми́лка тем вре́менем беззабо́тно расха́живала по ко́мнате. Она́ дове́рчиво тёрлась мя́гким но́сиком о на́ши ру́ки, шевели́ла у́шками и разгля́дывала крова́ти, сту́лья и игру́шки.

Вдруг в окно́ всу́нулась взъеро́шенная голова́ Ишки.

«И-а, и-и-их, ах-ах!..» — захлёбывалась она́, де́лая попы́тки влезть в око́шко.

— Дава́йте откро́ем ей дверь, — предложи́ла Со́ня.

Она́ побежа́ла открыва́ть и позвала́ Ишку.

А мы пока́ приду́мали шу́тку: на Ми́лку натяну́ли ю́бку, пере́дние но́ги просу́нули в рукава́ ко́фточки, а го́лову повяза́ли платко́м.

— Вот так де́вочка!

Ми́лка была́ умори́тельная — совсе́м марты́шка.

Ишкины копы́та застуча́ли по крыльцу́. Она́ ворвала́сь, огляде́ла ко́мнату, уви́дела у меня́ на коле́нях наря́женную Ми́лку и завопи́ла от у́жаса.

«Ба́тюшки! Что с ребёнком сде́лали!», — так и слы́шалось в её во́пле.

Я опусти́ла Ми́лку на́ пол. Она́, заба́вно пу́таясь в ю́бке, подковыля́ла к ма́тери. Ишка бро́силась тяну́ть с неё зуба́ми ю́бку. Вся она́ дрожа́ла и шу́мно дыша́ла от волне́ния: «Ах, ах, ах!..»

Мы помогли́ ей разде́ть Ми́лку, и она́ увела́ её из ко́мнаты.

— Скажи́те мне, что э́то за живо́тное? Ра́зве она́ похо́жа на ишака́? — спра́шивала ма́ма, постоя́нно натыка́ясь на Ми́лку в ко́мнатах. — Она́, наве́рно, счита́ет себя́ соба́кой. Чего́ она́ толчётся под нога́ми?

Неизве́стно, чем счита́ла себя́ Ми́лочка, но бо́льшую часть вре́мени она́ действи́тельно проводи́ла не с живо́тными, а с на́ми, в ко́мнатах, о́коло до́ма и́ли в гора́х. Мы совсе́м избалова́ли Ми́лку, так что, когда́ она́ подросла́ и наста́ло вре́мя её объезжа́ть, она́ оказа́лась капри́зным, непослу́шным созда́нием.

Ума́ и сообрази́тельности у неё бы́ло доста́точно. Вся прему́дрость дрессиро́вки дава́лась ей легко́. Но иногда́ на неё находи́л тако́й «стих», что она́ соверше́нно не хоте́ла слу́шаться.

— Проучи́ ты её хоть раз, — угова́ривала Ната́шу Юля. — Вот уви́дишь — ты пото́м с ней не спра́вишься.

Но у Ната́ши не хвата́ло хара́ктера. И пото́м, Ми́лка о́чень хорошо́ зна́ла, что у её ма́ленькой хозя́йки всегда́ име́ется в карма́не кусо́чек са́хару и́ли ещё что́-нибудь вку́сное. Должно́ быть, поэ́тому она́ не принима́ла всерьёз Ната́шины угро́зы и наказа́ния.

Бе́гала Ми́лка ещё лу́чше и быстре́е Ишки. Но у неё была́ ты́сяча вся́ких увёрток, и па́дали мы с неё без конца́. Все предпочита́ли е́здить на Ишке: у неё год от го́ду хара́ктер станови́лся всё положи́тельнее. Одна́ то́лько Ната́ша охо́тно е́здила на Ми́лке. Она́ часте́нько потира́ла уши́бленные бока́, но не люби́ла говори́ть об э́том:

— Мо́жет, я э́то наро́чно: на по́лном ходу́ взяла́ и заверну́ла на зе́млю.

Тепе́рь, с двумя́ ишака́ми, мы це́лые дни путеше́ствовали по гора́м и леса́м. Быва́ло, спро́сит кто́-нибудь о на́с на кордо́не — оте́ц вы́йдет и смо́трит на го́ры в бино́кль. Где́-нибудь высоко́, на гри́вке горы́ и́ли по её скло́нам кара́бкаются, как ко́зы, два ишачка́ и мелька́ют я́ркие си́тцевые пла́тьица.

— Вон они́, безде́льницы! Ишь, куда́ забрали́сь! И как то́лько голо́в себе́ не посвора́чивают! Эх, заберу́ я, ка́жется, у них э́тих ишако́в...

— Придётся к зиме́ прода́ть ишако́в, — сказа́л нам ка́к-то оте́ц.

— Это почему́?

— Се́на у нас не хва́тит всех корми́ть. А вам зимо́й на́до о шко́ле ду́мать, а не об ишака́х.

— Пожа́луйста, не на́до нам твоего́ се́на. Мы са́ми загото́вим ко́рму для Ишки и для Ми́лки.

— Хоте́лось бы посмотре́ть, как вы э́то сде́лаете.

— А вот уви́дите...

По́сле э́того разгово́ра мы усе́рдно приняли́сь за загото́вку се́на. Де́ло ведь шло о сохране́нии Ишки и Ми́лки.

С восхо́дом со́лнца мы с больши́ми мешка́ми отправля́лись в го́ры и це́лый день рва́ли траву́, набива́ли е́ю мешки́ до́верху, привози́ли домо́й и разбра́сывали суши́ть на кры́ше сара́я. В пе́рвую же неде́лю ладо́ни у нас покры́лись грома́дными водяны́ми пузыря́ми. Рвать траву́ таки́ми рука́ми бы́ло о́чень тру́дно. Со́не удало́сь раздобы́ть отку́да-то ста́рый, заржа́вленный серп. Мно́го пона́добилось хи́трости, что́бы наточи́ть его́ потихо́ньку от ста́рших.

Как всегда́, ра́но у́тром мы отпра́вились в го́ры, захвати́в с собо́ю прови́зию.

В э́тот раз мы е́хали верхо́м. Под Со́ней была́ больша́я кобы́ла Ма́шка. Я е́хала на ста́ром гнедо́м инохо́дце, а Юля и Ната́ша — на ишака́х.

Добра́вшись до ме́ста, мы сле́зли, стрено́жили лошаде́й и приняли́сь за рабо́ту.

Со́ня уве́ренно взмахну́ла серпо́м, отре́зала большо́й пучо́к травы́ и... подо́шву на свое́й санда́лии.

Пока́ мы рассма́тривали санда́лию, Юля ухвати́ла серп и приняла́сь жать. У неё де́ло пошло́ неду́рно.

— Ишь ты, как она́ ло́вко...

Вдруг она́ вскри́кнула и бро́сила серп. Вся рука́ у неё залила́сь кро́вью.

— Что же тепе́рь де́лать?

Я схвати́ла буты́лку с водо́й, намочи́ла носово́й плато́к и приложи́ла к поре́зу. Кровь ста́ла унима́ться.

— Ну, тепе́рь, пока́ рука́ не заживёт, тебе́ нельзя́ рабо́тать. Сиди́ здесь, на опу́шке! Вари́ карто́шку и посма́тривай на кордо́н. Мо́жет, бу́дут звать нас — тогда́ скажи́. А то вчера́ опя́ть там брани́лись, что нас не дозовёшься.

— Ла́дно. Сложи́ мне костёр и разожги́, а я уж сама́ бу́ду подкла́дывать хво́рост.

На ро́вном ме́сте, у са́мой опу́шки ро́щицы, мы развели́ ого́нь под котелко́м и пошли́ рвать траву́. Серпа́ не взя́ли: реши́ли, что он непра́вильный. К полу́дню кое-ка́к наби́ли оди́н мешо́к и верну́лись на опу́шку за́втракать. Карто́шка свари́лась и успе́ла осты́ть.

— Вот э́то хорошо́. А то в таку́ю жари́щу горя́чее есть невку́сно.

Мы разостла́ли под оси́нами кошму́ и растяну́лись на ней. Юля принесла́ еду́.

Бы́ло ти́хо. В по́лдень в гора́х почему́-то быва́ет осо́бенно ти́хо. Па́хло мёдом от цвето́в и ка́шки, в лесу́ перекликалась две голоси́стые пти́цы, хрусте́ли под нога́ми ве́тки, и сни́зу глу́хо доноси́лся шум реки́. Юля вы́шла на опу́шку ро́щи — посмотре́ть на кордо́н.

— Кто́-то к нам прие́хал, и все бегу́т встреча́ть!

Мы подошли́ к ней. Кордо́н внизу́ был как на ладо́ни. Не́сколько верховы́х подъе́хали к крыльцу́. У до́ма суети́лись каки́е-то челове́чки.

— Ска́чем домо́й, жи́во! — скома́ндовала Со́ня. — Мо́жет, ещё како́го-нибудь зверёнка привезли́.

Я взгромозди́лась на своего́ Гнедка́. Со́ня уже́ спуска́лась по скло́ну горы́ осторо́жными зигза́гами. Юля пое́хала сле́дом за ней, та́кже завора́чивая Ишку уда́рами по щека́м ка́ждый раз, когда́ сли́шком слеза́ла ей на ше́ю.

Я для ско́рости ста́ла спуска́ться пря́мо вниз и то́тчас же, коне́чно, сползла́ иноходцу на са́мые у́ши. Он нагну́л го́лову и мя́гко стряхну́л меня́ себе́ по́д ноги.

Опра́вившись от неожи́данности, я пе́рвым де́лом огляну́лась: заме́тили ли э́то сёстры? Со́ня и Юля бы́ли за́няты спу́ском и не обрати́ли на меня́ никако́го внима́ния. А Ната́ша вози́лась с Ми́лкой ещё наверху́. Она́ ви́дела всё и хохота́ла, гля́дя на моё смущённое лицо́.

Пото́м она́ отвяза́ла Ми́лку, усе́лась, и Ми́лка, не слу́шаясь её, поскака́ла пря́мо вниз догоня́ть Ишку.

Ната́ша сра́зу же переста́ла смея́ться. Она́ пронесла́сь ми́мо меня́. Ру́ки её отча́янно вцепи́лись в Ми́лкину спи́ну, а сама́ она́ изо все́х сил стара́лась не свали́ться.

Вот разыгра́вшаяся Ми́лка перегнала́ уже́ Ишку и Гнедка́. У са́мого конца́ спу́ска она́ вдруг кру́то поверну́ла, опусти́ла го́лову и брыкну́ла.

И мы все ви́дели кра́сный фа́ртучек и две босы́е ноги́, беспо́мощно чи́ркнувшие во́здух.

Ната́ша покати́лась через го́лову по́д гору и исче́зла в середи́не высо́кого куста́. А Ми́лка, брыка́ясь, полете́ла без седока́ да́льше, к кордо́ну.

Когда́ мы подбежа́ли к куста́м, Ната́ша, насу́пившись, сиде́ла во́зле большо́го ка́мня. На запылённом лице́ её видне́лись две све́тлые поло́ски от слёз. Они́ уже́ вы́сохли, и Ната́ша ду́мала, что мы их не заме́тим.

Мы, разуме́ется, сде́лали вид, что ро́вно ничего́ нам на её лице́ не́ было заме́тно.

— Молоде́ц, Ната́ша! — сказа́ла Со́ня. — А я́-то ду́маю — ревёт, поди́, вовсю́.

— Чёртовы э́ти ишаки́! — мра́чно проворча́ла Ната́ша. — До чего́ же с них па́даешь!

— А я ведь говори́ла тебе́, что ты распуска́ешь Ми́лку, — наставительно заме́тила Юля. — Пра́вда, Ишка то́же непослу́шная, но всё-таки... А па́дать с неё то́же о́чень бо́льно, — доба́вила она́ с большо́й и́скренностью.

— И что мне, гла́вное, непоня́тно, — откли́кнулась я: — ведь па́даешь же с лошаде́й постоя́нно, и хоть бы что! Хло́пнешься и вста́нешь. А тут...

— Потому́ что ло́шадь высо́кая. Пока́ с неё лети́шь, ве́тер тебя́ подде́рживает, а с ишака́ па́даешь пря́мо в упо́р.

— Ну, э́то что́-то не так... Выхо́дит тогда́, что с до́ма па́дать лу́чше, чем со сту́ла...

— Не в э́том тут во́все де́ло, — прерва́ла нас Ната́ша, с трудо́м поднима́ясь с земли́. Мы уви́дели, что она́ упа́ла на ка́мень. — Не в э́том де́ло...

Она́ так и не сказа́ла, в чём же тут де́ло, и пошла́, прихра́мывая, домо́й.

Бы́ло я́сно, что она́ хоте́ла сказа́ть:

«Де́ло в том, что тако́й уж у Ми́лки скве́рный, неблагоро́дный хара́ктер».

Разболе́вшиеся волдыри́ на ладо́нях заста́вили нас отложи́ть на не́сколько дней наш «поко́с». Мы вороши́ли вы́сохшее се́но и скла́дывали его́ в копну́.

Загото́вка бы́стро подвига́лась вперёд.

Больша́я копна́ была́ уже́ вы́сушена и пригото́влена да о́коло полови́ны копны́ суши́лось.

Вот подвели́ нас э́ти проти́вные ру́ки! Тако́е хоро́шее вре́мя — и пропада́ет зря.

А вре́мя пра́вда бы́ло прекра́сное.

Была́ середи́на сентября́. Станови́лось прохла́днее, а вечера́ми бы́ло да́же хо́лодно.

С леднико́в дул прохла́дный ве́тер, а со́лнце гре́ло ещё си́льно, и днём бы́ло о́чень хорошо́.

Осень уже́ тро́нула лес. Ряби́на и боя́рышник ста́ли я́рко-кра́сные, оси́ны пожелте́ли. Завили́сь, запу́тались и пови́сли вниз курча́вые гро́здья ди́кого хме́ля.

До́ма ви́дели, что мы уже́ не́сколько дней толчёмся о́коло кордо́на без де́ла.

— Насбира́ли бы вы мне хме́лю на́ зиму, — сказа́ла раз ма́ма. — Вот за́втра я напеку́ пирожко́в — возьми́те их на доро́гу и отправля́йтесь.

Ра́но у́тром мы дви́нулись в путь. Хмель рос вверх по реке́, и мы реши́ли захвати́ть с собо́ю сачо́к — полови́ть в речу́шке ры́бу.

— То́лько, пожа́луйста, осторо́жнее, не разбе́йте себе́ голо́в, — проводи́ли нас с кордо́на обы́чным напу́тствием.

Камени́стая, крута́я доро́жка. С ка́мня на ка́мень — гоп, гоп! Ишаки́ застуча́ли копы́тами, мы запе́ли похо́дную пе́сню и бо́дро зашага́ли в го́ру.

Нам посчастли́вилось найти́ хоро́шее месте́чко. Хме́лю там бы́ло про́пасть. Мы привяза́ли Ишку на дли́нную верёвку пасти́сь и поле́зли на дере́вья, обви́тые краси́выми ло́зами хме́ля.

— Нашла́ замеча́тельный куст! Ух, ско́лько здесь хме́ля!..

— А у меня́-то! Иди́те сюда́!

— Посмотри́те, а во́н-то... Эдак мы в полчаса́ наберём це́лый мешо́к.

Снача́ла мы ещё перегова́ривались, но вско́ре замолча́ли и углуби́лись в рабо́ту. От хме́ля шёл како́й-то си́льный, ду́шный за́пах. Я чу́вствовала, что ру́ки у меня́ стано́вятся лени́выми, а на го́лову мне сло́вно наде́ли тёплый ва́тник. Я махну́ла руко́й и огляну́лась круго́м. Спра́ва и сле́ва раска́чивались на ве́тках сёстры. И у них то́же ру́ки ка́к-то ме́дленно шевели́лись.

Я то́лько хоте́ла спроси́ть, не чу́вствуют ли они́ того́ же, что и я, как вдруг ве́тка под Юлей ре́зко вы́прямилась.

— Юля упа́ла в кусты́! — закрича́ла я, с трудо́м стря́хивая с себя́ сонли́вость.

Мы спусти́лись с дере́вьев и продра́лись сквозь кусты́ к тому́ ме́сту, куда́ упа́ла Юля. Она́ лежа́ла на земле́, глаза́ у неё бы́ли совсе́м со́нные.

— Юля! Юля, встава́й! — затормоши́ли мы её.

Она́ вста́ла, и мы вы́вели её из кусто́в.

— К прива́лу! Бежи́м отсю́да!

Мы пробежа́ли поля́нку, спусти́лись к реке́ и ста́ли мочи́ть го́ловы водо́й.

— Дава́йте купа́ться!

— Идёт! Вы́купаемся, нало́вим ры́бы, сва́рим уху́, а пото́м досбира́ем э́тот злосча́стный хмель.

— У меня́ в голове́ тошни́т от него́, — заяви́ла Юля и пе́рвая, сбро́сив оде́жду, поле́зла в ре́ку.

Мы накупа́лись до синевы́, так что зуб на́ зуб не попада́л; исходи́ли речу́шку, скользя́ и цара́пая босы́е но́ги о ка́мни; ты́кали сачка́ми под скáлы и ша́рили в зато́нах. В сачо́к попа́лось пять ма́леньких рыбёшек.

Мы развели́ на берегу́ ого́нь и ста́ли вари́ть уху́.

Уха́ вы́шла превку́сная, с лу́ком, с карто́шкой. Мы аппети́тно хлеба́ли ло́жками пря́мо из котелка́ и вели́ о́чень интере́сный нау́чный разгово́р: почему́ Ишка, когда́ кричи́т, непреме́нно оттопы́ривает хвост?

— И заме́тили? Если его́ прижа́ть ладо́нью, она́ сра́зу перестаёт крича́ть.

— Во́здуху не хвата́ет, наве́рно.

— А интере́сно: Ми́лка то́же так и́ли нет?

В э́то вре́мя разда́лся ди́кий рёв. Мы вскочи́ли, прислу́шались — Ишка.

— Что́-то случи́лось... Скоре́е! Бежи́м!

А случи́лось вот что.

Ми́лка отпра́вилась далеко́ наве́рх по соверше́нно отве́сной горе́. А Ишка была́ на при́вязи. Она́ закрича́ла и то́же хоте́ла пойти́ за Ми́лкой, но запу́талась в верёвке, покати́лась вниз, и верёвка затяну́лась у неё на ше́е мёртвой петлёй.

Когда́ мы прибежа́ли, она́ висе́ла над кана́вой и задыха́лась. Язы́к у неё вы́сунулся, вся мо́рда была́ в пе́не. Ишка дёргалась и хрипе́ла. Мы бро́сились помога́ть и то́лько ху́же затяну́ли верёвку.

Что де́лать? Ой, что де́лать?

Со́ня держа́ла Ишкину го́лову. Мы с Юлей напряга́ли все си́лы, что́бы отвяза́ть верёвку. Нет, ничего́ не выходи́ло. Ишка издыха́ла у нас на рука́х.

И вдруг...

Ната́ша завизжа́ла и бро́силась ко мне́:

— Но́жик... У меня́ же но́жик... Вот он...

Она́ ре́зала на прива́ле лук и, как была́ с ножо́м, побежа́ла за на́ми. А пото́м и она́ сама́, и мы все так растеря́лись, что не заме́тили его́.

— Дава́й сюда́! Скоре́й! Держи́ верёвку!

Дрожа́щими от волне́ния рука́ми мы приняли́сь кромса́ть то́лстый кана́т. Нож был тупо́й, не ре́зал, а пили́л.

— Сильне́й дави́! Ещё...

«Дзыг, дзыг...» — визжа́л нож, вгрыза́ясь в верёвку. Юля и Ната́ша наклони́лись, следя́ за ножо́м, и ску́лы у них дви́гались, сло́вно они́ то́же перегрыза́ли упру́гие воло́кна.

Наконе́ц пе́тля на Ишкиной ше́е осла́бла. Она́ опусти́ла го́лову на траву́ и глубоко́ вздохну́ла.

Не́сколько мину́т она́ лежа́ла не шевеля́сь. Пото́м мотну́ла голово́й, вскочи́ла на́ ноги и пе́рвым де́лом огляну́лась, ища́ свою́ Ми́лку.

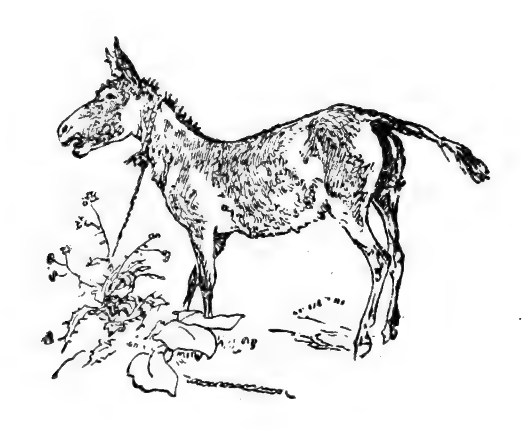
«И-а, и-аа, и-ааа!» — хри́плым, зы́чным ба́сом затруби́ла Ишка и далеко́ отки́нула хвост.

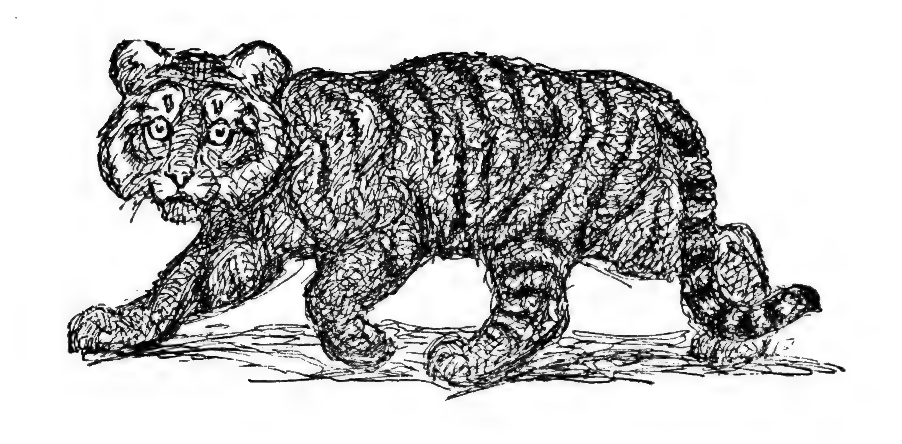
«И-а, и-а, и-а!» — откли́кнулась Ми́лка.

На скло́не горы́, в ра́мке из хме́ля, показа́лась её озорна́я голо́вка.

«И-а, и-а, а-ааа!» — закрича́ло на ра́зные голоса́ уще́лье.

И мне навсегда́ запо́мнились э́то по́лное зву́ков уще́лье и два тру́бных го́лоса, сло́вно проигра́вшие в нём зо́рю.

ВАСЬКА

Мы игра́ли в саду́ за до́мом, когда́ верну́лись охо́тники. С терра́сы закрича́ли:

— Беги́те скоре́й, посмотри́те, кого́ привезли́!

Мы побежа́ли смотре́ть.

По́ двору, опи́сывая круг перед крыльцо́м, проезжа́ли одна́ за друго́й теле́ги. На них бы́ли шку́ры звере́й, рога́ ди́ких козло́в и каба́ньи ту́ши. Оте́ц шага́л у после́дней теле́ги, а на ней, на передке́, сиде́л, сго́рбившись и озира́ясь по сторона́м... тигрёнок. Да-да, са́мый настоя́щий тигрёнок! Уста́лый, покры́тый пы́лью, он ухвати́лся когтя́ми за край теле́ги и так протря́сся по всему́ двору́. А когда́ ло́шадь останови́лась перед крыльцо́м, где стоя́ло мно́го люде́й, он испуга́лся, попя́тился и расте́рянно огляну́лся на отца́.

— Ну вот, Васю́к, и прие́хали! — сказа́л ему́ оте́ц.

Он взял тигрёнка на́ руки и отнёс его́ на терра́су.

Тигрёнок был тако́й необы́чный, что мы то́же растеря́лись.

— Не на́до его́ на терра́су! — закрича́ла Ната́ша, са́мая ма́ленькая из нас. — Там мои́ игру́шки...

— Ти́гры не едя́т игру́шек, — сказа́ла Юля.

Она́ поду́мала и доба́вила:

— Придётся его́ хороше́нько корми́ть, а то как бы не стал куса́ться.

— Да, уж э́то вам не котёнок како́й-нибудь.

— А глаза́ у него́ каки́е больши́е... и хвост... Заме́тили хво́ст? Воло́чится пря́мо по земле́.

— Ну уж и «по земле́»! Всегда́ приба́вишь.

— А дава́й посмо́трим!

Мы гурьбо́й, толка́я друг дру́жку, подняли́сь на терра́су.

Тигрёнок расха́живал вдоль пери́л и стара́тельно всё обню́хивал. По́сле тря́ской доро́ги у него́, наве́рно, кружи́лась голова́ и каза́лось, что пол шата́ется под нога́ми. Он шата́лся, как пья́ный, ча́сто сади́лся и закрыва́л глаза́. Но чуть то́лько ему́ станови́лось лу́чше, он сно́ва торопи́лся обню́хивать, как бу́дто его́ кто́-нибудь заставля́л.

С пери́л све́шивался рука́в ва́тной ку́ртки. Тигрёнок уцепи́лся за него́ ла́пой и сдёрнул вниз. Со́ня гро́мко засмея́лась. Он по́днял го́лову и уста́вился на неё.

Тепе́рь мы его́ хорошо́ рассмотре́ли. Он был с полугодова́лого щенка́ сенберна́ра [1], у него́ была́ больша́я, широ́кая голова́ с кру́глыми зелёными глаза́ми, широ́кий лоб и коро́ткие у́ши. Пере́дние ла́пы бы́ли тяжёлые и си́льные, а за́дние — гора́здо то́ньше. Ту́ловище бы́ло худоща́вое и щу́плое, и хвост дли́нный, как змея́.

— Совсе́м ещё ребёнок, — ва́жно сказа́ла Ната́ша.

И пра́вда, он был ребёнок. Неуклю́жий, ма́ленький, одино́кий, он прижа́лся к ноге́ отца́ и потёрся об неё, как бу́дто жела́я сказа́ть: «Я здесь оди́н, и я ма́ленький, так уж ты, пожа́луйста, не дава́й меня́ в оби́ду».

Пока́ оте́ц отпряга́л лошаде́й, разбира́л ве́щи и умыва́лся по́сле доро́ги, мы взя́ли тигрёнка на́ руки, понесли́ его́ в ко́мнату, положи́ли на са́мое почётное ме́сто, на дива́н, и все ста́ли вокру́г.

Мы стара́лись заме́тить в нём что́-нибудь осо́бенное и внима́тельно к нему́ пригля́дывались.

---

[1] **Сенберна́ра; сенберна́р** — поро́да соба́к.

Тигрёнка накорми́ли из ча́шки тёплым парны́м молоко́м. Он налака́лся, растяну́лся опя́ть на дива́не и прищу́рился на свет большо́й ла́мпы. Ему́ о́чень хоте́лось спать, но он не засыпа́л, а всё вре́мя шевели́л уша́ми.

Как то́лько накры́ли стол для у́жина и в ко́мнату вошёл оте́ц, тигрёнок по́днял го́лову и потяну́лся к нему́ с каки́м-то стра́нным зву́ком, похо́жим на гро́мкое мурлы́канье: «ахм-хм-гм-гм».

— Ишь ты, слыха́ли? Засмея́лся от ра́дости! — удиви́лась Ната́ша.

Оте́ц погла́дил тигрёнка. Он сно́ва улёгся на своё ме́сто и засну́л под шум разгово́ра.

За у́жином мы всё узна́ли про тигрёнка. Зва́ли его́ Ва́ськой. Его́ пойма́ли далеко́, за четы́реста киломе́тров от на́шего го́рода, в камыша́х, о́коло большо́го, пусты́нного о́зера Балха́ш. Оди́н охо́тник-каза́х, большо́й прия́тель отца́, вы́следил ло́гово двух ти́гров. Ти́гры в э́той ме́стности не води́лись, и э́та па́ра забрела́ случа́йно из Пе́рсии. Каза́х дал знать отцу́, а сам продолжа́л следи́ть за ти́грами. Он узна́л, что ти́гры пришли́ сюда́ не охо́титься, а пря́таться в надёжное ме́сто, потому́ что у тигри́цы должны́ бы́ли роди́ться детёныши.

Ско́ро тигри́ца куда́-то скры́лась. А тигр ушёл за перева́л и бо́льше не возвраща́лся.

Охо́тник со дня на́ день ждал отца́. Он обша́рил все окре́стности, стара́ясь отыска́ть тигри́цу. И вот раз он наткну́лся на све́жие следы́. Они́ шли по песку́ и спуска́лись к реке́.

Охо́тник притаи́лся в куста́х и отту́да внима́тельно огляде́л прибре́жный камы́ш. Вдруг на друго́й стороне́ он уви́дел тигри́цу. Она́ осторо́жно пробира́лась в за́рослях и несла́ в зуба́х что́-то тяжёлое. Пото́м бро́сила свою́ но́шу, переплыла́ ре́ку, прошла́ ми́мо охо́тника и на виду́ у него́ ста́ла удаля́ться. Ста́рый охо́тник жи́во смекну́л, в чём де́ло. Он уда́рил свою́ лошадёнку, но,

вме́сто того́ что́бы гна́ться за тигри́цей, поспеши́л к тому́ ме́сту, где она́ что́-то оста́вила.

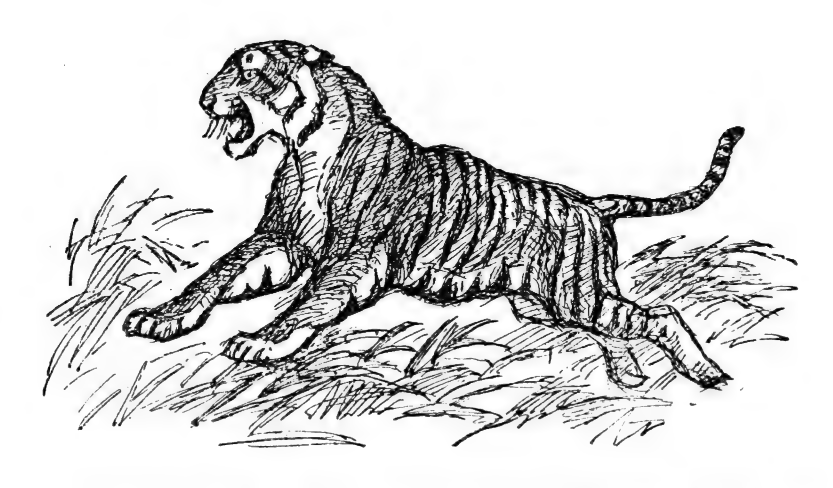
Он пра́вильно рассчита́л: в густо́м камыше́, те́сно прижа́вшись друг к дру́жке, сиде́ли два ма́леньких тигрёнка.

Охо́тник сгрёб их за ши́ворот, су́нул в перемётные мешки́ и сел в седло́. Тигря́та пища́ли, бара́хтались и вылеза́ли из мешко́в. Каза́х то́лько плотне́е прижима́л колёнями мешки́ и знай нахлёстывал свою́ кля́чо́нку.

Он хорошо́ понима́л, кака́я ему́ грози́т опа́сность, е́сли тигри́ца бро́сится в пого́ню. Ведь она́ в не́сколько прыжко́в догнала́ бы и уби́ла и уста́лую лошадёнку и похити́теля тигря́т. На ружьё у каза́ха то́же бы́ло ма́ло наде́жды: оно́ бы́ло о́чень стари́нное, заржа́вленное, ствол у него́ давно́ разболта́лся и был тря́почкой привя́зан к ло́жу.

И вот с таки́м замеча́тельным конём и ору́жием э́тот бесстра́шный охо́тник рискну́л увезти́ дете́й у ма́тери-тигри́цы.

Примча́вшись в ау́л, охо́тник стал ду́мать, как убере́чься от я́рости тигри́цы. В э́то вре́мя подоспе́л на подмо́гу оте́ц с други́ми охо́тниками. Тигря́т спря́тали в одну́ из юрт [1]. Вокру́г ау́ла разброса́ли отра́вленные куски́ мя́са и разожгли́ огро́мные костры́.

В ту же ночь тигри́ца яви́лась в ау́л. С ди́ким ры́каньем мета́лась она́ вокру́г жа́лкой гру́ппы юрт, но ого́нь внуша́ет зверя́м непреодоли́мый страх — она́ так и не реши́лась ворва́ться за пыла́ющую черту́.

В я́рости задрала́ она́ ло́шадь и на рассве́те ушла́ в камыши́, что́бы к но́чи яви́ться обра́тно, ещё страшне́е и бе́шенее.

На сле́дующую ночь она́ опя́ть ры́скала вблизи́ ау́ла, и здесь её насти́гла смерть: она́ съе́ла кусо́к отра́вленного мя́са и околе́ла. Нау́тро её нашли́ мёртвой.

Когда́ оте́ц узна́л, како́й стра́шной опа́сности подверга́лся его́ прия́тель, охо́тясь с плохи́м ружьём, он снял с себя́ прекра́сное охо́тничье ружьё и о́тдал его́ това́рищу. Каза́х был в неопису́емом восто́рге и отдари́л отца́ шку́рой тигри́цы и одни́м из тигря́т.

До на́шего до́ма Ва́ське пришло́сь вы́нести дли́нное, тяжёлое путеше́ствие. Почти́ полови́ну пути́ е́хали на верблю́дах. От их кача́ющейся похо́дки бе́дному

[1] Юрт; ю р т а — жили́ще коче́вников.

Ва́ське станови́лось пло́хо: его рва́ло, у него́ начина́ла идти́ но́сом кровь. Тогда́ оте́ц слеза́л с верблю́да и нёс тигрёнка на рука́х.

Отсю́да и начала́сь их кре́пкая дру́жба.

— Да, натерпе́лся Ва́ська за доро́гу, — ко́нчил расска́зывать оте́ц. — Оди́н раз он совсе́м перепуга́л меня́: ду́мал — вот-во́т сконча́ется. Лежи́т, глаза́ закати́л, но́ги дёргаются; пропа́л, ду́маю. Нет, ничего́, отдыша́лся.

— Ещё бы не отдыша́ться, — заме́тил оди́н из охо́тников: — из-за него́, шельмеца́, це́лую неде́лю пришло́сь задержа́ться в Рыба́чьем посёлке. Уха́живали за ни́м, как за султа́ном туре́цким.

Мы засмея́лись.

— А вы почему́ ещё не спи́те? — спохвати́лась ма́ма. — Двена́дцать часо́в. Жи́во по крова́тям!

Уходя́, мы почти́тельно погла́дили Ва́ськин хвост, отки́нутый го́рдо на ва́лик дива́на. А мать с отцо́м ста́ли обду́мывать, как устро́ить тигрёнка на́ ночь. Мать тогда́ ещё не зна́ла Ва́ськи и опаса́лась оставля́ть его́ непривя́занного. А оте́ц говори́л, что Ва́ська ручне́е котёнка и боя́ться его́ про́сто смешно́. Ну, да в кра́йнем слу́чае мо́жно закры́ть от него́ две́ри.

Так и сде́лали. Оста́вили Ва́ську на дива́не, ла́мпу потуши́ли и две́ри за́перли на задви́жку.

То́лько они́ ушли́, Ва́ська по́днял го́лову. Ви́дит — темно́... пу́сто... ти́хо...

И вот э́тот «стра́шный» тигр соскочи́л с дива́на, забе́гал по ко́мнате, натыка́ясь на ме́бель, и заора́л с перепу́гу: «ба́-а-ум... ба́-а-ум... ба́-а-ум...»

Оте́ц ду́мал — он покричи́т и переста́нет. Но Ва́ська не успока́ивался и крича́л снача́ла серди́то, а пото́м всё жа́лобнее и жа́лобнее. Его́ пожале́ли. Пришли́ к нему́. Он обра́довался, бро́сился к отцу́ и стал лиза́ть ему́ но́ги и мурлы́кать. Ну, коне́чно, его́ взя́ли к себе́ в ко́мнату, привяза́ли там на дли́нную цепо́чку под сто́ликом, на кото́ром стоя́ла маши́на, подостла́ли мя́гкий во́йлок, и Ва́ська с дово́льным ви́дом улёгся.

Пока́ ма́ма причёсывала во́лосы и разгова́ривала с отцо́м, Ва́ська лежа́л сми́рно. Но как то́лько оте́ц вы́шел, тигрёнок ми́гом вскочи́л и стал с трево́гой смотре́ть ему́ вслед. Верну́вшись, оте́ц прилaска́л Ва́ську, и все споко́йно засну́ли.

Утром мы просну́лись, усе́лись на свои́х крова́тях, и пе́рвые слова́ Ната́ши бы́ли:

— Тигрёнок Ва́ська был вчера́ и́ли не́ был? — Ей всю ночь сни́лось про тигрёнка, и она́ ника́к не могла́ разобра́ть, что во сне, что наяву́.

— Я зна́ю наве́рное, что был, — отве́тила Со́ня, и мы пошли́ в столо́вую прове́рить, там ли вчера́шний тигрёнок.

Прихо́дим туда́ и ви́дим — никого́ нет. Бро́сились к ма́ме. Она́ показа́ла под сто́лик, а он сиди́т там и пу́чит на нас свои́ смешны́е глаза́.

Сейча́с же отвяза́ли цепо́чку и с шу́мом, с кри́ком повали́ли с тигрёнком в сад.

Там мы побе́гали, поигра́ли и познако́мили Ва́ську со свои́ми друзья́ми — соба́ками. Соба́ки росли́ и воспи́тывались вме́сте с на́ми. А и́гры мы всегда́ приду́мывали таки́е, что́бы они́ то́же могли́ принима́ть в них уча́стие.

Ва́ська держа́лся с соба́ками о́чень ве́жливо, но они́, ви́димо, сра́зу почу́яли, что́ э́то за пти́ца, и, поджа́в хвосты́, убежа́ли.

На со́лнце лежа́л ста́рый охо́тничий пёс Загра́й. Ва́ська ме́дленно подошёл и потяну́л к нему́ го́лову. Загра́й лени́во встал, покоси́лся на Ва́ську и поскоре́е отошёл.

Тигри́ный за́пах заставля́л дрожа́ть охо́тничьих соба́к. Оди́н то́лько молодо́й дворня́га Ма́йлик не смы́слил ничего́ в охо́тничьих за́пахах. Он перепры́гнул через Ва́ську, припа́л к земле́, толкну́л его́ ла́пой, вертану́л хвосто́м и, зво́нко ла́я, зате́ял с ним игру́.

Ва́ська расшевели́лся и неуклю́же поскака́л за соба́кой.

Догоня́я друг дру́жку, они́ вы́бежали на за́литый

со́лнцем двор. Там охо́тники вынима́ли и разве́шивали для просу́шки шку́ры привезённых трофе́ев [1]. Ма́ма с крыльца́ смотре́ла, как распако́вывали чу́чело тигри́цы — Ва́ськиной ма́тери. Гру́бое, на́скоро сде́ланное чу́чело обмахну́ли ве́ником от соло́мы и положи́ли на середи́не двора́. И Ва́ськино сердчи́шко не вы́держало: до сих пор он споко́йно следи́л за людьми́, а тут забы́л всех, забра́лся на спи́ну тигри́цы, прижа́лся к ней и стал её лиза́ть и мурлы́кать: «М-гм-гм... м-гм-гм...» — таки́м ла́сковым, дрожа́щим го́лосом.

— Вот ви́дите, сра́зу узна́л мать, — говори́ли мы, стара́ясь отвле́чь Ва́ську от гру́стных воспомина́ний.

Это в са́мом де́ле бы́ло печа́льное зре́лище: чу́чело уби́той тигри́цы и не́жно прильну́вший к нему́ ма́ленький тигрёнок.

Чу́чело поскоре́е унесли́.

Ва́ська замета́лся по́ двору, оты́скивая мать, но пото́м отвлёкся едо́й, заигра́лся и забы́л про неё.

Убра́в ко́мнаты и око́нчив всю у́треннюю рабо́ту, мы се́ли пить чай, а Ва́ську, во второ́й раз, реши́ли покорми́ть по́зже.

Не ту́т-то бы́ло... Тигрёнок взобра́лся на дива́н, повёл но́сом и определи́л, что э́то со стола́ так вку́сно па́хнет. Он бро́сился на коле́ни к кому́-то из сиде́вших за столо́м, сгрёб к себе́ пере́дними ла́пами таре́лки и ча́шки и угрожа́юще над ни́ми зарыча́л.

Все перепуга́лись и повскака́ли с мест. Оте́ц замахну́лся на Ва́ську и закрича́л:

— На ме́сто! Где реме́нь?!

Но, ви́дно, коса́ наскочи́ла на ка́мень. Ва́ська в отве́т зарыча́л ещё гро́мче. Нам, ребя́там, э́то понра́вилось: молоде́ц Ва́ська, не бои́тся никого́, уме́ет за себя́ постоя́ть. Мы ста́ли упра́шивать отца́, что́бы он уступи́л и накорми́л тигрёнка. Но ста́ршие побоя́лись: усту́пишь раз — он и поле́зет на́ голову. Оте́ц схвати́л Ва́ську и вы́швырнул в око́шко.

---

[1] **Трофе́ев; трофе́й** — добы́ча, захва́ченная при побе́де.

Дверь со двора́ была́ закры́та.

Ва́ська принялся́ ломи́ться в неё, крича́ серди́то и гро́зно: «ба́ум... ба́-ум... ба́-а-ум...»

Он так ора́л и стуча́л, что пришло́сь ему́ уступи́ть: его́ впусти́ли.

Он влете́л в ко́мнату, вы́тащил из рук ча́шку, в кото́рую ему́ разбива́ли сыры́е я́йца, су́нул в неё го́лову и с жа́ром всё съел. Пото́м ему́ да́ли молока́. Он вы́пил, облизну́лся и разлёгся на дива́не. Тепе́рь, когда́ он был соверше́нно сыт, он споко́йно смотре́л, как е́ли други́е.

По́сле э́того слу́чая мы всегда́ снача́ла корми́ли тигрёнка, а пото́м уже́ са́ми сади́лись за стол.

Так Ва́ська показа́л, что он хоть и ма́ленький, но всё-таки не кто́-нибудь, а тигр, и с его́ хара́ктером ну́жно счита́ться.

Прошло́ не́сколько дней. Каза́лось, что Ва́ська всегда́ жил с на́ми — так все к нему́ привы́кли.

И како́й же сла́вный хара́ктер был у него́! Он никому́ не надоеда́л, не верте́лся под нога́ми, не меша́л. Це́лыми дня́ми он игра́л в саду́ и́ли хозя́йственно обходи́л двор, коню́шню и ра́зные закоу́лки. А е́сли уста́нет, придёт в столо́вую, растя́нется на своём дива́не и поспи́т.

Кормúли Вáську óчень хорошó. Все пóмнили, какóй он злой, когдá голóдный. Вáська в тóчности знал врéмя своегó кормлéния. Бывáло, тóлько начнýт емý наливáть молокó úли разбивáть в мúску яйцá, а он уж тут как тут, идёт из сáда.

— Вот, Натáша, учúсь. Вáська — и тот умéет узнавáть врéмя по часáм, а ты до сих пор не мóжешь научúться, — дразнúли мы сестрёнку.

Крóме яиц и молокá на зáвтрак и на ýжин, Вáська получáл тот же обéд, что и все в дóме.

А как занятно он ел суп с пельмéнями úли клёцками! Повылáвливает зубáми из сýпа все клёцки и разлóжит их рядкóм óколо чáшки; вы́лакает жúрный суп, а потóм, на закýску, ест по однóй клёцке úли пельмéню.

Во врéмя еды́ Вáська свирепéл. Ложúлся нá пол, клал лáпы по óбе стороны́ мúски, и тут уж не подходú! Раз сестрá сýнулась поправить емý чтó-то. Вáська ря́вкнул в мúску, подавúлся и тяжёлым удáром когтéй рассéк сестрé рýку.

Собáки бы́ли осторóжнее нас и сáми избегáли подходúть к тигрёнку, когдá он ел. Одúн тóлько Мáйлик, тот, что игрáл с ним в пéрвое ýтро, отвáживался совáться к немý в чáшку, и тигрёнок, прáвда с ворчáньем, позволя́л емý э́то.

Тóлько во врéмя еды́ да вот рáзве когдá егó хлóпали по животý úли трóгали за хвост. Вáська разъяря́лся и кусáл всех без разбóру. Живóт свой и хвост он считáл неприкосновéнными.

Однáжды нас оклúкнул ктó-то со дворá. Мы все повысóвывались в окóшко. Вáська тóже положúл перéдние лáпы на подокóнник и смотрéл. В суматóхе Сóня наступúла емý на хвост. Вáська сердúто обернýлся и цáпнул её зá ногу.

Показáлась кровь. Сóня испугáлась. А Вáська, тóлько онá освободúла егó драгоцéнный хвост, сейчáс же перестáл сердúться и дáже принялся́ залúзывать Сóнину нóгу, как бýдто извиня́лся.

Вы́думали, что ти́гры звере́ют, как то́лько почу́ют кровь. Посмотре́ли бы на на́шего Ва́ську: и не поду́мал да́же озвере́ть, а лиза́ть стал, потому́ что сам по́нял, что хвата́ть зуба́ми чужи́е но́ги — э́то не по-това́рищески.

Ка́к-то проходя́ по терра́се, Ва́ська уви́дел ве́ник. Он подкра́лся к нему́, изловчи́лся — и хвать в зу́бы! И, мота́я и трепля́ ве́ник, гало́пом умча́лся в сад. А когда́ верну́лся, у него́ в зуба́х оста́лись от ве́ника всего́ два — три жа́лких пру́тика.

Мы посмея́лись над ним, пошути́ли и забы́ли об э́том. Но пото́м, дня через два, он разорва́л ещё оди́н ве́ник, и ещё, и ещё... Мы убеди́лись, что у него́ э́то вро́де привы́чки. Он ника́к не мог пройти́ ми́мо ве́ника равноду́шно: уви́дит — и момента́льно в зу́бы и рвёт. Нам да́же показа́лось, что у него́ при э́том быва́ло како́е-то осо́бенно зло́е выраже́ние, как бу́дто он за что́-то мстил ве́никам.

Оказа́лось, что э́то и в са́мом де́ле бы́ло так.

Когда́ Ва́ську везли́ из сте́пи, оте́ц останови́лся с ним передохну́ть у одного́ своего́ прия́теля-охо́тника. У э́того охо́тника была́ о́чень стро́гая жена́, и она́ колоти́ла Ва́ську ве́ником за то, что он оставля́л гря́зные следы́ на её половика́х. Вот зде́сь-то зароди́лась у Ва́ськи не́нависть ко всем на све́те ве́никам.

Отсю́да же он унёс воспомина́ние о двух други́х, то́же о́чень интере́сных веща́х: о ю́бке и сапога́х. Когда́ серди́тая хозя́йка (челове́к в ю́бке) гнала́сь за ним с ве́ником, он, спаса́ясь от неё, убега́л к лю́дям друго́го со́рта, оде́тым в сапоги́, — к отцу́ и к хозя́ину. Тут уж его́ в оби́ду не дава́ли, и он навсегда́ сохрани́л не́жную привя́занность к сапога́м. А ю́бки, наоборо́т, выноси́л с трудо́м.

Ма́ма дава́ла Ва́ське еду́ и бо́льше всех вози́лась с ним. Он заме́тно выделя́л её из всех же́нщин. Но ю́бок её он всё-таки терпе́ть не мог, и почти́ все они́ побыва́ли в когтя́х и зуба́х тигрёнка.

Ва́ська о́чень хорошо́ различа́л вся́кие за́пахи. Наприме́р, духи́ и́ли цветы́ бы́ли тигрёнку неприя́тны. Поню́хав невзнача́й цвето́чек в саду́, Ва́ська до́лго мо́рщился и чиха́л. А за́пах колбасы́ он узнава́л издалека́ и счита́л его́, по-ви́димому, са́мым чуде́сным за́пахом на све́те.

Едва́ зачу́яв его́, тигрёнок приходи́л в возбужде́ние и принима́лся крича́ть: «ба́-ум! ба́-а-ум! ба́-а-а-ум!»

Други́ми слова́ми, он крича́л, как капри́зный, непослу́шный ла́комка: «Где колбаса́? Хочу́ колбасы́! Отдава́йте мою́ колбасу́!»

Ка́к-то ве́чером мы ста́ли есть колбасу́. Ва́ська, то́лько что нако́рмленный, был в сосе́дней ко́мнате. Он ворва́лся в столо́вую и поле́з на стол.

— Ну нет, шали́шь! — сказа́л оте́ц. — Ты пое́л — отправля́йся-ка спать. — С э́тими слова́ми он повали́л Ва́ську на дива́н, а колбасу́ убра́л в шкаф, повы́ше.

Ва́ська не угомони́лся. Он положи́л пере́дние ла́пы на стол, убеди́лся, что колбасы́ там нет, и, как ужа́ленный, забе́гал по ко́мнате, подня́в мо́рду кве́рху.

Наконе́ц он догада́лся, влез на откры́тое око́шко и отту́да повёл но́сом. Пото́м подбежа́л к шка́фу и принялся́ пры́гать на него́, серди́то ря́вкая.

— Интере́сно, доста́нет он колбасу́ и́ли так и бро́сит, ничего́ не доби́вшись?

Ва́ська верте́лся вокру́г, цара́пал и грыз у́гол шка́фа. И ка́ждый раз, когда́ он кида́лся вверх, тяжело́ и неуклю́же, как куль с отруби́ми, шлёпался на́ пол.

Наконе́ц, совсе́м рассерди́вшись, он сно́ва поле́з на стол и хоте́л со стола́ перепры́гнуть на шкаф.

Тут уж мы испуга́лись: упадёт — так ведь здо́рово ушибётся.

— Так и быть, дади́м ему́ колбасы́, — реши́ли мы все.

Оте́ц отре́зал кусо́к колбасы́:

— Лови́, Ва́ська!

Ва́ська, всё ещё сто́я на столе́, широко́ раскры́л

свою́ пасть. Колбаса́ ло́вко шлёпнулась в неё и ми́гом проглоти́лась. А Ва́ська вы́пучил на нас глаза́: э́то что же за надува́тельство? Куда́ же колбаса́ девала́сь, а?

Запо́мнилось мне одно́ ску́чное воскресе́нье. С рассве́та и до са́мой но́чи лил дождь и дул холо́дный ве́тер. Днём бы́ло темно́, как в су́мерки.

Мы все слоня́лись по ко́мнатам и мёрзли.

— Дава́йте зато́пим пе́чку и бу́дем печь на у́глях сушёную кукуру́зу, — предложи́ла Со́ня.

Все оживи́лись и захлопота́ли: кто побежа́л за дрова́ми, кто стал щепа́ть лучи́нки, а мы с сестро́й отпра́вились на черда́к, где у нас, под са́мой кры́шей, суши́лась кукуру́за.

Принесли́ дрова́ и ста́ли раста́пливать пе́чку.

Пе́чка помеща́лась как раз напро́тив дива́на, а на дива́не, положи́в го́лову на ва́лик, лежа́л Ва́ська.

Он внима́тельно следи́л, как вспы́хнула спи́чка, загоре́лись лучи́нки и, потре́скивая, ста́ли разгора́ться дрова́. Ва́ська насторожи́л у́шки и да́же сел от удивле́ния на дива́не: ай-ай-ай, кака́я интере́сная шту́ка!

Среди́ оживлённых разгово́ров мы ка́к-то не заме́тили, что он сошёл с дива́на.

И вдруг раздало́сь гро́мкое: ффуууух!!!

Глядь, а Ва́ська засу́нул го́лову в пе́чку да со стра́ху как у́хнет там! От э́того у́ханья ого́нь сра́зу вспы́хнул, а Ва́ська, бедня́га, так и окамене́л на ме́сте.

Хорошо́, что оте́ц не растеря́лся, подскочи́л и оттащи́л его́ за хвост.

У Ва́ськи обгоре́ли усы́ и бро́ви, мо́рдочка вся была́ в золе́. Он заби́лся в у́гол дива́на и оглян́улся на нас, тако́й жа́лкий и растé́рянный, что, каза́лось, вот-во́т запла́чет.

Вот так обсле́довал печь!

— Ребя́та, ребя́та! — смея́сь, звала́ Юля. — Скоре́е беги́те сюда́!

Мы вы́бежали на крыльцо́:

— Что тако́е?

Юля закры́ла рот руко́й и грози́ла па́льцем:

— Ти́ше! Посмотри́те-ка, посмотри́те... Ва́ська-то наш стара́ется!...

На ве́рхней ступе́ньке спуска́вшейся в сад ле́стницы сиде́л четырёхле́тний ма́льчик Па́влик. Он всхли́пывал, что́-то оби́женно бормота́л и пиха́л тигрёнка руко́й. А Ва́ська не обраща́л на э́то никако́го внима́ния. Он примости́лся на за́дних ла́пах, пере́дние положи́л Па́влику на пле́чи и так, приде́рживая, стара́тельно его́ «причёсывал». Он был о́чень дово́лен свои́м заня́тием и всё вре́мя ла́сково урча́л и пригова́ривал над Па́вликовой голово́й: «гм... гм... гм...»

Он лиза́л от заты́лка на лоб. Во́лосы ста́ли мо́крые от слюны́ и торча́ли ды́бом. А Ва́ська, наве́рно, ду́мал, что э́то о́чень краси́во, и глаза́ у него́ ма́слились от удово́льствия.

— На́до его́ сейча́с же прогна́ть! Не ви́дите, что́ ли, Па́влик обижа́ется.

— Ишь парикма́хер како́й вы́искался: ли́жет, гла́вное, соверше́нно чужу́ю го́лову.

— Пуска́й бы он лиза́л себе́ живо́т и ла́пы. А то ещё и ли́жет-то не по-челове́чески, а пря́мо напро́тив ше́рсти!

Со́ня сбе́гала, принесла́ кусо́к колбасы́, дала́ Ва́ське поню́хать и швырну́ла её на друго́й коне́ц терра́сы.

Ва́ська ки́нулся за колбасо́й, а мы захлопота́ли о́коло Па́влика.

Юля полива́ла из кру́жки, я тёрла ему́ заму́сленные во́лосы, а Ната́ша держа́ла пирожо́к с варе́ньем, что́бы угости́ть его́ за все оби́ды. Пото́м да́ли ему́ пирожо́к, он ел и жа́ловался нам на Ва́ську:

— Я игра́л, а он приле́з. Положи́л свои́ ру́ки мне вот на э́ту спи́ну, — он показа́л на свои́ пле́чи, — и на́чал иска́ть у меня́ в голове́. И сра́зу наплева́л мне на во́лосы. Я его́ отпи́хивал: «Уходи́, Ва́ська, не хочу́», а... а он то́лько сме-е-я́л-ся...

И Па́влик опя́ть всхли́пнул, припо́мнив Ва́ськино «причёсывание».

Мы все приняли́сь его́ утеша́ть, но он был тако́й умори́тельный: ма́ленький, волосёнки во все сто́роны, ли́чико оби́женное и всё в варе́нье, что мы не могли́ удержа́ться и расхохота́лись.

Па́влик, уви́дев, что мы все хохо́чем, переста́л пла́кать и то́же засмея́лся. А пото́м, спустя́ не́сколько ме́сяцев, Па́влик да́же полюби́л Ва́ськины причёски. И нере́дко мо́жно бы́ло ви́деть таку́ю же карти́ну, то́лько тепе́рь уж Па́влик не пла́кал, а ве́село напева́л и́ли разгова́ривал с Ва́ськой, и у обо́их бы́ли дово́льные, сия́ющие физионо́мии.

Про́бовал Ва́ська причёсывать и нас, де́вочек, но из э́того ничего́ не выходи́ло: у нас бы́ли дли́нные ко́сы, всегда́ ту́го заплетённые и завя́занные ле́нточками. И мы реши́тельно отка́зывались у него́ причёсываться.

Был, кро́ме Па́влика, ещё оди́н челове́к, кото́рый позволя́л Ва́ське причёсывать себя́. Это был оте́ц. Ча́сто по утра́м он и тигрёнок отправля́лись в сад, игра́ли там, боро́лись. Ва́ська обхва́тывал ла́пами сапо́г отца́ и так волочи́лся за ним.

Пото́м оте́ц сади́лся на скаме́йку, а Ва́ська, сто́я сза́ди него́ на за́дних ла́пах, клал ему́ на пле́чи пере́дние ла́пы и лиза́л его́ во́лосы.

Ва́ська ни на мину́ту не отстава́л от отца́, а иногда́ и поря́дочно надоеда́л ему́. Пойдёт оте́ц в сад чита́ть, Ва́ська уви́дит и за куста́ми крадётся за ним.

Оте́ц, усе́вшись на ни́зенькой скамье́, то́лько откро́ет кни́гу, как Ва́ська де́лает грома́дный прыжо́к, выбива́ет у него́ из рук кни́гу и, схвати́в её в зу́бы, лети́т в ко́мнаты.

Каки́е заба́вные прыжки́ де́лал он по доро́ге!

Но Ва́ська не то́лько прока́зничал, иногда́ он приноси́л и по́льзу.

Был раз тако́й слу́чай.

К отцу́ зашёл прие́зжий торго́вец и приста́л, что́бы

он купи́л у него́ ра́зные ве́щи: похо́дную крова́ть, прибо́р для снима́ния сапо́г, како́й-то осо́бенный мешо́к для путеше́ствий по гора́м и ещё что́-то в э́том же ду́хе.

Оте́ц торопи́лся доко́нчить сро́чную рабо́ту и не знал, как отде́латься от надое́дливого посети́теля. В э́то вре́мя в отцо́вский кабине́т больши́ми прыжка́ми ворва́лся Ва́ська. Он разы́скивал отца́ по всему́ до́му и наконе́ц нашёл.

Торго́вец, уви́дев Ва́ську, побледне́л и дрожа́щими губа́ми спроси́л:

— А э́то кто?

— Это ко́шка така́я — тигр, — споко́йно отве́тил оте́ц.

— Тогда́ я... До свида́нья...

Торго́вец момента́льно собра́л свои́ сокро́вища и исче́з. Он забы́л да́же второпя́х свои́ кало́ши, а оте́ц, смея́сь, сказа́л Ва́ське:

— Вот молоде́ц! Ло́вко вы́ручил...

Ва́ська о́чень скуча́л, когда́ отцу́ пришло́сь на неде́лю уе́хать в лес.

Он ходи́л по всем ко́мнатам, заходи́л в ку́хню, обню́хивал всех и всё прислу́шивался.

На седьмо́й день ве́чером, когда́ Ва́ська был привя́зан на́ ночь к своему́ сто́лику, во дворе́ послы́шались голоса́: э́то верну́лся оте́ц. Ва́ська бро́сился навстре́чу. Цепо́чка натяну́лась, стол сдви́нулся с ме́ста, и всё э́то с шу́мом застря́ло в дверя́х. Оте́ц бы́стро подбежа́л к Ва́ське.

Как он обра́довался, Ва́ська! Обнял его́ сапоги́, лиза́л и мурлы́кал: «ахм-ахм-ахм...» — сло́вно смея́лся с закры́тыми губа́ми.

Не по́мню, кто принёс нам кни́гу «Хи́жина дя́ди То́ма», но на не́сколько дней мы забро́сили все и́гры, с утра́ уходи́ли в сад и там чита́ли вслух. Чита́ли попереме́нно: ста́ршая сестра́ Со́ня и я.

А мла́дшие сёстры и сосе́дские ребя́та расса́жи-

вались полукру́гом на траве́ и слу́шали, раскры́в рты и затаи́в дыха́ние. Дошли́ мы до са́мого печа́льного ме́ста — как дя́дя Том умира́л, не дожда́вшись освобожде́ния. И чтецы́ и слу́шатели залива́лись слеза́ми.

К Юлиному плечу́, сза́ди, с тяжёлым вздо́хом прильну́ла чья́-то голова́. Вдруг Ната́ша, сиде́вшая вся в слеза́х напро́тив Юли, ка-а-ак захохо́чет!

Я пря́мо обмерла́: мо́жет, она́ с ума́ сошла́ от го́ря?

А она́ хохо́чет и ма́шет руко́й на Юлю.

Взгляну́ли — э́то Ва́ська положи́л го́лову на Юлино плечо́, вздыха́ет и да́же глаза́ закры́л, как бу́дто ему́ то́же жа́лко дя́дю То́ма. Пропа́ло на́ше чте́ние — мы пря́мо по траве́ ката́лись от хо́хота.

Бо́льше ме́сяца прошло́ с тех пор, как Ва́ська сде́лался чле́ном на́шей семьи́. Он заме́тно вы́рос, набра́лся си́лы и уве́ренности. Движе́ния его́ бы́ли ещё по-де́тски неуклю́жи, но иногда́, осо́бенно когда́ Ва́ська подкра́дывался, станови́лись вдруг о́чень бы́стрыми и ло́вкими.

Шерсть на Ва́ське блесте́ла и лосни́лась, как ба́рхат. Она́ была́ золоти́сто-кра́сного цве́та с я́ркими чёрными по́лосами. По́лосы доходи́ли до живота́. Живо́т был све́тло-се́рый, без поло́с.

Ва́ська стал гла́дким и отко́рмленным. Прия́тно бы́ло на него́ смотре́ть.

Це́лый день он умыва́лся и лиза́л свои́ ла́пы и живо́т, отря́хивался и прихора́шивался. В таки́е моме́нты он о́чень напомина́л ко́шку.

В ко́мнатах он никогда́ не па́чкал. Впро́чем, случи́лось оди́н раз, но э́то мы са́ми бы́ли винова́ты: забы́ли вы́вести его́ во́время. Когда́ мы спохвати́лись наконе́ц, Ва́ська, недово́льный, сконфу́женный, мо́рщился и гро́мко фы́ркал.

Его́ отвяза́ли, и он пу́лей вы́летел в сад.

В э́тот день он купа́лся с осо́бенным стара́нием.

А купа́лся он не про́сто, а с фасо́ном.

В саду́ вы́рыли кру́глую я́му о́коло ме́тра глубино́й и ширино́й. Ма́ленький ручеёк почти́ до краёв наполня́л её водо́й.

Приходи́ла ма́ма с мы́лом и щёткой. Оте́ц приноси́л ведро́ и́ли кру́жку, и появля́лся Ва́ська с це́лой сви́той ребя́т.

Он о́чень люби́л купа́ться и э́тим совсе́м не походи́л на ко́шек.

Ва́ську полива́ли из кру́жки и намы́ливали зелёным мы́лом. Пото́м он лез в я́му, станови́лся в ней на за́дние ла́пы, пере́дние протя́гивал отцу́, и начина́лось мытьё. Его́ тёрли щёткой и рука́ми, облива́ли, полоска́ли, а он, торжеству́я, стоя́л в я́ме и сопе́л от удово́льствия. Когда мытьё конча́лось, он выбира́лся на траву́, отря́хивался, ката́лся и пры́гал на со́лнышке.

Мно́го бы́ло с ним возни́ и хлопо́т, но зато́ како́й он выраста́л краси́вый!

Ва́ська нисколько не боя́лся люде́й. Напро́тив, он вся́чески стара́лся привле́чь их внима́ние.

Если случа́лось, что до́ма все бы́ли за́няты и к тигрёнку никто́ ни с чем не обраща́лся, не гла́дил его́, не тормоши́л и не загова́ривал с ним, Ва́ська как бу́дто обижа́лся.

Иногда́ мы наро́чно испы́тывали его́ терпе́ние.

Возьмём, быва́ло, уся́демся на полу́ в кружо́к и разгова́риваем.

Ва́ська подходи́л и прислу́шивался. Он ожида́л, что мы, как всегда́, ска́жем ему́: «А-а, Васю́к пришёл!» — и погла́дим его́.

А мы де́лаем вид, что совсе́м его́ не замеча́ем. Он послу́шает немно́жечко и начина́ет тро́гать ла́пой како́й-нибудь ко́нчик завя́зки у фа́ртука и́ли ле́нту в косе́.

А мы ещё пу́ще разгова́риваем, но то́лько ме́жду собо́й, как бу́дто его́ совсе́м не существу́ет на све́те.

Тогда́ он сади́лся то́же, пя́лил на нас свой широ́кие глаза́, слу́шал и в удо́бных места́х вставля́л своё «угу́».

Это означа́ло, что ему́ уже́ невтерпёж стано́вится одному́.

Мы хохота́ли и говори́ли, наро́чно не гля́дя на него́:

— Ишь, как он набива́ется! То́лько смотри́те не называ́йте его́ по и́мени, а то он сра́зу догада́ется, что мы про него́ говори́м, и не бу́дет бо́льше скуча́ть.

Так мы изводи́ли его́ часа́ми.

Он стара́лся вмеша́ться в разгово́р, заи́грывал вся́чески, а пото́м, когда́ уже́ ничего́ не помога́ло, вдруг гро́мко зева́л, широко́ раскрыва́я огро́мную пасть.

А пасть у него́ была́ замеча́тельная — кра́сная, с како́й-то бахромо́й, и зу́бы то́же о́чень интере́сные — бе́лые, о́стрые и больши́е.

Мы забыва́ли свой угово́р, загля́дывали к нему́ в пасть и восхища́лись зуба́ми.

Ва́ська сейча́с же влеза́л в наш круг. Мы про́бовали рука́ми раскры́ть ему́ рот, а он отвора́чивал мо́рду и ра́довался: всё-таки заста́вил нас обрати́ть на себя́ внима́ние.

Со всего́ го́рода, из окре́стных стани́ц и да́же с гор приезжа́ли лю́ди погляде́ть на на́шего тигрёнка. Они́ звони́ли у воро́т; мы бежа́ли и откла́дывали па́лку-засо́в.

— У вас, говоря́т, ручно́й тигр име́ется? Мо́жно посмотре́ть? Мы запла́тим, е́сли ну́жно, за посмотре́ние.

Нам снача́ла о́чень хоте́лось, что́бы они́ дава́ли нам копе́йки. Оди́н раз мы набра́ли так два рубля́ — по пятаку́ бра́ли с челове́ка. Но оте́ц серди́лся и не позволя́л нам брать де́ньги, а то́лько тре́бовал, что́бы смотре́ли издалека́, не гла́дили Ва́ську и без разреше́ния ничего́ ему́ не дава́ли.

Нам нра́вилось, что взро́слые лю́ди спра́шивали у нас позволе́ния.

— А ско́лько вас, мно́го?.. Ну ла́дно, ста́ньте вот здесь, у воро́т. Мы его́ сейча́с позовём. То́лько смотри́те не гла́дьте и не дава́йте ему́ ничего́, когда́ он придёт.

— Хорошо́, мы всё бу́дем де́лать, как вы вели́те.

Они́ станови́лись, как мы пока́зывали, и всем бы́ло о́чень интере́сно.

Пото́м мы шли в сад, зва́ли Ва́ську, и он ва́жно выходи́л к посети́телям.

В пе́рвый миг они́ всегда́ шара́хались в сто́рону, а он удивля́лся и огля́дывался на нас.

Мы успока́ивали их:

— Ну, что же тут стра́шного? Он ведь совсе́м ручно́й.

— Он да́же не понима́ет, кого́ вы испуга́лись. Ви́дите, он како́й?

Мы кла́ли ему́ в пасть ру́ки, гла́дили по голове́, за уша́ми и под подборо́дком. Поднима́ли его́ тяжёлую ла́пу и пока́зывали зри́телям ладо́нь.

— Гляди́те, — говори́ли мы, — все ко́гти поджа́ты, и ничего́ тако́го нет, что́бы боя́ться.

Они́ смотре́ли на Ва́ську и не могли́ насмотре́ться. Пото́м он так им начина́л нра́виться, что они́ непреме́нно хоте́ли его́ погла́дить.

— Нет, — говори́ли мы, — погла́дить его́ ника́к нельзя́, потому́ что нам за э́то доста́нется.

— Ну, не доста́нется.

— Нет, обяза́тельно доста́нется.

Но они́ всё пристава́ли до тех пор, пока́ мы не прибавля́ли наро́чно:

— И пото́м, кто его́ зна́ет, ведь он же всё-таки тигр... А вдруг вце́пится, тогда́ что мы бу́дем де́лать?

По́сле э́того они́ сра́зу перестава́ли проси́ть.

Оди́н раз Ва́ська гуля́л по са́ду и уви́дел в забо́ре ды́рку. Он просу́нулся ме́жду до́сками. Ви́дит — у́лица, бе́гают соба́ки, изво́зчики е́здят туда́-сюда́, в стороне́ ребя́та игра́ют в лапту́, а под забо́ром на тра́вке не́сколько челове́к игра́ют в ка́рты.

Ва́ська огляде́л всё э́то, втяну́л го́лову наза́д, фы́ркнул от волне́ния и сказа́л: «уф!»

Пото́м просу́нулся сно́ва.

Но я уже́ говори́ла, что он не мог выноси́ть, что́бы

люди его́ не замеча́ли. Поэ́тому он смотре́л, смотре́л, да и вы́лез весь нару́жу.

Те, кото́рые в ка́рты игра́ли, огляну́лись и говоря́т:

— Вот так явле́ние!

А Ва́ська им в отве́т:

— Угу́.

Они́ вста́ли тогда́ с земли́. Оди́н говори́т друго́му:

— Пойдём, брат Ва́ська. А то как бы штаны́ на́ши не пострада́ли. Это, ви́дно, лесни́чего ти́гра. Вишь, она́ вре́дная кака́я, полоса́тая.

Он сказа́л: «Пойдём, Ва́ська», — тигрёнок и поду́мал, что э́то к нему́, и пошёл.

Они́ испуга́лись и отбежа́ли, а же́нщина одна́ да́же завизжа́ла от стра́ха. Тигрёнок растеря́лся. Сел пря́мо посереди́не у́лицы в пыль и дава́й чеса́ть за у́хом.

В э́то вре́мя оте́ц подошёл к забо́ру. Вы́глянул — Ва́ська сиди́т в пыли́ и заду́мчиво почёсывает за у́хом, а сосе́ди сгруди́лись поо́даль, рассма́тривают его́ и смею́тся.

Оте́ц перескочи́л через забо́р и хоте́л увести́ сейча́с же тигрёнка. Тут сосе́ди осмеле́ли и ста́ли проси́ть:

— Подожди́ ма́лость! Не уводи́ так ско́ро. Ишь он како́й интере́сный. Он кто же — ко́шка и́ли ина́че как определя́ют?

Оте́ц рассказа́л им про ти́гров, пото́м заста́вил Ва́ську боро́ться и кувырка́ться. Шлёпал в шу́тку его́ по щека́м, а Ва́ська отма́хивался ла́пой и то́же норови́л заде́ть отца́.

Когда́ оте́ц дви́нулся с тигрёнком домо́й вдоль забо́ра, вся толпа́ провожа́ла их и крича́ла вслед:

— Ай да Ва́ська! Вот спаси́бо, что пришёл к нам!

У нас бы́ло мно́го кур, и Ва́ська погля́дывал на них с больши́м интере́сом.

Ка́к-то он вы́шел погуля́ть. Круго́м во дворе́ стоя́ли лу́жи: то́лько что прошёл дождь. Ва́ська пробира́лся осторо́жно, обходя́ лу́жи и отря́хивая ла́пы, как кот.

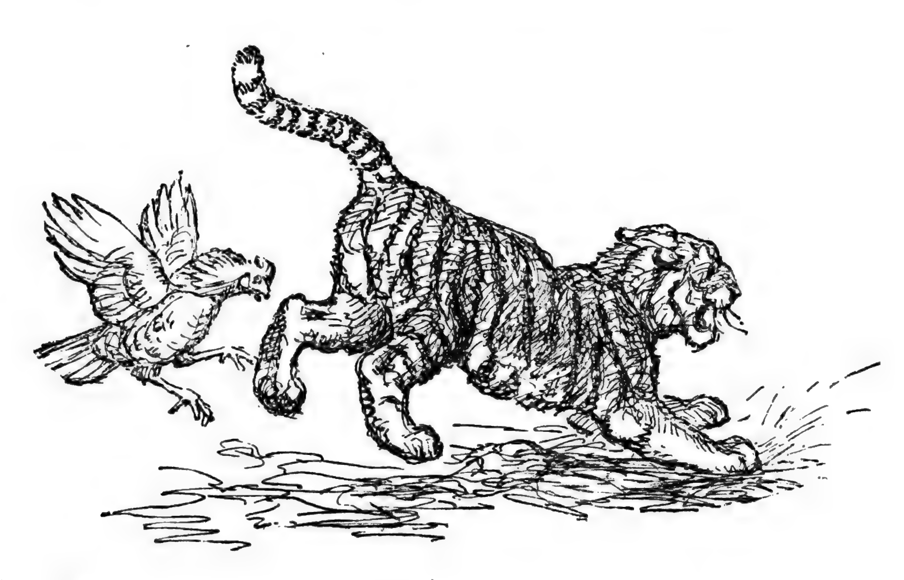
Вдруг он заме́тил на со́лнышке насе́дку с малю́сенькими, как ва́тные ша́рики, цыпля́тами. Ва́ська прижа́л у́ши к заты́лку (так он де́лал всегда́, когда́ подкра́дывался) и припа́л к земле́, что́бы пры́гнуть к цыпля́там.

Насе́дка почу́яла опа́сность, заволнова́лась, собрала́ дете́й, распуши́ла как мо́жно страшне́е свои́ пе́рья и, вся дрожа́ от у́жаса перед Ва́ськой, бе́шено ки́нулась на него́. Она́ хло́пала кры́льями, наска́кивала на него́ и стара́лась вы́клевать ему́ глаза́.

Ва́ська перепуга́лся, замота́л голово́й и пусти́лся бежа́ть. Он уже́ не разбира́л доро́ги, шлёпал пря́мо по лу́жам, то́лько бры́зги лете́ли во все сто́роны. А насе́дка — за ним; всё зле́е и зле́е налета́ла, клева́ла сза́ди. И то́лько тогда́, когда́ Ва́ська ди́кими прыжка́ми влете́л на крыльцо́, она́ поверну́лась, захло́пала кры́льями и го́рдо напра́вилась к цыпля́там.

Второ́е столкнове́ние Ва́ськи с ку́рами произошло́ накану́не пра́здника. В э́тот день все ходи́ли голо́дные и озабо́ченные. С са́мого утра́ занима́лись убо́ркой и стряпнёй и в сумато́хе забы́ли покорми́ть живо́тных.

Го́лодны бы́ли соба́ки, го́лоден был и Ва́ська.

Вдруг прибегáет на кýхню Сóня:

— Мáма, что собáки надéлали!

— Что такóе?

Оказáлось, что собáки ужé закуси́ли: съéли óкорок, приготóвленный для прáздника. Они́ забрали́сь в лéдник и вы́тащили егó.

Тут вспóмнили, что Вáська тóже ещё не накóрмлен, и реши́ли поскорéе накорми́ть егó. Но бы́ло ужé пóздно.

Вáська, голóдный и злой, сидéл во дворé на сóлнышке и хмýрился на рóющихся кур. Трóгать их он не решáлся: ещё не забы́л, как клевáла егó насéдка.

В э́то врéмя ми́мо негó проковыля́л на отморóженных ногáх несчáстный инвали́д-петýх.

Вáська сдéлал прыжóк — и петýх заби́лся в егó сти́снутых зубáх. Мы уви́дели э́то с крыльцá и хóром закричáли.

Из дóма вы́бежал отéц. Он схвати́л пéрвую попáвшуюся хворости́ну, стегнýл Вáську и серди́то кри́кнул:

— Брось сейчáс же! Я вот тебé...

Вáська свирéпо зарычáл, не выпускáя из зубóв своéй жéртвы. Глазá у негó загорéлись, он стал стрáшным. Отéц пóнял, что éсли отступи́ть перед ним в э́тот раз, то пóсле с ним уж не слáдить. Он стегнýл ещё и ещё.

Вáська ди́ко рычáл и пры́гал, но петухá всё-таки не выпускáл.

Тогдá отéц схвати́л егó за зáдние лáпы, приподня́л вмéсте с петухóм в зубáх и трáхнул головóй о плетéнь.

Прáвда, э́то бы́ло óчень жестóко, но затó бунтовщи́к срáзу смири́лся. Вы́пустил из зубóв задýшенного петухá и сидéл, оглушённый и кáк-то срáзу обмя́кший.

Мáма поскорéе накорми́ла егó, и он, оби́женный, убрáлся в сад.

Дóлго не мог он прости́ть э́того отцý, избегáл подходи́ть к немý, не ласкáлся и вообщé с ним «не разговáривал».

А кур он бóльше никогдá не трóгал. Прáвда, случáлось, что он неожи́данно набрáсывался на них из-за

кусто́в. Но э́то была́ то́лько игра́: зу́бы его́ в э́том не уча́ствовали. Игра́ конча́лась тем, что ку́ры с отча́янным куда́хтаньем разлета́лись, а Ва́ська, напу́ганный со́бственной проде́лкой, удира́л в другу́ю сто́рону.

Мы, все четы́ре сестры́, так ло́вко ухитри́лись роди́ться, что на́ши дни рожде́ния приходи́лись оди́н за други́м.

В дни рожде́ния ведь всё-таки полага́ется испе́чь пиро́г, позва́ть госте́й — и что́бы це́лый ве́чер был шум. Ну, и пода́рок како́й-нибудь то́же на́до. Оди́н раз — э́то ещё ничего́. А вот когда́ ну́жно четы́ре ра́за подря́д печь пиро́г и четы́ре ве́чера устра́ивать шум, тогда́ э́то уж чересчу́р. Ма́ма от э́того устава́ла и серди́лась. Вот мы и реши́ли: соедини́ть все на́ши дни рожде́ния в оди́н день, но зато́ уж что́бы в э́тот день и пиро́г, и го́сти, и шум — всё бы́ло как сле́дует.

Накану́не э́того торже́ственного дня мы де́ятельно помога́ли ма́ме. Подмета́ли двор и сад, мы́ли полы́, взя́ли на себя́ са́мую тру́дную часть стряпни́: забо́ту о на́шем сла́дком пироге́. Мы так си́льно беспоко́ились о нём, что всё вре́мя про́бовали начи́нку. Когда́ её оста́лось почти́ полови́на, ма́ма сказа́ла:

— Ну хорошо́! Бу́дет уже́ помога́ть! Тепе́рь я сама́ ка́к-нибудь спра́влюсь.

И она́ веле́ла нам ложи́ться спать.

А ещё поздне́е, когда́ мы кре́пко засну́ли, она́ ти́хо зашла́ в ко́мнату и ка́ждому под поду́шку положи́ла пода́рок. Пото́м и она́ засну́ла.

Утром мы все, как то́лько откры́ли глаза́, сейча́с же поле́зли под поду́шки. И ка́ждая из нас нашла́ и́менно тот пода́рок, како́й ей бо́льше всего́ хоте́лось. Со́ня — то́лстую кни́гу про всех живо́тных, Бре́ма, я — ку́кольный теа́тр, Юля — я́щик с кра́сками для рисова́ния, а Ната́ша — игру́ «Ско́тный двор».

Мы разложи́ли пода́рки, ста́ли рассма́тривать их и восхища́ться. Ма́ма то́же ра́довалась вме́сте с на́ми. Она́ пришла́ на мину́тку, что́бы позва́ть нас за́втра-

кать, да так и осталась у нас. И про завтрак мы все забыли.

А в это время к нам пришёл гость. Двери с террасы у нас были открыты, и никто не слыхал, как он вошёл в столовую. Это был сослуживец отца. Он подошёл к накрытому столу, полюбовался на наш пирог и прочёл румяную надпись из теста: «С днём рождения, детки».

«Ах, вон как! У них сегодня праздник», — сказал он сам себе и стал расхаживать по комнате, напевая песенку.

Гость был маленький, щупленький человечек, ростом не больше десятилетнего мальчика. Но, несмотря на это, держал он себя так важно, даже величественно, что к нему нельзя было подступиться.

С детьми он здоровался только двумя пальцами и при этом страшно задирал кверху очки. Мы его не любили и тихонько подсмеивались над ним.

Разгуливая по комнате, он достал из кармана носовой платок и разгладил им свои усы. От платка распространился запах крепких духов.

Вдруг кто-то, совсем близко от него, с отвращением сказал:

— Ф-фу!

Он оглянулся: «Батюшки, кто это?!»

А это был Васька. Он потянул носом воздух и чихнул от крепкого запаха духов. Потом сел на диване, где он только что спал врастяжку, и понюхал ещё раз — фу, как нехорошо! У него даже морда скривилась. Язык сам собой высунулся, а вокруг носа сделались морщинки. Бедный гость совсем растерялся. Как хотите, а это же не шутка: сидит в двух шагах не птичка какая-нибудь, даже не собака, а настоящий тигр и строит тебе этакие вот гримасы!

Васька снова чихнул и замотал головой. Дикому зверю никогда не понять, зачем это люди так резко пахнут. Звери, наоборот, стараются пахнуть как можно меньше, чтобы их не учуяли враги.

Гость лихора́дочно приду́мывал, как бы ему́ удра́ть подобру́-поздоро́ву. Он с тоско́й погля́дывал на дверь, но не реша́лся да́же па́льцем шевельну́ть.

А Ва́ська тем вре́менем на́чал дога́дываться: должно́ быть, э́тот «ма́льчик» хо́чет с ним поигра́ть. Он слез с дива́на, подошёл и гмы́кнул, как бу́дто спроси́л: «Ну хорошо́. А как бу́дем игра́ть-то?»

Гость вздро́гнул. Ва́ська попя́тился. Его́ то́же на́чало разбира́ть сомне́ние: челове́чек вёл себя́ о́чень стра́нно, ре́зко па́хнул, вздра́гивал, не загова́ривал с Ва́ськой, как все остальны́е. Зага́дочное поведе́ние!..

Тигрёнок забра́л наза́д одну́ ла́пу, другу́ю. Попя́тился к две́ри и стал на поро́ге.

— Ко́-о-ше-чка, ми́-лая! — заика́ясь, пролепета́л гость. — Уйди́, ми́лая, уйди́!

И он махну́л носовы́м платко́м. Ва́ська сно́ва я́ростно чихну́л. Гость шара́хнулся за стол.

Ну, наконе́ц-то «ма́льчик» переста́л топо́рщиться и заигра́л. Тигрёнок ве́село запры́гал вслед за ним. Гость взви́лся на дива́н, Ва́ська — за ним. Гость пры́гнул с дива́на на сто́л и присе́л над на́шим пирого́м, среди́ посу́ды. На мину́ту Ва́ська потеря́л его́ из ви́ду.

Вот тебе́ раз! Так сла́вно бы́ло разыгра́лись, и вдруг э́тот «ма́льчик» исче́з куда́-то.

Ва́ська подня́лся на за́дние ла́пы, положи́л пере́дние на край стола́ и загляну́л. Ах, вот он где! Сиди́т на столе́ и ждёт Ва́ську.

Тут тигрёнок от ра́дости принялся́ выде́лывать таки́е замыслова́тые прыжки́, что у бедня́ги го́стя зашевели́лись во́лосы на голове́. Он потеря́л всю свою́ ва́жность и отча́янно, как утопа́ющий, завопи́л:

— Ка-ра-у́ул! Помоги́те!.. Спаси́те!

Вре́мя от вре́мени Ва́ська остана́вливался, опя́ть поднима́лся и загля́дывал на стол. Гость, ви́дя так бли́зко от свои́х ля́жек его́ мо́рду и горя́щие оживле́нием весёлые глаза́, то́лько отма́хивался души́стым плато́чком и стона́л:

— Спаси́-ите!.. Помоги́-ите!..

Мы услыха́ли э́ти сто́ны и, стра́шно перепу́ганные, ки́нулись на по́мощь. Гурьбо́й влете́ли[1] в столо́вую — и остолбене́ли: на пра́здничном столе́, пря́мо над на́шим сла́дким пирого́м, скорчи́лся зелёный от стра́ха гость. Он в у́жасе тара́щил глаза́ на́ пол, как бу́дто отту́да на него́ надвига́лся разъяри́вшийся ма́монт. А там всего́-на́всего сиде́л Ва́ська и топо́рщил от сме́ха усы́.

Мы дру́жно захохота́ли. Гость то́же скриви́л улы́бку, но всё ещё не слеза́л со стола́ и беспоко́йно озира́лся на Ва́ську.

Тут вошёл оте́ц. Он снял го́стя на́ пол, опра́вил на нём костю́м и стал извиня́ться за Ва́ськину вы́ходку. Он да́же серди́то пихну́л тигрёнка ного́й, а нам приказа́л о́чень стро́го:

— Переста́ньте сейча́с же! Смея́ться здесь не́чего! Убери́те неме́дленно э́ту га́дину!

Мы взя́ли «э́ту га́дину» за пере́дние ла́пы, уволокли́ в сад и там уже́ насмея́лись вво́лю.

Всю весну́, ле́то и о́сень мы хо́лили и не́жили Ва́ську. А когда́ ли́стья на дере́вьях облете́ли и сад опусте́л, заме́тили, что Ва́ська стал больши́м.

Де́тские свои́ заба́вы он постепе́нно меня́л на други́е: сле́жку, борьбу́, прыжки́.

Зама́шки настоя́щего ти́гра у него́ прогля́дывали и ра́ньше: он о́чень люби́л подкра́дываться, подкарау́ливать ра́зных живо́тных и пти́цу. С во́зрастом э́ти зама́шки станови́лись всё ре́зче и заме́тнее.

По́сле неуда́чного нападе́ния на насе́дку, и в осо́бенности по́сле того́, как ему́ влете́ло за петуха́, Ва́ська никогда́ бо́льше не тро́гал кур. Но, должно́ быть, ощуще́ние пе́рьев и петуши́ного те́ла во рту ему́ о́чень понра́вилось.

И вот он приду́мал но́вую заба́ву.

---

[1] Гурьбо́й влете́ли — шу́мной толпо́й вбежа́ли.

Когда́ в на́шей де́тской ко́мнате никого́ не́ было, он тихо́нько пробира́лся туда́ и игра́л.

Осо́бенно люби́л он стащи́ть с крова́ти поду́шку, вы́кусить у неё у́гол и пото́м уда́рить по ней ла́пой: пе́рья о́блаком взлета́ли во все сто́роны, и тогда́ мо́жно бы́ло с си́лой зажа́ть поду́шку в зуба́х и рыча́ть.

Получа́лось по́лное впечатле́ние охо́ты на ди́кую пти́цу.

Мы сбега́лись на рыка́нье и застава́ли Ва́ську на ме́сте преступле́ния: поду́шка на полу́, Ва́ська на ней, мо́рда у него́ зве́рская и вся в пуху́.

— Зу́бы у тебя́ че́шутся, что ли? — ворча́ли мы, то и де́ло спаса́я от него́ ра́зные ве́щи. — Ведь ни за что не пройдёт споко́йно: всё ему́ ну́жно таска́ть в зуба́х и рвать!

И мы приду́мали вы́ход.

Подари́ли Ва́ське игру́шку — исто́птанный ма́ленький ва́ленок. Мы вози́ли ва́ленок на верёвке, а тигрёнок лови́л его́, как ко́шка мы́шку. Поигра́в, мы оставля́ли ва́ленок в Ва́ськиных зуба́х, и он служи́л заты́чкой Ва́ськиной па́сти. С ним в зуба́х Ва́ська не по́ртил други́х веще́й.

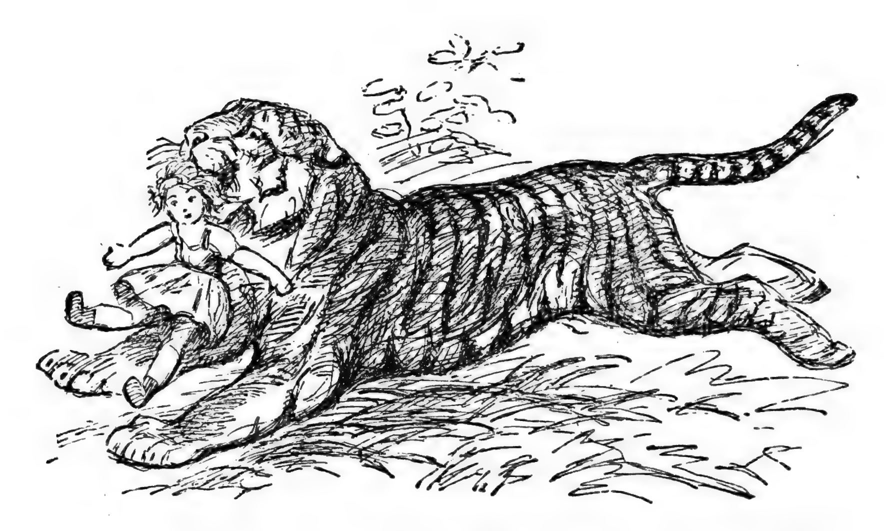
С ва́ленком в зуба́х он ва́жно отправля́лся на коню́шню. Ва́ська о́чень люби́л следи́ть за ло́шадью, и днём, когда́ ло́шадь выпуска́ли в специа́льно огоро́женную часть са́да, он, затаи́вшись где́-нибудь в куста́х, часа́ми проси́живал о́коло неё.

Люби́мая на́ша с ним игра́ была́ така́я.

Мы размеща́ли свои́х ку́кол в игру́шечных теле́жках и е́хали, пробира́ясь в за́рослях сире́ни, к небольшо́й поля́нке. Там «жи́ли» э́ти ку́клы.

Со́ня, Юля и Ната́ша по у́зким тропи́нкам везли́ теле́жки. Я е́хала сбо́ку верхо́м на па́лочке. Это был мой люби́мый конь, у него́ бы́ло отли́чное и́мя — «Вихрь».

По доро́ге вели́сь разгово́ры о том, что в «э́той ме́стности на ми́рных жи́телей ча́сто напада́ют ди́кие зве́ри».

А в куста́х уже́ сверка́ли Ва́ськины глази́щи. Он, как ко́шка, следи́л за теле́жками, гото́вый пры́гнуть в любу́ю мину́ту.

Вот уж ско́ро поля́нка. Остава́лось прое́хать са́мую заро́сшую, опа́сную тропи́нку. Поворо́т. Теле́жки скрыва́ются за угло́м: одна́... друга́я...

Тут на карава́н бу́рей обру́шивался тигр. Под отча́янные кри́ки «ми́рных жи́телей» он хвата́л ку́клу и уноси́лся с ней в ча́щу са́да. Тогда́ и сад был уже́ не сад, а «джу́нгли».

Мы лихора́дочно вооружа́лись «караби́нами» (караби́нами бы́ли па́лки с карто́фелинами на конца́х) и отправля́лись спаса́ть ута́щенную «же́нщину». Части́нько случа́лось, что по́сле сраже́ния, когда́ Ва́ська отступа́л под гра́дом пуль — карто́фелин, бе́дная «же́нщина» остава́лась с растерзанным живото́м и без парика́. Пари́к вме́сте со шля́пкой застрева́л в Ва́ськиных зуба́х.

Появи́лась у Ва́ськи и ещё заба́ва: он стал пры́гать на дере́вья.

Напро́тив до́ма росло́ ста́рое, разве́систое де́рево. На него́ пове́сили обры́вок во́йлока и любова́лись, как ло́вко Ва́ська его́ достава́л. Во́йлок висе́л дово́льно высоко́, ра́за в полтора́ вы́ше челове́ческого ро́ста.

Ва́ська припада́л к земле́, прице́ливался и кида́лся вверх.

Миг — и Ва́ська, вцепи́вшись зуба́ми и ла́пами в во́йлок, кача́лся высоко́ над землёй.

Кака́я упру́гость и си́ла бы́ли в его́ ги́бком, коша́чьем те́ле, когда́ он раска́чивался так на ве́тках!

Накача́вшись, он пры́гал на зе́млю; бесшу́мно ступа́я, обходи́л не́сколько раз вокру́г де́рева и сно́ва прице́ливался к во́йлоку. Глаза́ у него́ разгора́лись, как у́гли, усы́ топо́рщились, а хвост беспреста́нно хлеста́л по гла́дким бока́м.

Дива́н, е́сли Ва́ська растя́гивался во всю свою́ длину́, тепе́рь станови́лся для него́ уже́ мал.

Мы по-пре́жнему беззабо́тно игра́ли со свои́м дру́гом, но ста́ршим всё ча́ще и ча́ще приходи́ло в го́лову, что жизнь Ва́ськи ско́ро должна́ измени́ться.

Одна́жды, си́дя в гостя́х у нача́льника го́рода, одна́ трусли́вая же́нщина раза́халась и разо́халась насчёт на́шего Ва́ськи:

— Ах, как э́то мо́жно, поми́луйте! В го́роде, соверше́нно на свобо́де, хо́дит тигр. Ах, ах, мне стра́шно поду́мать! Ведь от него́ всего́ мо́жно ожида́ть... Заче́м же так рискова́ть? Заче́м нажива́ть себе́ ли́шние неприя́тности?

По́сле таки́х разгово́ров нача́льник го́рода вы́звал отца́ и объяви́л, что ему́ не разреша́ется бо́льше держа́ть Ва́ську на свобо́де и он до́лжен посади́ть его́ в кле́тку; а пока́ кле́тка не бу́дет гото́ва, привяза́ть на цепь.

Пришло́сь испо́лнить всё, что бы́ло прика́зано.

Пе́рвое вре́мя Ва́ська ника́к не мог примири́ться с нево́лей и оскорблённо крича́л ба́сом: «а-ам, ахм! ба́ум, ба́ум...»

Мо́рда у него́ была́ така́я расстро́енная, что хотя́ и бы́ло усло́влено, что его́ отпуска́ть не бу́дут, но мы потихо́ньку от взро́слых (а взро́слые потихо́ньку от нас) отвя́зывали его́.

И тогда́ Ва́ська по-пре́жнему бе́гал по са́ду, лежа́л

на дива́не, пры́гал на де́рево за свои́м во́йлоком и вообще́ стара́лся вся́чески поразмя́ть застоя́вшиеся му́скулы.

Проходи́ли дни за дня́ми, а кле́тки всё не́ было.

Заказа́ть большу́ю, надёжную кле́тку у нас не хвата́ло де́нег, а зака́зывать плоху́ю и те́сную не име́ло смы́сла: всё равно́ мы ста́ли бы выпуска́ть из неё Ва́ську.

Оте́ц ждал но́вых неприя́тностей от нача́льника го́рода и ходи́л хму́рый и серди́тый. А тут, как наро́чно, вы́искался оди́н торго́вец: «Прода́йте да прода́йте... Я бу́ду его́ хорошо́ корми́ть, вы́строю огро́мную, просто́рную кле́тку. Ему́ бу́дет у меня́ прекра́сно».

Оте́ц и мать до́лго крепи́лись: о́чень уж им не хоте́лось расстава́ться с Ва́ськой. Но тигр сто́ил о́чень до́рого, пото́м недово́льство сосе́дей, кото́рые на́чали придира́ться к Ва́ське, и ещё мно́гое друго́е заста́вило их поколеба́ться.

И, как назло́, Ва́ська опя́ть наскандали́л.

Ка́к-то часо́в в двена́дцать дня оте́ц услы́шал стра́шный вопль. Он вы́скочил во двор. У крыльца́ мета́лась ма́ма. Она́ крича́ла и пока́зывала руко́й на плете́нь.

Там, во́зле плетня́, лежа́л ма́ленький ди́кий козёл. Он крича́л буква́льно как ребёнок, а на нём, подпусти́в ему́ под рёбра ко́гти и закати́в от умиле́ния глаза́, сиде́л него́дный Ва́ська.

Когда́ к нему́ подбежа́ли, он соскочи́л с ко́злика и бро́сился удира́ть. Хорошо́, что по́сле па́мятной по́рки за петуха́ Ва́ська боя́лся отца́. Но всё-таки, убега́я, он вцепи́лся ему́ в сапо́г.

По́сле э́того нам стро́го-на́строго запрети́ли спуска́ть Ва́ську с це́пи: он це́лыми дня́ми сиде́л тепе́рь на привя́зи.

Прошло́ дней де́сять, и Ва́ська опя́ть учини́л разбо́й. На э́тот раз он ка́к-то сам отвяза́лся и схвати́л жеребёнка. Пра́вда, и в э́том слу́чае его́ сейча́с же пойма́ли, но Ва́ська ца́пнул кого́-то, и уже́ по-настояще-

му. Тогда́ ста́ршие оконча́тельно реши́ли, что придёт- ся с ним расста́ться.

Они́ позва́ли торго́вца (поставщика́ зоологи́ческих садо́в) и, взяв с него́ сло́во, что он бу́дет хорошо́ обраща́ться с Ва́ськой и не отвезёт его́ в звери́нец, согласи́лись Ва́ську прода́ть.

Мы снача́ла не пове́рили, что Ва́ську ско́ро увезу́т. А пото́м по́дняли тако́й крик, что роди́тели прогна́ли нас в сад. Туда́ же, в сад, яви́лся к нам и хи́трый торго́вец. Он стал угоща́ть нас конфе́тами, приглаша́л нас в свой зоологи́ческий сад и говори́л, что о́чень-о́чень лю́бит звере́й.

Кро́ме того́, он проси́л, что́бы мы рассказа́ли ему́ про все Ва́ськины привы́чки и научи́ли его́, как на́до обраща́ться с тигрёнком.

Мы снача́ла не жела́ли да́же разгова́ривать с ним, но пото́м понемно́гу ста́ли его́ учи́ть, как корми́ть, как купа́ть и как уха́живать за Ва́ськой. И всё вре́мя мы подозри́тельно к нему́ пригля́дывались и бра́ли с него́ бесконе́чное число́ клятв, что он бу́дет его́ люби́ть.

— Да, впро́чем, о́чень ему́ нужна́ ва́ша любо́вь, — неве́жливо прибавля́ли мы тут же и уходи́ли, что́бы погорева́ть на просто́ре.

И вот наступи́л гру́стный день.

Осе́нним ве́чером, когда́ над го́лым са́дом без конца́ крича́ли ста́и га́лок, во двор со скри́пом въе́хала теле́га. На теле́ге была́ желе́зная кле́тка.

Оте́ц подшу́чивал над ма́терью, но у него́ у самого́ дрожа́ли ру́ки, когда́ он отвя́зывал Ва́ську. Ва́ська, испу́ганно прижима́ясь к его́ нога́м, взошёл с ним в кле́тку по доске́. А когда́ оте́ц вы́шел и Ва́ська оста́лся оди́н, он закрича́л и стал би́ться. Пото́м, жа́лобно мурлы́ча, просу́нул ла́пы ме́жду желе́зными пру́тьями и протяну́л их к отцу́. Все дома́шние стоя́ли вокру́г мо́лча, потрясённые Ва́ськиным отча́янием.

Весть о том, что Ва́ську уво́зят, дошла́ до нас. Поброса́в все игру́шки, мы вы́летели во двор, останови́ли

тро́нувшуюся бы́ло теле́гу и прижа́лись ли́цами к пру́тьям кле́тки.

— Ва́ська! Ми́лый Ва́ська! — тверди́ли мы дрожа́щими голоса́ми, а Ва́ська из кле́тки мурлы́кал и повторя́л: «уффф, уфф...»

У ма́тери на глаза́х бы́ли слёзы. А мы, как то́лько теле́га дви́нулась, схвати́ли свои́ пальти́шки и гурьбо́й, держа́сь за пру́тья кле́тки, отпра́вились провожа́ть Ва́ську на его́ но́вую кварти́ру. Там мы вози́лись до по́зднего ве́чера, помога́я устра́ивать огро́мную но́вую Ва́ськину кле́тку. Пото́м устро́или ему́ мя́гкую посте́ль из се́на, погла́дили его́ на проща́нье и сказа́ли:

— За́втра, чуть свет, мы опя́ть придём к тебе́, Ва́ська.

Мы уходи́ли, а в кле́тке, в пе́рвый раз остава́ясь без нас, тоскли́во реве́л и мета́лся тигрёнок.

На друго́й день с утра́ мы помча́лись к Ва́ське. Разбуди́ли сто́рожа, ночева́вшего в саду́ о́коло звере́й, и потре́бовали, что́бы нас впусти́ли.

— Мы пришли́ не для того́, что́бы смотре́ть ва́ших звере́й, — тверди́ли мы не пропуска́вшему нас сто́рожу, — а про́сто мы пришли́ к Ва́ське. Понима́ете? К на́шему ти́гру... Он наш, мы име́ем пра́во.

Мы наси́льно проле́зли ми́мо ошале́вшего перед таки́м напо́ром сто́рожа и так пры́тко пусти́лись по доро́жке, что он то́лько махну́л руко́й.

Нам каза́лось, что за одну́ э́ту ночь без нас с Ва́ськой непреме́нно что́-нибудь случи́лось. Вот в конце́ алле́и показа́лась кле́тка. Живо́й и здоро́вый тигрёнок при́стально гляде́л на доро́жку. Он услыха́л нас, когда́ мы спо́рили у воро́т, и вскочи́л, что́бы бежа́ть навстре́чу.

Со́ня подбежа́ла к нему́ са́мая пе́рвая и кри́кнула:

— Как порежива́ешь, Васю́тка?

Ва́ська смо́рщил в улы́бку усы́ и отве́тил: «уфф, уфф...»

Он протяну́л сквозь решётку ла́пу, и мы все по о́череди её потрясли́.

Пол в Ва́ськиной кле́тке мы вы́мыли и на́сухо вы́терли тря́пками, соло́му аккура́тно перетрясли́, а насчёт ми́ски сказа́ли, что́бы мы́ли её полу́чше и не́сколько раз в день, а то Ва́ська брезгли́вый, он не ста́нет лака́ть из нечи́стой посу́ды. И всё, что ему́ пото́м приноси́ли пое́сть, мы о́чень внима́тельно проверя́ли. До́ма мы подро́бно рассказа́ли о том, как живётся тигрёнку, и в пе́рвый же свобо́дный день оте́ц с ма́терью пошли́ к нему́ вме́сте с на́ми.

То́-то ра́дость была́ у Ва́ськи! Оте́ц сейча́с же откры́л кле́тку и отпусти́л Ва́ську бе́гать по огро́мному са́ду. Ва́ська пры́гал, валя́лся на траве́, а гла́вное, тёрся об но́ги отца́, лиза́л ему́ ру́ки, обнима́л его́ и буква́льно не своди́л с него́ глаз. И всё вре́мя у него́ под уса́ми как бу́дто шевели́лась улы́бка, так похо́же на коро́ткий смешо́к бы́ло его́ мурлы́канье: «мм-хмм, ахм-ммхм...»

Но вот все наигра́лись и нагости́лись, и наступи́ло вре́мя уходи́ть. Ва́ська споко́йно и дове́рчиво пошёл за отцо́м в кле́тку. Оте́ц бы́стро вы́скользнул из неё, и дверь захло́пнулась. Ва́ська примири́лся да́же и с э́тим. Он продолжа́л мурлы́кать, несмотря́ на то что его́ запира́ли в кле́тку, и тёрся голово́й о её пру́тья. Но всё э́то то́лько до тех пор, пока́ мы не на́чали дви́гаться к вы́ходу и не исче́зли в кали́тке.

Тогда́ Ва́ська бе́шено ки́нулся на сте́нки кле́тки и отча́янно закрича́л нам вслед, и э́то бы́ло о́чень гру́стно слы́шать...

. . . .

Но́вый Ва́ськин хозя́ин стара́лся по ме́ре сил окружи́ть ти́гра таки́м же внима́нием, каки́м он был окружён у нас, но он не люби́л живо́тных, а смотре́л на них то́лько как на дохо́дное де́ло. Прито́м же он о́чень боя́лся Ва́ськи.

На сча́стье, каза́х Исмаи́л, кото́рый жил пре́жде у нас и всегда́ люби́л и балова́л Ва́ську, согласи́лся перейти́ к Ва́ськиному но́вому хозя́ину специа́льно для

того́, что́бы уха́живать за тигрёнком. Это о́чень облегчи́ло Ва́ськину у́часть.

С Исма́йлом Ва́ська стал ме́ньше скуча́ть по до́му, и вообще́ жило́сь ему́ хорошо́. Корми́ли его́ пря́мо как на убо́й.

Понемно́гу все привы́кли, что Ва́ська живёт не до́ма, а за не́сколько кварта́лов. Начали́сь заня́тия в шко́ле, и мы приходи́ли к Ва́ське тепе́рь уже́ то́лько по воскресе́ньям. Ка́ждый раз, когда́ мы ви́дели Ва́ську, нам броса́лось в глаза́, как бы́стро он выраста́л. В тече́ние како́го-нибудь ме́сяца он стал огро́мным, могу́чим ти́гром.

Одна́жды к отцу́ прибежа́л хозя́ин Ва́ськи. Он был стра́шно расстро́ен и до́лго не мог рассказа́ть, что случи́лось. Из его́ отры́вочных восклица́ний оте́ц по́нял, что с Ва́ськой что́-то нела́дно. Он схвати́л ша́пку и бро́сился на по́мощь.

Прибежа́в к Ва́ськиной кле́тке, он уви́дел, что она́ откры́та на́стежь и никого́ в ней нет. В э́то вре́мя к нему́ подошёл Исма́йл и сказа́л, что Ва́ська лежи́т в ко́мнате.

Хозя́ин Ва́ськи, услыха́в э́то, помча́лся за ветерина́ром, а оте́ц пошёл к Ва́ське.

Он лежа́л, растяну́вшись на полу́ во весь свой огро́мный рост, и тяжело́ дыша́л. Он был без оше́йника. Оте́ц нагну́лся над ним, погла́дил его́ и позва́л. Но Ва́ська не отве́тил: он был в аго́нии. Помо́чь ему́ нельзя́ бы́ло уже́ ниче́м.

Прошло́ не́сколько мину́т. Ва́ська глубоко́ вздохну́л, и его́ не ста́ло.

Оте́ц, о́чень расстро́енный, стал расспра́шивать Исма́йла, как всё э́то случи́лось:

— Не уда́рил ли его́ кто́-нибудь? Или, мо́жет, отрави́ли како́й-нибудь га́достью?

— Нет-нет, э́то ведь с ним давно́ уже́ начало́сь. После́днее вре́мя он стал како́й-то ску́чный, со́нный. Не хоте́л бе́гать, не хоте́л игра́ть, а всё стара́лся поскоре́е лечь. Сего́дня у́тром, когда́ я зашёл к нему́ в

клéтку, он дáже не пóднял головы́. Я старáлся расшевели́ть егó, но услыхáл, что он óчень тяжелó ды́шит. Тогдá я послáл хозя́ина за вáми, а сам перенёс егó кое-кáк сюдá, в кóмнату. Дýмал — мóжет, здесь он хоть немнóжко оживи́тся. Эх, бедня́га Васю́к!

Отéц вмéсте с ветеринáром сдéлали вскры́тие, и оказáлось, что Вáська ýмер... от ожирéния сéрдца.

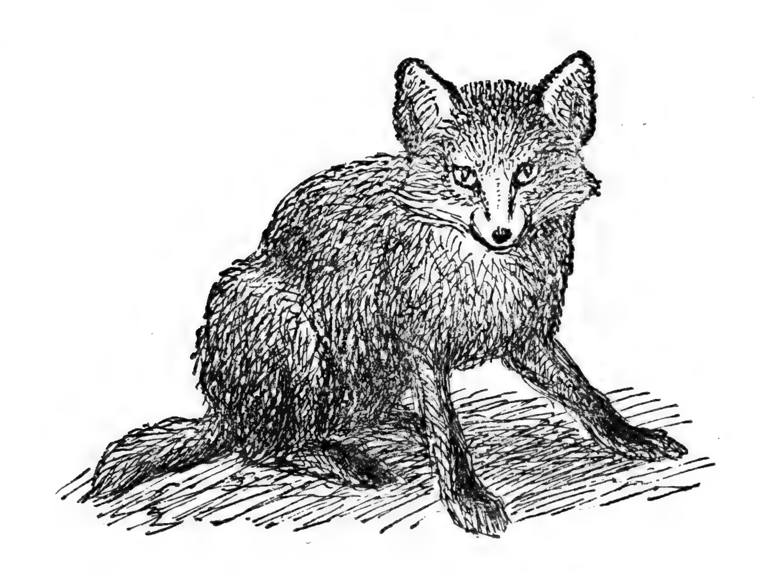
Егó погуби́ло то, что егó стáли корми́ть мя́сом и давáли всё бóльше жи́рное мя́со и вóду, а прéжде Вáська ел суп, молокó, я́йца, и мя́са емý давáли горáздо мéньше. И ещё оказáлось, что емý óчень мáло давáли бéгать.

Вернýвшись домóй, отéц не знал, как сказáть нам о Вáськиной смéрти.

Гóрько оплáкивали мы нáшего люби́мца и дáли обещáние, что никогдá мы о нём не забýдем и расскáжем про негó всем дéтям.

Это обещáние слы́шала опустéвшая Вáськина клéтка да подвернýвшийся Вáськин хозя́ин. Впрóчем, он услы́шал и ещё кое-чтó о «нéкоторых ли́чностях, котóрые ничегó не смы́слят в обращéнии со зверя́ми, а тóже тудá же лéзут».

ФРАНТИК

— Подожди́те, ребя́та, — сказа́ла Со́ня, загляну́в в гру́стные и серди́тые глаза́ лисёнка. — Чем надоеда́ть ему́ свои́ми разгово́рами, покорми́ли бы его́ лу́чше.

Лисёнок сиде́л, отверну́вшись, в углу́ за крова́тью; его́ блестя́щие глазёнки сверка́ли, как бу́дто на них навёртывались слёзы.

Он был совсе́м кро́шечный и, каза́лось, весь состоя́л из пуши́стого хво́стика да па́ры о́стреньких, торча́щих на маку́шке уше́й.

Не́сколько часо́в наза́д лесно́й объе́здчик Федо́т Ива́нович подъе́хал к крыльцу́ кордо́на и позва́л нас. Когда́ мы все прибежа́ли, он распусти́л шнуро́к у мешка́ и вы́нул из него́ ма́ленький дрожа́щий комо́чек.

Нам показа́лось, что э́то был се́рый котёнок.

— Возьми́ его́, Со́нюшка, — сказа́л Федо́т Ива́нович, — отнеси́ в ко́мнату и погляди́, что́бы его́ не испуга́ли: ви́дишь, он дрожи́т.

Со́ня понесла́ лисёнка в ко́мнату. Когда́ его́ поста́вили на́ пол, он, бы́стро перебира́я ла́пками, убежа́л в у́гол, за крова́ть, и заби́лся там как мо́жно пода́льше.

А мы, ви́дя, что он бои́тся, се́ли полукру́гом на полу́ и на́чали шёпотом разгова́ривать.

— Ка-а-ко́й краси́вый! — прошепта́ла Ната́ша, загляну́в за крова́ть.

Она́ попро́бовала да́же его́ погла́дить, но как то́лько протяну́ла ру́ку, лисёнок затопта́лся на ме́сте, заверте́лся и, вы́гнув угрожа́юще спи́ну, разрази́лся поте́шным отры́вистым ла́ем: «ках, ках, ках!» Он как бу́дто ка́шлял, и в го́рле у него́ что́-то клокота́ло: «н-нгрррр...»

— А что лиси́цы едя́т? — спроси́ла Ната́ша, заложи́в ру́ки за́ спину. — Наве́рно, петухо́в, я так ду́маю?

— Н-нда, — соли́дно отве́тила Со́ня. — Но мы не мо́жем заре́зать для него́ цыплёнка. Ты сама́ же подни́мешь вой, е́сли заре́зать твою́ Хохла́тку и́ли Бесхво́стика. И пото́м, он совсе́м ещё ма́ленький и до́лжен пить молоко́. Сбе́гай-ка в чула́н и нале́й в блю́дечко молока́.

Ната́ша заскака́ла на одно́й но́жке к чула́ну, а Со́ня взяла́ лисёнка на́ руки и усе́лась с ним на полу́.

— Ли́ска, ли́сонька, сла́вненький, хоро́шенький ты мой... — пригова́ривала она́.

А лисёнок топо́рщился и отта́лкивался от неё нога́ми.

Со́ня уложи́ла его́ на коле́ни и осторо́жно погла́живала у него́ за у́шком. Это, ви́дно, понра́вилось, и лисёнок переста́л топо́рщиться и ёрзать во все сто́роны.

Он исподло́бья взгляну́л Со́не в лицо́, вгляде́лся как сле́дует и, дове́рившись, прижа́лся к ней пуши́стой голо́вкой.

Когда́ Ната́ша верну́лась, он и не поду́мал убе-

жа́ть от неё в свой у́гол, а то́лько кре́пче заби́лся под Со́нин ло́коть.

Блю́дечко с молоко́м поста́вили на́ пол, и Со́ня придви́нула к нему́ мо́рдочку лисёнка. Он потяну́л но́сом, соскочи́л с коле́н и заверте́лся вокру́г блю́дца, смешно́ крича́: «ках, ках, ках!.. Н-гррр...»

Пото́м стал над блю́дечком, вы́гнул спи́ну и загороди́л его́ от всех. Он с трево́гой озира́лся на нас, как бу́дто опаса́лся, что мы мо́жем вы́лакать у него́ молоко́.

— Дава́й-ка отойдём в сто́рону, — предложи́ла я, — а то он волну́ется и не ест.

Все спря́тались — кто на крова́ть, кто на пе́чку. Около лисёнка оста́лась одна́ Со́ня.

Лисёнок ещё раз подозри́тельно покоси́лся на неё и на́чал лака́ть из блю́дечка. Язы́к у него́ был дли́нненький и о́стрый, с каки́м-то замыслова́тым крючко́м на ко́нчике. Лака́л он аккура́тно, как ко́шка, и торопли́во, как щено́к. Он, ве́рно, поря́дочно проголода́лся, потому́ что тепе́рь вся его́ ро́жица выража́ла блаже́нство, под уса́ми зашевели́лась улы́бка, глаза́ сла́дко сощу́рились, а ма́ленькие пере́дние ла́пки в тёмных чулка́х дрожа́ли от жа́дности.

Он был ро́стом с ма́ленькую ко́шку. Но́ги бы́ли дово́льно си́льные, но ту́ловище ма́ленькое, щу́пленькое и о́чень лёгкое. Ше́я то́же то́нкая-то́нкая и то́лько благодаря́ пуши́стой ше́рсти каза́лась дово́льно кру́глой. Голова́ больша́я, с о́стрым но́сом и торча́щими вверх уша́ми. Весёлые, кру́глые, как пу́говки, глазёнки и подвижно́й ко́нчик но́са, чёрный и мо́крый. Шку́рка серова́то-жёлтая, с чуть тёмными подпа́линами (тёмные ла́пки и ко́нчики уше́й); щёки, го́рло и живо́т бы́ли бе́лые.

Око́нчив есть, лисёнок вы́нул из блю́дечка кусо́к хле́ба, облиза́л с него́ молоко́, взял его́ в зу́бы и трусцо́й побежа́л к печу́рке, держа́ хвост на отлёте.

Он положи́л кусо́к на́ пол и внима́тельно обню́хал насы́панный во́зле печу́рки песо́к для чи́стки ноже́й.

Песо́к ему́ не понра́вился; он забра́л свой кусо́к и стал озабо́ченно путеше́ствовать по всем закоу́лкам.

— Что э́то он разы́скивает?

Мы све́сили го́ловы и с интере́сом следи́ли за лисёнком. Обойдя́ все углы́, он возврати́лся обра́тно к печу́рке и, с ко́ркой в зуба́х, пере́дними ла́пками стал бы́стро-бы́стро разрыва́ть песо́к. Вы́рыв я́мку, он положи́л в неё ко́рку и аккура́тно примя́л её но́сом. И пото́м но́сом же приня́лся сгреба́ть весь песо́к и стара́тельно его́ утрамбо́вывать, пока́ не засы́пал своё сокро́вище. Сде́лав э́то, он вдруг поверну́лся и нага́дил све́рху на то ме́сто, где он зары́л еду́.

— Ну, уж так нельзя́! — гро́мко сказа́ла Со́ня.

Лисёнок вздро́гнул от неожи́данности, огляну́лся, заверте́л хвосто́м и что́-то залопота́л. Он, ве́рно, хоте́л объясни́ть, что у них, у лиси́ц, э́то так же при́нято де́лать, как у люде́й... ну, ска́жем, запира́ть еду́ в шка́ф.

Мы хоть и не совсе́м по́няли его́ объясне́ние, но всё-таки сказа́ли:

— Ага́! Ну ла́дно.

В э́то вре́мя послы́шались ма́мины шаги́. Мы на́скоро убра́ли за лисёнком, и она́ не узна́ла, что он уже́ успе́л провини́ться.

К у́жину лисёнок обню́хал и изучи́л все предме́ты, находи́вшиеся в ко́мнатах, и вы́спался на подсти́лке в своём уголке́.

Пока́ он спал, Ната́ша сиде́ла на сундуке́ у две́ри и с кну́тиком в руке́ охраня́ла его́ поко́й. А тепе́рь она́ держа́ла лисёнка на коле́нях, выла́вливала из таре́лки кусо́чки варёного мя́са и угоща́ла его́.

— Пусти́-ка его́ на́ пол, — сказа́л оте́ц, заме́тив её проде́лки. — Аво́сь он и без тебя́ с го́лоду не подо́хнет. Ешь сама́ как сле́дует!

За ча́ем ма́ма доста́ла из са́харницы кусо́к са́хару и протяну́ла его́ лисёнку. Лисёнок совсе́м повеселе́л. Он разгры́з са́хар на мно́го ма́леньких кусо́чков и пото́м не торопя́сь брал по одному́ кусо́чку и с наслажде́нием ел.

— Как его́ бу́дут звать, дя́дя Федо́т? — спроси́ли мы, окружи́в своего́ люби́мца-объе́здчика. — Вы привезли́ его́ — зна́чит, вам и называ́ть.

— Это вещь серьёзная, — шутли́во отозва́лся Федо́т Ива́нович. — Его́ ведь не про́сто на́до назва́ть, а ка́к-нибудь поинтере́снее. Вот что: у знако́мого есть одна́ соба́ка, о́стренькая така́я, бе́ленькая, и зову́т её Джип. Дава́йте и на́шего фра́нта назовём Джип, а?

— Ну-уу... заче́м Джип? Что э́то ещё за Джип? — запротестова́ла Ната́ша. — Лу́чше пуска́й он бу́дет Франт, ла́дно?

— Франт... Фра́нтик... Гм-м, а ведь и в са́мом де́ле подходя́ще, — согласи́лись остальны́е. — Ну хорошо́, быть ему́ Фра́нтом.

А Франт тем вре́менем, обходя́ ко́мнату, вдруг сде́лал интере́сное откры́тие: под ла́вкой о́коло пе́чки он наткну́лся на корзи́нку с я́йцами. Он подня́лся на за́дние ла́пки и загляну́л в корзи́ну. Ого́, ско́лько их там! Его́ немно́го озада́чило: что мо́жет он, ма́ленький лисёнок, сде́лать с тако́й ма́ссой яиц? Но пото́м он, должно́ быть, реши́л потруди́ться, наско́лько хва́тит его́ сла́бых сил.

Не теря́я да́ром вре́мени, он доста́л из корзи́ны яйцо́ и унёс его́ в другу́ю ко́мнату. Пры́гнул там на ни́зенькую крова́ть, разры́л ла́пками одея́ло, затолка́л яйцо́ под поду́шку, примя́л её и отпра́вился за други́м яйцо́м.

С э́тим он до́лго суети́лся по ко́мнате, пока́, наконе́ц, не останови́лся на во́йлочной ту́фле. Обню́хав её, он аккура́тно засу́нул яйцо́ пода́льше, в са́мый носо́к, и побежа́л за сле́дующим.

Тут Федо́т Ива́нович огляну́лся и уви́дел у него́ в зуба́х яйцо́.

— Эге́, Фра́нтик, уж бо́льно ты поворо́тливый! — воскли́кнул он и переста́вил корзи́ну повы́ше, на скамью́.

По́йманный враспло́х Фра́нтик попро́бовал бы́ло укры́ться за сунду́к. Но когда́ туда́ загляну́ла Со́ня, он

решил, что всё равно яйцо спрятать не удастся, прокусил в скорлупке дырочку, выпил его и облизал язычком губы.

Правда, и без этого он был вполне сыт, но не бросать же яйцо зря?

Франт совсем перестал дичиться, и мордочка у него стала весёлая и необыкновенно забавная. Глазёнки задорно блестели, а от сытного ужина брюшко надулось, как резиновый мяч.

Он свернулся клубочком на Сониных коленях и внимательно следил за бабочками и жучками, кружившими около лампы.

Поздно вечером, перед тем как идти спать, Франтика устроили на ночь в маленьком пустом чуланчике.

Приготовляя постели, мама нашла у Наташи под подушкой спрятанное Франтом яйцо.

— Ай да Наташа! — рассмеялась она. — Посмотрите-ка, яичко снесла.

Все засмеялись, а Наташа сконфузилась, начала оправдываться и заплакала. Тогда её перестали поддразнивать и сказали, что это сделал Франтик.

— Ну, вот видишь, мама, — с упрёком сказала она, — а ты на меня...

Всех так рассмешил этот случай, что на Франтика совсем забыли рассердиться. Но зато, когда отцу пришлось ночью надеть свои войлочные туфли, он очень на него рассердился: яйцо раздавилось и вымазало ногу и всю туфлю, и отец в сердцах обругал Франтика безобразным творением.

Первое время Франт жил в комнатах. Когда все уходили в сад или во двор — а это случалось очень часто, — лисёнку становилось скучно, и он робко пытался выйти на крыльцо.

С людьми он уже вполне освоился, и его смущали только собаки и козлёнок, которые частенько заглядывали в открытые двери комнат.

Как-то утром Франтик всё-таки пробрался на тер-

ра́су и сверну́лся кала́чиком на полу́, на я́рком со́лнечном пятне́.

Вдруг по ступе́нькам загреме́ли копы́та, и на вера́нду взбежа́л бало́ванный козлёнок Степа́н.

Франт в у́жасе вскочи́л и собира́лся удра́ть в ко́мнату, но Стёпка загороди́л ему́ доро́гу. Что тут де́лать? У Фра́нтика все поджи́лки затрясли́сь от стра́ха.

Он пло́тно прилёг брю́хом к по́лу и не своди́л при́стального взгля́да с козлёнка. Степа́н то́же огляде́л Фра́нта, фы́ркнул и вдруг ри́нулся на него́, нагну́в ро́жки.

Хоть и не о́чень опа́сный зверь — шестинеде́льный козлёнок, но Франт перепуга́лся отча́янно. Вы́брав моме́нт, он, как мышо́нок, шмыгну́л ми́мо Стёпки в ко́мнату и заби́лся под крова́ть.

Степа́н запры́гал вслед за Фра́нтом и су́нул го́лову под све́сившийся край покрыва́ла.

Нет, уж тут, под крова́тью-то, Франт чу́вствовал себя́ до́ма, в свое́й со́бственной норе́. Это не то что на терра́се! Он вы́сунулся из-под покрыва́ла и пронзи́тельно затя́вкал: «ках! ках! ках!.. н-ннгррр...»

Степа́н растеря́лся, попя́тился. Как то́лько он сде́лал шаг наза́д, Фра́нтик осмеле́л и дви́нулся на него́, не перестава́я крича́ть. Он по́днял к нему́ мо́рдочку и серди́то прижа́л у́ши к заты́лку. Тепе́рь уже́ забия́ка Степа́н очути́лся в крити́ческом положе́нии.

В э́то вре́мя мы услыха́ли лай Фра́нта и прибежа́ли на по́мощь.

Стёпка сообрази́л, что совсе́м э́то не козля́чье де́ло — трави́ть лися́т, вскочи́л на око́шко, шаловли́во кивну́л голово́й вбежа́вшей Со́не и вы́прыгнул в сад.

А Фра́нтик, ла́сково виля́я хво́стиком, побежа́л к нам.

— Бедня́га, испуга́лся как! Посмотри́те, как у него́ се́рдце бьётся...

Фра́нта погла́дили и да́ли ему́ в утеше́ние кусо́к са́хару.

По́сле э́того слу́чая он до́лго не реша́лся вы́сунуть нос из ко́мнаты и смотре́л на нас из око́шка.

Как то́лько мы начина́ли игра́ть в лапту́, Франт уса́живался на своём подоко́ннике и внима́тельно следи́л за все́ми, си́дя по-коша́чьи, грацио́зно забро́сив пуши́стый хвост вокру́г пере́дних ла́пок.

Фра́нтик всё бо́льше и бо́льше привя́зывался к свои́м хозя́евам и станови́лся совсе́м ручны́м. Ел он реши́тельно всё: молоко́, хлеб, я́йца, са́хар, варёные о́вощи, фру́кты, варе́нье и траву́.

У него́ был стра́нный вкус: так, наприме́р, попро́бовав варе́нья, он выка́пывал отку́да-нибудь из свои́х запа́сов кусо́к варёной требухи́ и с удово́льствием заку́сывал е́ю.

Ел он пома́лу, но ча́сто. Оста́тки еды́ никогда́ не броса́л, а зака́пывал где́-нибудь и припеча́тывал таки́м о́бразом, как он э́то сде́лал пе́рвый раз с ко́ркой хле́ба.

Нельзя́ сказа́ть, что́бы э́та его́ привы́чка доставля́ла нам большо́е удово́льствие: в са́мых неподходя́щих места́х находи́лись куски́ припря́танного мя́са, ко́сточки, огры́зки са́хару, и в ко́мнате, где жил Франт, несмотря́ на откры́тые днём и но́чью о́кна, установи́лся како́й-то о́стрый, осо́бенный за́пах лиси́цы. Соба́ки, заходя́ в ко́мнаты, подозри́тельно верте́линоса́ми и де́лали сто́йку на Фра́нта. А Франт с гро́мким ка́шлем-ла́ем спаса́лся куда́-нибудь повы́ше.

Пото́м соба́ки привы́кли к Фра́нту и переста́ли его́ обижа́ть. Но никогда́ они́ с ним си́льно не сдружа́лись.

Франт то́же никогда́ не де́лал попы́ток сбли́зиться с ке́м-либо из соба́к и́ли ко́шек, и они́ как бы не замеча́ли друг дру́га. А когда́ замеча́ли, э́то всегда́ бы́ло невы́годно для Фра́нта.

Вероя́тно, всё объясня́лось тем, что охо́тничьи соба́ки ника́к не могли́ поня́ть, почему́ э́та «дичь» не пря́чется от них, не убега́ет, а, наоборо́т, так свобо́дно ве́ртится у них под но́сом.

— Фу, какое безобразие! — рассердилась мама, вытаскивая из моей шляпы кусок заплесневелого сыра, запрятанного туда Франтом. — Этот негодный лисёнок разведёт нам уйму мышей!

— Нет, мама, ты так не говори, — заступилась за Франта Соня. — Он, правда, может быть, и разводит их немножко, но зато сам же их и ловит.

Это было действительно так, и мама не нашла, что ответить.

Франт очень любил ловить мышей. Бывало, он часами расхаживал по комнате, то и дело останавливаясь и нюхая щели в полу.

Он плотно прижимал нос к щёлке, озабоченно фыркал и крутил головой. Или так: идёт тихонько по комнате, вдруг насторожит уши, смотрит, смотрит в одну точку на полу, да как подскочит всеми четырьмя лапками! Значит, в этот момент под полом пробегала мышь.

Однажды Франту удалось поймать мышонка. То-то он был счастлив и горд!

Он долго, как кошка, носил его в зубах и играл с ним, подкидывая его лапой. Но кончилось это удовольствие большим огорчением для Франта. В самый разгар игры, когда Франтик, оставив полуживую мышь посреди комнаты, отбежал в сторону и, прижавшись к полу, следил за ней горящими глазами, откуда-то со шкафа спрыгнула кошка, схватила мышь в зубы — и была такова.

Франт заметался по комнате, но ничего не мог поделать.

— Вот видишь, Франтик, — назидательно заметила Наташа: — зачем не съел её сразу? Помучить хотел? Ну, а теперь мучайся сам.

Прошло около месяца. Несмотря на ловлю мышей и милый, неунывающий характер, Франтик, живя в комнате, причинял так много неприятностей, что его решили переселить во двор. Однажды утром мама за-

кры́ла дверь в ко́мнату и, распахну́в чула́нчик, пригласи́ла Фра́нтика вы́йти во двор. Он вы́шел на крыльцо́, а сойти́ вниз, на зе́млю, ни за что не хоте́л и выжида́тельно погля́дывал на закры́тую дверь.

— Иди́ же, иди́, труси́шка!

Со́ня сняла́ его́ с крыльца́ и поста́вила на зе́млю.

Франт растеря́лся. Он убежа́л под крыльцо́ и реши́л там спаса́ться.

На беду́, в э́то вре́мя оди́н наш пету́х разыска́л во́зле крыльца́ каки́е-то зёрна. Он забо́тливо стал разрыва́ть нога́ми песо́к и шу́мно заора́л, сзыва́я кур. Тут уж Фра́нтик забы́л все свои́ стра́хи, сде́лал прыжо́к, схвати́л в зу́бы петуха́, задуши́л его́ и торопли́во потащи́л в у́гол двора́. Ворова́то огля́дываясь по сторона́м, он вы́рыл я́мку, затолка́л в неё добы́чу и кое-ка́к засы́пал све́рху наво́зом.

Франт вообража́л, что пету́х спря́тан о́чень хорошо́, но на са́мом де́ле он весь был ви́ден из-под то́нкого сло́я земли́, и но́ги у него́ беспо́мощно торча́ли вверх.

Ната́ша подмета́ла двор и наткну́лась на э́ти но́ги. Она́ вы́тащила несча́стную же́ртву. Оказа́лось, что э́то был её люби́мец — Бесхво́стик.

— Ах ты, дрянь! — го́рестно воскли́кнула Ната́ша, положи́в перед но́сом у Фра́нта петуха́. — Ведь ты совсе́м не хоте́л есть и всё-таки задуши́л Бесхво́стика!

— Это он что́бы тебе́ досади́ть, — подшути́л оте́ц и серьёзно приба́вил: — Придётся, ви́дно, посади́ть э́того разбо́йника на цепь.

Мы ра́ньше вся́чески защища́ли Фра́нтика, а тепе́рь молча́ли.

И в тот же день его́ посади́ли на цепо́чку.

За у́гол коню́шни, под са́мой кры́шей, зацепи́ли оди́н коне́ц то́лстой про́волоки, протяну́ли её через весь двор и друго́й коне́ц прикрепи́ли к сто́лбику терра́сы.

На э́ту про́волоку наде́ли блок, к кото́рому была́ пристёгнута дли́нная лёгкая цепо́чка. Блок с цепо́чкой свобо́дно скользи́л по про́волоке, и таки́м о́бразом

Франт не терпе́л почти́ никако́й нево́ли. Он мог сво-бо́дно бе́гать по́ двору из одного́ конца́ в друго́й.

В пе́рвые дни Франт избега́л до́лго остава́ться на земле́: боя́лся соба́к.

Около коню́шни была́ сло́жена поле́нница дров, и Франт устро́ил там свою́ кварти́ру. Здесь он спал, сверну́вшись клубо́чком, пря́тал ме́жду дрова́ми еду́ и, си́дя и́ли лёжа на са́мом высо́ком конце́ поле́нницы, наблюда́л за людьми́ и живо́тными, кото́рые суети́-лись во дворе́.

Франт вообще́ люби́л забира́ться повы́ше. Ча́сто, когда́ на терра́се пи́ли чай и́ли обе́дали, ему́ крича́ли:

— Франт! Фра́нтик!..

Он мча́лся к крыльцу́, ло́вко, как акроба́т, влеза́л по усту́пам терра́сы на пери́ла и всегда́ получа́л в на-гра́ду что́-нибудь вку́сное.

Одна́жды Ната́ша вы́шла во двор подели́ться с Фра́нтом полу́ченной то́лько что конфе́той. Смо́трит, а Фра́нта нет. Что тако́е? Куда́ он дева́лся?

На про́волоке не ви́дно ни бло́ка, ни цепо́чки.

— Франт пропа́л! Иди́те скоре́й!

Все сейча́с же сбежа́лись. В са́мом де́ле, ка́к э́то могло́ случи́ться, что про́волока цела́, а бло́ка с цепо́ч-кой нет? Оте́ц стал осма́тривать про́волоку, просле-ди́л её до кры́ши коню́шни и ви́дит: в са́мом углу́ блок, и под кры́шей вдоль стены́ тя́нется цепо́чка.

— Здесь он, нашёлся! — кри́кнул оте́ц. — То́лько куда́ же он мог взобра́ться? — И оте́ц с удивле́нием повёл глаза́ми по цепо́чке.

Она́ шла на черда́к коню́шни, где был устро́ен се-нова́л. Внизу́ к сенова́лу была́ приста́влена ле́стница. Оте́ц поле́з и загляну́л в дверь сенова́ла.

— Здра́вствуйте! Вот он и сиди́т... Ах ты, чу́че-ло! — расхохота́лся оте́ц. — Нет, погляди́те то́лько, как он ва́жно рассе́лся!

Франт с умори́тельно ва́жным ви́дом сиде́л напро́-тив вхо́да высоко́ на се́не и любова́лся отту́да окре́ст-ностями кордо́на.

Уви́дев го́лову и пле́чи отца́, Франт улыбну́лся, вильну́л хвосто́м, спры́гнул с се́на и поле́з к нему́ на плечо́. Оте́ц спусти́лся с ним на зе́млю и коми́чно предста́вил его́ пу́блике:

— Рекоменду́ю: ю́ный натурали́ст и люби́тель приро́ды!

Франт сконфу́зился и убежа́л на свои́ дрова́.

На сенова́ле, вдоль сте́нки, у нас стоя́ло пять ни́зких фане́рных я́щиков. В них бы́ли устро́ены гнёзда, и там ле́том несли́сь ку́ры. Ка́ждый день, часо́в в двена́дцать, мы с Ната́шей ла́зили туда́ и собира́ли я́йца.

Ку́ры почти́ все несли́сь. В несу́шках всегда́ находи́лось по три́—четы́ре яйца́ в ка́ждой. Ма́ма сказа́ла: как наберём две со́тни, так она́ сде́лает нам пода́рок — мне кни́жку, а Ната́ше ку́клу.

У нас была́ уже́ со́тня с ли́шком, когда́ ку́ры вдруг ста́ли нести́сь день ото дня́ всё ху́же и ху́же. В несу́шках мы на́чали находи́ть по три́, по два́, по одному́ яйцу́, а пото́м и во́все ничего́.

Что случи́лось с ку́рами? Пло́хо ко́рмят их, что́ ли? Попро́бовали лу́чше корми́ть — никако́го то́лку. Мо́жет, наоборо́т, они́ чересчу́р разжире́ли? От э́того ино́й раз то́же ку́ры броса́ют нести́сь. Ста́ли корми́ть ме́ньше — опя́ть ничего́ не вы́шло.

Мы с Ната́шей совсе́м забро́сили на́ши и́гры, всех други́х живо́тных и звере́й. Ка́ждую ку́рицу мы чуть не на рука́х носи́ли, а до двух со́тен ещё бы́ло далеко́, как до звёзд.

Ка́к-то ра́но у́тром мы услы́шали на сенова́ле беспоко́йное куда́хтанье.

Ната́ша схвати́ла меня́ за́ руку и, хотя́ мы бы́ли от сенова́ла шаго́в за́ сто, шёпотом сказа́ла:

— Снесла́сь. Это моя́ Пестру́шка.

— Нет, ры́женькая. Ты что, ра́зве по го́лосу не слы́шишь!

— Вот я и говорю́: по го́лосу — Пестру́шка.

— Дава́й посмо́трим.

Мы поле́зли на сенова́л и, что́бы не спугну́ть ку́ри-

цу, до́лго кра́лись, зата́ив дыха́ние, к несу́шкам. Наконе́ц Ната́ша одни́ми губа́ми шепну́ла:

— Сиди́т.

— Ры́женькая? — спроси́ла я.

— Не зна́ю, тут пло́хо ви́дно.

Она́ с больши́м трудо́м, на животе́, подползла́ ещё немно́го.

— Ка́жется, Пестру́шка... Нет, рыж...

Вдруг она́ вста́ла во весь рост и сказа́ла со зло́бой:

— Ах ты него́дный! Дрянь ты э́такая! Я вот тебе́...

Зазвене́ла цепо́чка. Я уви́дела, как из несу́шки вы́скочил и прошмыгну́л ми́мо нас Фра́нтик.

Так вот отчего́ мы переста́ли находи́ть я́йца! Ока́зывается, ми́лый Фра́нтик собира́л их за нас.

Но неуже́ли же он все э́ти пропа́вшие я́йца съел? Мо́жет, припря́тал их где́-нибудь? На вся́кий слу́чай мы ста́ли иска́ть. И о́чень ско́ро я наткну́лась на ку́чу яи́ц. В ней бы́ло трина́дцать штук. Это храни́лище бы́ло дово́льно хорошо́ прикры́то се́ном. Не пойма́й мы Фра́нта на ме́сте преступле́ния, я́йца, коне́чно, пропа́ли бы: их сбро́сили бы вниз с се́ном и́ли раздави́ли.

Немно́жко пода́льше нашла́сь втора́я ку́ча, а ещё да́льше, в углу́, — тре́тья. Всего́ нашло́сь два́дцать яи́ц. Ничего́ себе́, неплохо́й запа́сец для одного́ ма́ленького лисёнка!

В тот же день ве́чером над Фра́нтиком был суд. Реши́ли укороти́ть цепо́чку так, что́бы он мог влеза́ть то́лько на поле́нницу и на вера́нду.

Но, да́же си́дя на тако́й коро́ткой це́пи, Франт умудря́лся наноси́ть большо́й уще́рб кури́ному хозя́йству.

Проде́лывал он э́то необыкнове́нно хитро́.

Быва́ло, принесу́т ему́ ка́шу — он возьмёт рассы́плет её но́сом о́коло ча́шки, отойдёт в сто́рону, растя́нется на боку́ и закро́ет глаза́: уста́л, де́скать, до́ смерти.

Пету́х уви́дит рассы́панную ка́шу, подбежи́т к ча́шке и удивля́ется: «ого́-о-о-о!»

Франт спит изо всех сил, и слы́шно да́же, как он похра́пывает. Тогда́ пету́х приглаша́ет кур. Сбега́ется суетли́вая ста́я, и начина́ется делёж.

Франт открыва́ет оди́н глаз... Прыг! — и ку́рица бьётся у него́ в зуба́х, а вся ста́я с шу́мом разлета́ется прочь.

Франт прекра́сно понима́л, что ку́рицу на́до поскоре́е пря́тать. Зарыва́ть бы́ло до́лго, да и соба́ки не дава́ли, и потому́ он тащи́л её на поле́нницу и спуска́л в свою́ кладову́ю, ме́жду ряда́ми дров.

Сбро́сить ку́рицу вниз Фра́нту бы́ло легко́, а вот доста́ть её отту́да он уже́ ника́к не мог, так как щель ме́жду дрова́ми была́ у́зкая и глубо́кая. Но э́то ничу́ть не огорча́ло ры́жего разбо́йника: он был всегда́ сыт и лови́л кур не для еды́, а про́сто из озорства́.

Дни стоя́ли жа́ркие, и ско́ро Фра́нтовы запа́сы ста́ли уду́шливо па́хнуть.

— Что э́то за арома́ты? — удивля́лся оте́ц, мо́рща нос. — Дыша́ть не́чем, про́сто невозмо́жно по́ двору пройти́. По-мо́ему, у Фра́нта завёлся како́й-то «буке́т мое́й ба́бушки».

И вот одна́жды Со́ня взгляну́ла за дрова́ и обнару́жила там склад кури́ных тру́пов.

Нет, э́то бы́ло уж сли́шком!

Фра́нта си́льно отхлеста́ли пру́тиком, разложи́в кури́ные оста́нки перед его́ но́сом.

— Как тебе́ то́лько не сты́дно смотре́ть мне в глаза́?! — крича́ла на него́ разъяри́вшаяся Ната́ша.

А Франт, забира́ясь с оби́женным ви́дом на поле́нницу, зло́бно озира́лся и вопи́л: «ках! ках! н-нгррррр...»

Тако́го подвижно́го и ю́ркого зве́ря, как Фра́нтик, у нас ещё не́ было. Он положи́тельно мину́ты не мог вы́сидеть споко́йно. Если он не спал и не́ был за́нят обду́мыванием како́й-нибудь проде́лки, то непреме́нно суети́лся, бе́гал от крыльца́ к сенова́лу и́ли кара́бкался на кирпичи́ у крыльца́, на пери́ла.

Франт не на шу́тку увлека́лся свои́ми скла́дами, хотя́ э́то накопле́ние доставля́ло ему́ мно́го неприя́тностей и волне́ний.

Соба́ки ско́ро приспосо́бились к привы́чке Фра́нта пря́тать еду́, и в то вре́мя как он всё бо́лее ухищря́лся в припря́тывании запа́сов, они́ научáлись всё лу́чше их оты́скивать.

И в э́том они́ оказа́лись гора́здо сообрази́тельнее лиси́цы.

Франт почему́-то счита́л, что пря́тать мо́жно то́лько и́ли спуска́я еду́ за дрова́, и́ли зака́пывая за ко-ню́шней в наво́зной ку́че. Все други́е места́ он счита́л неподходя́щими.

Для того́ что́бы соба́ки не тро́гали припря́танного, он пропи́тывал его́ свои́м о́стрым за́пахом. Но э́та уло́вка не помога́ла: соба́ки то́лько быстре́е находи́ли

аромáтные кладовы́е Фрáнтика. Они́ скóро привы́кли к егó зáпаху и перестáли считáть егó проти́вным.

Франт был легкомы́сленный мáлый, а корми́ли егó всегдá дóсыта, и потомý о полови́не спря́танной пи́щи он тóтчас же забывáл. Но однó — два мéста он обы́чно пóмнил и óчень огорчáлся, éсли, дóлго пыхтя́, отодвигáл нóсом тяжёлое полéно и под ним вдруг не окáзывалось огры́зка колбасы́ и́ли требухи́.

Злой и возмущённый Франт труси́л к крыльцý, волочá хвост мéжду зáдними ногáми, забирáлся на пери́ла и дóлго ворчáл, прижáв к заты́лку ýши: «нн-гррррр...» И прищёлкивал языкóм: утащи́ли, мол, обижáют меня́, бéдного.

Франт не отличáлся чистоплóтностью. Валя́лся чáсто в пыли́ и на мýсоре, и в шкýрке у негó запýтывались бумáжки, стрýжки, разноцвéтные лоскуты́ — слóвом, он так «разукрáшивался», что мы назывáли егó ёлкой.

— Посмотри́те-ка: Франт опя́ть ёлка.

Все попы́тки Сóни причесáть и приглáдить э́того неря́ху ни к чемý не приводи́ли. Тóлько, бывáло, онá повытáскивает у негó из шéрсти все верёвочки и лоскýтики и причéшет егó, а он, гляди́шь, через час вы́катался в пыли́, слáзил на сеновáл и нацепи́л там репьёв на хвост, поигрáл на мýсорной кýче и опя́ть разукрáсился ещё лýчше прéжнего.

Игрáл Франт всегдá оди́н и́ли с Натáшей. Они́ бéгали друг за дрýжкой, пры́гали и пря́тались. Франт забежи́т за бревнó, нагнёт пони́же гóлову и выгля́дывает. Хотя́ при э́том весь он был ви́ден, емý всё-таки, навéрно, казáлось, что он замечáтельно спря́тался.

Франт óчень люби́л всё слáдкое. Мы, не слýшаясь мáмы, постоя́нно таскáли для негó сáхар. Чтóбы быть неви́нными, éсли онá спрóсит, откýда у Фрáнта сáхар, мы вы́дрессировали егó так, что он сам станови́лся на зáдние лáпки, засóвывал мóрдочку в кармáн и доставáл оттýда угощéние.

Сýнем, бывáло, кусóк сáхару в кармáн и мéдленно

идём через двор. Франт, сообрази́в, в чём де́ло, мömента́льно подбега́ет, достаёт са́хар и удира́ет во все лопа́тки.

— Как вы сме́ли дава́ть опя́ть Фра́нтику са́хар?— кричи́т на ослу́шников ма́ма.

— Да никто́ ему́ не дава́л ничего́, он сам вы́тащил из карма́на. Я взяла́ для себя́, мне само́й оби́дно.

Что тут прика́жешь де́лать? Са́хар из са́харницы пропада́ет, а винова́тых нет.

Франт так привы́к ша́рить у нас по карма́нам, что никого́ не пропуска́л без о́быска.

Ка́к-то раз он сиде́л на свои́х дрова́х и скуча́л. Вдруг у кали́тки загреме́ло кольцо́, и во дворе́ появи́лось дво́е люде́й: же́нщина в кисе́йном пла́тьице и мужчи́на в брезе́нтовом плаще́ с огро́мными карма́нами.

Фра́нтик сейча́с же переста́л зева́ть и делови́то спусти́лся с поле́нницы. Позвя́кивая цепо́чкой и не сводя́ глаз с брезе́нтовых карма́нов, он побежа́л к посети́телям.

— Смотри́те, смотри́те, Ви́ктор Васи́льевич! — закрича́ла же́нщина, отступа́я к кали́тке. — Вце́пится в но́гу, так бу́дете знать.

— Жу́чка, Барбо́сик, ты нас не уку́сишь? — хра́бро спроси́л Фра́нтика мужчи́на.

Нет, «Барбо́сик» не собира́лся куса́ть. Ему́ то́лько хоте́лось загляну́ть в карма́ны. Не мо́жет быть, что́бы в таки́х больши́х карма́нах не оказа́лось никако́й пожи́вы.

— Ну что он так смо́трит?.. Да э́то и не соба́ка, по-мо́ему. Осторо́жней, Ви́ктор Васи́льевич, э́то, наве́рно, како́й-нибудь зверь.

Ле́том Фра́нтик си́льно линя́л. Моча́листая шерсть лохмо́тьями сбива́лась на его́ бока́х. Хвост станови́лся общи́панным и то́нким, как па́лка. И весь он был, как крючо́к, со́гнутый и поджа́рый. Гля́дя на тако́го уро́да, лю́ди ника́к не могли́ реши́ть: стра́шный он зверь и́ли не стра́шный?

Впро́чем, Франт жи́во сам реши́л все вопро́сы. Как то́лько гость отверну́лся на мину́тку к же́нщине, Франт подскочи́л и су́нул го́лову в его́ карма́н. Ну, так и есть! Там лежа́л ледене́ц. Франт бро́сился с ним на крыльцо́, сел на ве́рхней ступе́ньке и стал грызть, пригова́ривая то́нким голоско́м: «ках, ках, н-нннгрррр...»

Тут то́лько гость сообрази́л, что э́то стра́нное существо́ его́ огра́било, и захохота́л:

— Вот жу́лик! А я поня́ть не могу́: что ему́ от меня́ на́до?

— Как он набро́сился! Я ду́мала, он вам полбо́ка отку́сит, а ему́... ледене́ц... Ха-ха-ха!..

— Вот так вори́шка!

— И хи́трый како́й, сообрази́л ведь...

Оте́ц вы́бежал на крыльцо́ и ничего́ не мог поня́ть. Го́сти хохота́ли, а Франт глода́л что́-то и урча́л.

Оте́ц догада́лся:

— Это всё ребяти́шки мои́ балу́ются. Научи́ли лисёнка вся́ким фо́кусам. Вы уж не обижа́йтесь, пожа́луйста. Ведь э́кая бестолко́вая тварь! Ле́зет, не разбира́я, ко всем в карма́ны...

А го́сти и не ду́мали обижа́ться: они́, наоборо́т, восхища́лись лисёнком.

Оте́ц рассказа́л им и про други́е проде́лки Фра́нтика, и го́сти не перестава́ли ему́ удивля́ться. Через че́тверть часа́ нам каза́лось, что э́тих сла́вных люде́й мы зна́ем уже́ мно́го лет. Это бы́ли дво́е молоды́х учителе́й из лесно́й шко́лы-коло́нии.

Ма́ма предложи́ла им вы́пить чайку́. Мы с Со́ней ми́гом поста́вили самова́р. Юля притащи́ла на вера́нду ча́шки и сту́лья.

Го́сти ста́ли пить чай, не перестава́я хвали́ть Фра́нтика:

— Ну кака́я же пре́лесть! А давно́ он у вас? Хлопо́т всё-таки от него́ в хозя́йстве поря́дочно. Зна́ете что: отда́йте его́ нам в шко́лу. Он у нас бу́дет как сыр в ма́сле ката́ться. А мы вам за него́ поро́дистого охо́тничьего щенка́ пода́рим. Хорошо́?

Оте́ц заколеба́лся. Но не ту́т-то бы́ло: Ната́ша сиде́ла на ступе́ньках и слы́шала всё.

— Фра́нтик, во-пе́рвых, мой, — сказа́ла она́ сварли́вым ба́сом. — Когда́ я разби́ла нос, ма́ма сказа́ла, что Фра́нтик бу́дет мой. А я не жела́ю, что́бы его́ отдава́ли за како́го-то парши́вого щенка́.

Учителя́ улыбну́лись её взъеро́шенному, боево́му ви́ду.

— Мо́жете им подави́ться, свои́м щенко́м! — вои́нственно приба́вила Ната́ша.

— Ната́лья! Ступа́й вон отсю́да! Совсе́м одича́ла девчо́нка. Сла́ду с ней нет. Не лу́чше своего́ Фра́нта.

Ната́ша го́рдо спусти́лась с крыльца́, взяла́ Фра́нта, зале́зла с ним на сенова́л и тут то́лько, вытира́я упря́мые слези́нки, ста́ла расска́зывать ему́ о том, как ни́зко хоте́ли с ним поступи́ть. Франт вы́слушал, но ничу́ть не огорчи́лся и, улучи́в мину́тку, су́нул нос к ней в карма́шек.

Пока́ Ната́ша излива́ла Фра́нту свои́ оби́ды на сенова́ле, на крыльце́, мо́жно сказа́ть, реша́лась судьба́ их обо́их.

Молоды́е учителя́ расхва́ливали свою́ лесну́ю шко́лу. Эту ма́ленькую лесну́ю коло́нию устро́или недалеко́ от кордо́на для дете́й, у кото́рых бы́ло сла́бое здоро́вье. Им необходи́мо бы́ло пожи́ть на чи́стом го́рном во́здухе, среди́ души́стых ёлок.

— Вы посмотре́ли бы, каки́е они́ прие́хали сюда́ до́хленькие и бле́дные! А тепе́рь их про́сто не узна́ть. Едя́т они́ так, что никаки́х запа́сов не хвата́ет, и то́лько крича́т, что́бы дава́ли побо́льше. Ла́зают по гора́м, купа́ются в ре́чке и загоре́ли, как настоя́щие инде́йцы.

— Где же вы размести́лись с тако́й компа́нией?

— А у второ́го спу́ска. Под го́ркой. Там, где бы́ли ра́ньше пчелово́дные ку́рсы.

— Вон где! Так ведь э́то совсе́м ря́дом с на́ми!

— Ну да.

Оте́ц и ма́ма сра́зу поду́мали об одно́м и то́м же:

— Вот е́сли бы...

Учи́тельница поняла́:

— Устро́ить к нам ва́ших де́вочек, да? Отчего́ же... Я ду́маю, Ви́ктор Васи́льевич, э́то мо́жно бы́ло бы сде́лать.

— Пожа́луйста, Ви́ктор Васи́льевич. Две ста́ршие у меня́ у́чатся в го́роде, а мла́дших мне о́чень хоте́лось бы устро́ить побли́же к до́му.

— На́ша шко́ла им о́чень понра́вится. Наро́д у нас во́льный. У ребя́т есть сад, огоро́дик, мно́го вся́ких звeрю́шек. Оди́н ма́льчик обеща́л привезти́ из до́ма свою́ ручну́ю лиси́цу, и наш воспита́тель пое́хал с ним вме́сте, что́бы ему́ помо́чь в доро́ге. А ва́ши девчу́рки могли́ бы захвати́ть с собо́й Фра́нтика.

— Да я уж ви́жу, — сказа́ла обра́дованно ма́ма, — у вас они́ отли́чно устро́ились бы!

— С живо́тными мы с Ната́шей всё уме́ем — корми́ть, убира́ть, — ро́бко вмеша́лась из-за ма́миного плеча́ Юля. Она́ и Ната́ша давно́ мечта́ли о шко́ле.

— А э́то кото́рая — Ната́ша? — спроси́л Ви́ктор Васи́льевич. — Не та, что предлага́ла мне подави́ться щенко́м?

— Она́ оши́блась... — ка́шляя от волне́ния, поясни́ла Юля, — она́ оши́блась и про́сто напу́тала.

Ста́ршие приняли́сь обсужда́ть, как полу́чше ула́дить э́то де́ло, а Юля на цы́почках вы́шла из-за ма́миного сту́ла, вы́бежала во дво́р и, всё ещё ка́шляя, сда́вленно закрича́ла:

— Ната́ша!

— Что? — мра́чно отве́тили ей с сенова́ла.

Юля вскара́бкалась наве́рх и ста́ла расска́зывать. Через полчаса́ две де́вочки спусти́лись на зе́млю и, держа́ на рука́х вертля́вого ли́са, пришли́ на крыльцо́. Там ве́село разгова́ривали роди́тели.

— Где учителя́? — спроси́ла Юля.

— Они́ уже́ ушли́ к себе́ в шко́лу... Ну, Ната́ша, отличи́лась же ты сего́дня, не́чего сказа́ть! Нам за тебя́ бы́ло про́сто сты́дно.

На сле́дующий день оте́ц запря́г Гнедка́ в дро́жки. Ма́ма наде́ла на Юлю и Ната́шу бе́лые шля́пки, и все пое́хали в шко́лу. Ната́ша всю доро́гу сиде́ла трево́жная и молчали́вая. Она́ боя́лась, что учи́тель не захо́чет приня́ть её в шко́лу за то, что она́ вчера́ ему́ нагруби́ла. Ещё при́мут одну́ то́лько Юлю — что ей тогда́ де́лать? В шко́ле мно́го дете́й, все бу́дут учи́ться, игра́ть, а она́...

Ната́ша ещё пу́ще суту́лилась и грусти́ла.

Вот уже́ дро́жки спусти́лись с горы́. Гнедко́ ре́зво бежа́л по мя́гкой и гла́дкой доро́ге. Подняли́сь ещё на одну́ го́рку и внизу́, под горо́й, среди́ ро́щи, уви́дели бе́лые до́мики.

— Како́е хоро́шее месте́чко! — сказа́ла ма́ма.

— Ма́ма, — разжа́ла вдруг гу́бы Ната́ша, — я вчера́ во́все не так ду́мала сказа́ть, а у меня́ то́лько непра́вильно получи́лось. Я хоте́ла сказа́ть, что щено́к у них о́чень ма́ленький и мо́жет подави́ться, потому́ что у нас всю́ду ко́сти валя́ются.

Все засмея́лись:

— Ла́дно уж! Не выду́мывай тепе́рь никаки́х объясне́ний. Не тако́й челове́к Ви́ктор Васи́льевич, что́бы своди́ть счёты с глу́пой де́вочкой. Не му́чайся тем, что уже́ сболтну́ла, но вперёд ду́май, пре́жде чем сказа́ть гру́бость.

Дро́жки сверну́ли к но́вой деревя́нной огра́де, кото́рая кольцо́м окружа́ла сад и два до́ма в глубине́ алле́и. На воро́тах была́ доще́чка: «Лесна́я шко́ла».

Роди́тели с улы́бкой огляну́лись на взволно́ванную Ната́шу.

Они́ вошли́ в кали́тку и подняли́сь на крыльцо́ до́ма. Де́вочки мо́лча сиде́ли на дро́жках, ожида́я реше́ния.

Ждать пришло́сь недо́лго. Во дворе́ раздали́сь голоса́. Оте́ц вы́шел и напра́вился к кали́тке. За ним шёл вчера́шний гость.

Ната́ша гу́сто, до слёз, покрасне́ла и отверну́лась:

коне́чно, учи́тель всё по́мнит и непреме́нно отомсти́т ей за вчера́шнее.

— Ну, здра́вствуйте, де́вочки! — ла́сково сказа́л учи́тель и широко́ распахну́л воро́та. — Въезжа́йте-ка во двор. Пока́ мы бу́дем разгова́ривать, вы пойди́те познако́мьтесь с ребя́тами. Они́ вам пока́жут шко́лу. Идёт?

Смущённая ла́сковым то́ном учи́теля, Ната́ша мо́лча ры́ла босо́й ного́й я́мку в песке́.

— Ко́ля, Ма́ша! — подозва́л учи́тель двух румя́ных ребя́т чуть поста́рше Юли. — Вот познако́мьтесь-ка с Юлей и Ната́шей и покажи́те им на́шу шко́лу и живо́тных.

И он вме́сте с отцо́м опя́ть скры́лся в до́ме.

— Что же пока́зывать снача́ла, — сказа́л Ко́ля: — огоро́д, кла́ссы и́ли живо́тных?

— Сперва́ кла́ссы, — попроси́ли де́вочки.

— Ну, пойдёмте.

Что э́то бы́ли за прекра́сные кла́ссы! Две больши́е, све́тлые ко́мнаты с па́ртами и чёрными доска́ми, со шкафа́ми для книг, сплошь уве́шанные карти́нами, табли́цами и ка́ртами.

Ната́ша вздохну́ла, и так гро́мко, что ко́шка, спа́вшая на подоко́ннике, проснну́лась и испу́ганно вы́скочила во двор.

Пото́м ребя́та провели́ их на ку́хню. Там дежу́рные шко́льники дру́жно рабо́тали и распева́ли.

То́ же бы́ло и на огоро́де.

Пото́м показа́ли коню́шню, коро́ву, кур и индюша́т. В саду́, в просто́рных волье́рах[1] из про́волочной се́тки, чири́кали и порха́ли разнообра́зные пти́чки. Да́льше, в углу́ са́да, в больши́х загоро́дках из досо́к и про́волочной се́тки, игра́ло весёлое семе́йство ручны́х кро́ликов.

— А э́та загоро́дка зна́ешь для кого́? — спроси́л Ната́шу оди́н из но́вых това́рищей. — К нам

[1] Волье́рах; волье́ра — огоро́женная площа́дка для содержа́ния птиц и́ли живо́тных.

ско́ро лиси́чка прие́дет, так э́то мы для неё пригото́вили.

Ме́сто бы́ло о́чень удо́бное. Больша́я поля́нка, как ра́з на скло́не холма́, огоро́женная про́волочной се́ткой. С нару́жной стороны́ се́тки и внутри́ огоро́женного четырёхуго́льника росли́ ветви́стые дере́вья и куста́рники, так что се́тки совсе́м как бу́дто и не́ было.

— Ей тут бу́дет хорошо́, — одо́брила Юля и нево́льно поду́мала: «А что, е́сли бы и Фра́нта сюда́?»

Ната́ша то́же поду́мала об э́том, потому́ что сама́ гро́мко сказа́ла:

— У меня́ до́ма то́же есть лис.

— Ну-у? Да что́ ты! Ручно́й?

— Со-овсе́м ручно́й. Хоти́те, приходи́те к нам на кордо́н — э́то здесь по доро́ге, вы́ше по уще́лью, — мы вам пока́жем его́. Наш Фра́нтик тако́й весёлый и сла́вный. Он вам понра́вится, вот уви́дите.

У де́вочек немно́го отлегло́ от се́рдца. Хоть и о́чень счастли́вые э́то бы́ли ребя́та, а Фра́нта у них всё-таки не́ было.

— Пото́м у нас есть ещё Ми́шка — оле́нь. То́лько он о́чень драчли́вый.

Им то́же хоте́лось показа́ть Ко́ле и Ма́ше свои́х звере́й.

— Приходи́те непреме́нно! Когда́ хоти́те приходи́те и мо́жете игра́ть с Фра́нтиком ско́лько уго́дно.

— Спаси́бо, придём... А вы что же, у нас учи́ться бу́дете?

— Ох, не зна́ем, при́мут ли то́лько...

Де́вочки верну́лись домо́й как в чаду́. В шко́ле сказа́ли, что сейча́с их при́мут то́лько приходя́щими, но, когда́ насту́пят моро́зы и ходи́ть ка́ждый день в шко́лу бу́дет тру́дно, они́ бу́дут жить вме́сте со все́ми.

Начали́сь ежедне́вные прогу́лки де́вочек в шко́лу, а их но́вых това́рищей — на кордо́н.

Ребя́там о́чень нра́вился Франт. Они́ все так его́ балова́ли, что Франт вообрази́л себя́ в са́мом де́ле

ва́жной осо́бой и ни за что, ни на мину́тку не жела́л остава́ться без компа́нии.

В сентябре́ я и Со́ня уе́хали в го́род, а Юля и Ната́ша, сия́ющие и дово́льные, отпра́вились в шко́лу, окружённые толпо́й весёлых това́рищей. Уходя́, они́ дру́жно запе́ли то́лько что вы́ученную пе́сню:

Сме́ло, това́рищи, в но́гу...

Зво́нкие голоса́ залива́лись по доро́ге, и в такт им звя́кала цепо́чка, на кото́рой вели́ Фра́нтика.

Ма́ма стоя́ла на крыльце́ и гру́стно улыба́лась:

— Ната́ша, Ната́шка-то!.. Фра́нтик — и тот огля́дывается на дом, а она́ уже́ все́ми мы́слями в свое́й шко́ле. И роди́телей уже́ забы́ли — огляну́ться на мать не жела́ют.

Это бы́ло неве́рно. Перед тем как скры́ться за поворо́том, вся компа́ния останови́лась, подняла́ на́ руки Фра́нта и, замаха́в ша́пками, ве́село попроща́лась с ма́мой.

«До свида́нья, де́тки, до свида́нья», — смущённо проговори́ла сама́ себе́ ма́ма.

Кордо́н опусте́л.

По́сле обе́да Франт храпе́л, сверну́вшись на бо́чке. Посереди́не огоро́женного пито́мника положи́ли большу́ю бо́чку без кры́шки и без дна. С обе́их сторо́н к ней приде́лали кры́тые галере́йки из широ́ких деревя́нных желобо́в. Получи́лась люби́мая ли́сья нора́ с двумя́ вы́ходами.

В дождли́вую пого́ду Франт располага́лся внутри́ норы́. А сего́дня бы́ло я́сно, и потому́ он устро́ился на «кры́ше». Этим у́тром к Фра́нту пусти́ли подру́гу — лиси́цу Ли́зу. Ли́за была́ о́чень ми́лая, весёлая и соверше́нно ручна́я.

Встре́тились лиси́цы дово́льно хо́лодно.

Франт подбежа́л, обню́хал Ли́зу и, не обраща́я бо́льше на неё внима́ния, стал ры́ться в карма́нах у ребя́т.

Ли́за то́же снача́ла как бу́дто отшатну́лась от Фра́нта, но, когда́ он отошёл, она́ пошла́ за ним, как привя́занная.

Сейча́с Франт спал на бо́чке, а Ли́за сиде́ла внизу́, оперши́сь о бо́чку спино́й. Она́ заду́мчиво почёсывала за́дней ла́пкой за́ ухом и и́зредка станови́лась на цы́почки и обню́хивала Фра́нта.

Ребя́та бы́ли разочаро́ваны. Они́ ожида́ли, что лиси́цы запры́гают от ра́дости при ви́де друг дру́га, а тут — на́ тебе́...

— Ничего́, ничего́, э́то они́ фасо́н выде́рживают, — обнадёживал их Ви́ктор Васи́льевич.

И пра́вда, прошло́ три — четы́ре дня — и Франт с Ли́зой игра́ли, пры́гали и бара́хтались, как бу́дто родили́сь вме́сте.

Са́мым больши́м удово́льствием для ребяти́шек бы́ло, спря́тавшись за дере́вьями, следи́ть за их игро́й.

К зиме́ лиси́цы оде́лись в краси́вые пуши́стые шу́бы. Здоро́вые и весёлые, они́ так интере́сно игра́ли

друг с дру́жкой, что прия́тно бы́ло на них смотре́ть. В нача́ле ноября́ вы́пал снег и наста́ли холода́. В дома́х запыла́ли пе́чки, и дым из труб поднима́лся над запушённым сне́гом са́дом.

По́сле Но́вого го́да Ви́ктор Васи́льевич сказа́л:

— Вот что, ребя́та: дава́йте-ка постро́им из досо́к ещё одну́ загоро́дку вокру́г се́тки, а то дере́вья ста́ли го́лые и не загора́живают Фра́нта и Ли́зу от ве́тра, да и от нас сами́х.

— А заче́м их загора́живать от нас, Ви́ктор Васи́льевич?

— Зате́м, что, е́сли тепе́рь их не трево́жить, у них весно́й бу́дут лися́та.

— Ну, дава́йте тогда́, дава́йте!

Сооруди́ли три лёгкие стены́ из фане́ры и ста́ли ждать прибавле́ния семе́йства.

Лиси́цы вози́лись и шуме́ли ноча́ми, и Франт ча́сто ла́ял свои́м заба́вным то́нким го́лосом. Пото́м Франт переста́л совсе́м обраща́ть внима́ние на Ли́зу, а у Ли́зы ста́ли заме́тно расти́ бока́.

— Бу́дут лися́та?

— Наве́рно, бу́дут.

Ребяти́шки балова́ли и угоща́ли Ли́зу вся́кими вку́сными веща́ми и погля́дывали на неё с наде́ждой:

— Ну, смотри́, Ли́зонька, не осрами́сь!

Ста́ршие расска́зывали им вечера́ми, что лиси́цы-ма́тери, когда́ у них рожда́ются де́ти, стано́вятся о́чень беспоко́йными.

В пе́рвые дни лися́т нельзя́ тро́гать, да́же смотре́ть на них нельзя́, а то лиси́ца начина́ет беспоко́иться, пря́тать их, зака́пывать и ча́сто заму́чивает до́ смерти.

— Смотри́те же, ребя́та, не входи́те за загоро́дку, пока́ я не скажу́, что мо́жно... У лися́т откро́ются глаза́ приблизи́тельно неде́ли через три, и через ме́сяц они́ са́ми повыла́зят из норы́ и бу́дут игра́ть на со́лнышке, — говори́л нам Ви́ктор Васи́льевич.

Прошёл март. В половúне апрéля у Лúзы родилúсь лися́та.

— Тóлько не подходúте, не пугáйте их, — упрáшивали всех Юля и Натáша.

Но ребя́та всё-таки не удержáлись.

Одúн раз сáмая мáленькая дéвочка откры́ла люк сбóку бóчки и «тóлько заглянýла». И срáзу испóртила всё дéло.

Лúза всю ночь бéгала, суетúлась, таскáла в зубáх то одногó, то другóго детёныша. Онá запúхивала их под кóрни дерéвьев и закáпывала в холóдную, мóкрую ещё зéмлю.

Утром Юля увúдела, что онá закопáла, откопáла и снóва закопáла в другóм мéсте мáленького пищáщего лисёнка. Онá побежáла к учúтелю:

— Вúктор Васúльевич, скорéй!.. Лúза закáпывает лисёнка!

Полуживóго малышá забрáли у чересчýр забóтливой мамáши. Остальны́х трёх лися́т нашлú ужé мёртвыми. Стáли спасáть послéднего лисёнка и наперебóй ругáли лисúцу:

— Дрянь э́та Лúза, живодёрка такáя!

— Нет, э́то не Лúза виновáта, — сказáл Вúктор Васúльевич. — Это, знáчит, ктó-нибудь из вас úли трóгал лися́т, úли смотрéл на них. Инáче Лúза не стáла бы их пря́тать.

Он наклонúлся над закýтанным в вáту, дрожáщим слепы́м лисёнком.

— Вúктор Васúльевич, а э́тот хоть отогрéется?

— Не знáю... мóжет быть, и отогрéется, но всё равнó, éсли положúть егó к Лúзе, онá егó затаскáет. Я читáл, что мóжно положúть лисёнка к кóшке, и онá вы́кормит егó. Но где взять кóшку с котя́тами?

Услы́шав э́то, Юля и Натáша нáскоро одéлись и помчáлись вниз по горé на сосéднюю дáчу. Вчерá, по прóсьбе Вúктора Васúльевича, онú относúли газéты старикý стóрожу и любовáлись у негó кóшкой с тремя́ мáленькими котя́тами.

Они́ до́лго и горячо́ упра́шивали сто́рожа.

— ...и пото́м, ина́че ему́ пропада́ть, — зако́нчили они́ свою́ про́сьбу.

— Ви́дите что, де́тки: ко́шка ведь ста́рая, и она́ ни за что не ста́нет жить на но́вом ме́сте. Она́ всё равно́ убежи́т домо́й и котя́т перетаска́ет обра́тно: по доро́ге их то́лько заморо́зит. Лу́чше уж принеси́те к нам ва́шего лисёнка, и пусть он сосёт ко́шку, пока́ не смо́жет лака́ть молоко́ из блю́дца.

Так и сде́лали: отнесли́ лисёнка к приёмной ма́тери. Ко́шка приняла́ его́ в семью́ без ли́шних разгово́ров.

Оста́вшись без дете́й, Ли́за замета́лась по пито́мнику, переста́ла есть и загрусти́ла. Все снача́ла бы́ло забро́сили её за плохо́е поведе́ние, но тепе́рь пожале́ли и ста́ли ласка́ть пу́ще пре́жнего. И счастли́вый же хара́ктер у э́тих живо́тных! Прошло́ дней пять, и Ли́за игра́ла так ве́село и беззабо́тно, как бу́дто ничего́ не случи́лось. Лисёнок рос и прекра́сно себя́ чу́вствовал в свои́х ли́сьих я́слях — так в шу́тку называ́ли ко́шкино семе́йство.

Кто посмотре́л без разреше́ния лися́т и был вино́вником несча́стья, учителя́ не допы́тывались. Они́ прекра́сно зна́ли, что и без вся́кого наказа́ния никто́ из ребя́т бо́льше никогда́ так не сде́лает. Одна́жды, когда́ ребя́та отдыха́ли от рабо́ты, зашёл разгово́р о том, кто кем бу́дет, когда́ вы́растет большо́й.

— Я бу́ду ветерина́ром, — сказа́ла ма́ленькая де́вочка и вдруг распла́калась. — Если бы я была́ ветерина́ром, я бы обяза́тельно вы́лечила замёрзших лися́т. Это ведь я посмотре́ла тогда́...

Учителя́ перегляну́лись:

— Ну, бу́дет, не плачь, Ма́ня! Ты же не зна́ла, что э́то так ко́нчится. Вот погоди́, бу́дешь ветерина́ром — ты за э́тих лися́т ско́лько добра́ сде́лаешь живо́тным!

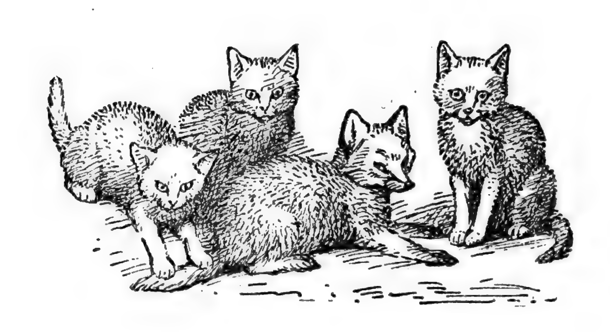
Они́ ста́ли её утеша́ть и, что́бы перевести́ разгово́р, обрати́лись к Ната́ше и Юле:

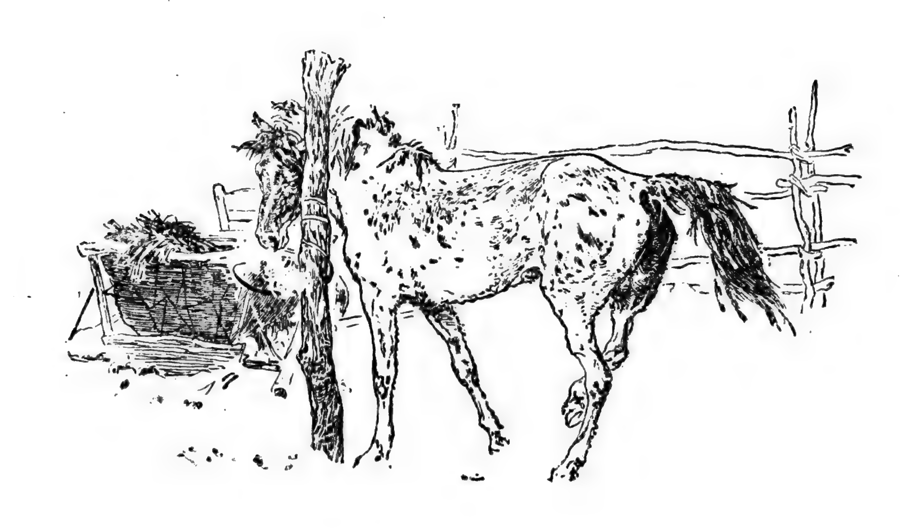
— Ну, а вы кем бу́дете, де́вочки?

— Мы бу́дем учи́ться, как лу́чше разводи́ть и оберега́ть леса́, — ра́зом отвеча́ли о́бе де́вочки. — Пока́ бу́дут це́лы на́ши густы́е, дрему́чие леса́, бу́дут в них приво́льно жить и разводи́ться зве́ри. Лес — пе́рвый друг и зве́рю и челове́ку: так у нас всегда́ говоря́т до́ма.

— Ве́рно, дружо́чки, э́то вы хорошо́ приду́мали! Вы́растете — бу́дете лесово́дами, помога́ть бу́дете отцу́. И смотри́те никогда́ не забыва́йте, что весно́й у всех звере́й есть ма́ленькие, беззащи́тные детёныши!

— Бу́дьте поко́йны, Ви́ктор Васи́льевич, мы никогда́ не забу́дем об э́том.

ЧУБАРЫЙ

Не вида́ть бы нам Чуба́рого как свои́х уше́й, е́сли бы не случи́лось с ним беды́ на перева́ле. Это был первокла́ссный конь — ра́зве о́тдали бы его́ так про́сто нам, ребя́там?

В пе́рвый раз его́ привели́ зимо́й. Все взро́слые вме́сте с отцо́м ходи́ли на коню́шню, спо́рили о чём-то, ме́рили его́ сантиме́тром.

— Краса́вец! Не конь, а карти́нка! — с удово́льствием говори́ли они́, возвраща́ясь в тёплую ко́мнату, румя́ные и озя́бшие.

Мы то́же пошли́ посмотре́ть.

Высо́кий, гла́дкий жеребе́ц пляса́л на снегу́ у столба́, тёрся об него́ голово́й, грыз его́ зуба́ми и всё вре́мя переступа́л с ноги́ на́ ногу. Внутри́ у него́ что́-то похру́стывало и перелива́лось.

Мы подошли́ бли́же. Он ещё пу́ще заигра́л, забрыка́лся и покоси́лся на нас тёмным гла́зом.

— Ничегó себé конúшка, — солúдно сказáла Сóня. — Однó плóхо — хрустúт óчень и дёргается так, что и поглáдить егó невозмóжно. Ба-а-лýй! — закричáла онá бáсом и смéло шагнýла к столбý.

Лóшадь тóненько заржáла, ухватúла Сóню за кáпор и дёрнула напрáво и налéво.

— Убивáют Сóню! — áхнула óколо меня Наташа.

Мы с Юлей закричáли и замахнýлись на Чубáрого. Он удивúлся и вы́пустил кáпор. Сóня попятилась.

— Сумасшéдшая лóшадь! Её в сумасшéдший дом нáдо, — сказáла онá гóрько: — хватáется прямо за чужýю гóлову.

Лицó у неё стáло бéлое. Отморóзила, мóжет быть, а мóжет, от обúды — обúделась на Чубáрого.

Лéтом, когдá отéц проносúлся по ýлицам на Чубáрке, все выбегáли за ворóта и смотрéли вслед. Собáки пролезáли в подворóтни и, напрягáя мýскулы, поспевáли наперерéз. Ни однóй из них не удалóсь ещё вцепúться в Чубáркин хвост. Онú отставáли однá от другóй, захлёбываясь от ярости.

А из лошадéй никтó и не прóбовал состязáться с Чубáрым. Это бы́ло бы прóсто смешнó. Вы посмотрéли бы, как он, нигдé не замедляя ход, дýхом пролетáл двенáдцать киломéтров от гóрода до нáшего посёлка на óзере Иссы́к-Кýль!

Там перед дóмом, где мы жúли, былá зелёная лужáйка. Чубáрый огибáл круг, останáвливался у крыльцá и, вытягивая шéю, грóмко, продолжúтельно фы́ркал. А пóсле э́того дышáл совершéнно спокóйно. Мы выносúли емý кусóк хлéба úли сáхару. Чубáрый осторóжно забирáл губáми угощéнье, и нé было слýчая, чтóбы он прикусúл комý-нибудь рýку.

— Нет, вы посмотрúте! Вы тóлько посмотрúте, как он ды́шит! — гордúлся Чубáркой отéц. — Ведь э́то какúе лёгкие нáдо имéть! А?

Все просо́вывали па́льцы за подпру́гу и говори́ли: «Да, действи́тельно замеча́тельно ды́шит».

Вот како́й он был, наш Чуба́рка, когда́ одна́жды, в середи́не ле́та, оте́ц снаряди́л его́ по-похо́дному и уе́хал на нём через го́ры на областно́й съезд лесни́чих в го́род Ве́рный, как тогда́ называ́лся наш тепе́решний го́род Алма́-Ата́.

Прошло́ о́коло ме́сяца. Оте́ц всё ещё был в отъе́зде. Раз но́чью меня́ разбуди́ла гроза́. Ве́тер и дождь стуча́ли в окно́. Над кры́шей треща́ли громовы́е раска́ты, и вся ко́мната ра́зом освеща́лась мо́лнией. Я то́лько хоте́ла спроси́ть, не мо́жет ли она́ уби́ть кого́-нибудь пря́мо в крова́ти, как вдруг наступи́ло зати́шье и за две́рью послы́шался отцо́вский го́лос. Мы все о́чень обра́довались, заверну́лись в одея́ла и вы́шли в сосе́днюю ко́мнату. На полу́ валя́лось мо́крое пла́тье, на столе́ стоя́л самова́р, и оте́ц, переоде́тый в сухо́е, гре́лся горя́чим ча́ем.

— Како́й ты кра́сный, — сказа́ли мы ему́, едва́ успе́в с ним поздоро́ваться. — Загоре́л так си́льно, что ли?

— Загори́шь тут!

— Обеща́ние своё не забы́л — привёз нам конфе́т?

— Нет, не привёз.

— Почему́?

— Не привёз, да и всё тут!

— Ну, мо́жет быть, каки́е-нибудь други́е пода́рки?

— Нет, и друго́го ничего́ не привёз.

Мы перегляну́лись:

— Как же так? Сам обеща́л, а сам...

Оте́ц схвати́лся за виски́. Он ка́к-то мо́рщился, ежился, как бу́дто замерза́л.

— Убери́ ты их, пожа́луйста! — сказа́л он ма́тери. — У меня́ голова́ раска́лывается от бо́ли, а тут изво́ль опра́вдываться, объясня́ть...

— Он ничего́ не забы́л, всё купи́л и привёз бы, коне́чно, но... в гора́х приключи́лось несча́стье. Иди́те те-

пе́рь, иди́те, не надоеда́йте. Хорошо́, что хоть сам он верну́лся живо́й.

Нас вы́толкали и захло́пнули за на́ми дверь. Мы ро́вно ничего́ не понима́ли.

— Како́е же несча́стье мо́жет случи́ться с конфе́тами в гора́х?

— Размо́кли и утекли́ вме́сте с дождём. Очень про́сто, — сказа́ла Ната́ша.

— Нет, не похо́же на э́то.

— Ско́лько вы кни́жек перечита́ли и до сих пор ещё не зна́ете, что в гора́х всегда́ заблужда́ются.

Со́ня презри́тельно дёрнула плечо́м и нащу́пала под поду́шкой то́лстую кни́жку: «Мир приключе́ний».

— Небо́сь проблужда́ешь там без обе́да, так не то что на конфе́ты — на что попа́ло набро́сишься с голоду́хи! — пробурча́л ещё кто́-то. — Съел сам, подкрепи́л свои́ си́лы, и на здоро́вье...

На э́том мы и засну́ли.

Утро по́сле грозы́ бы́ло я́сное.

Взошло́ со́лнце и освети́ло верху́шки дере́вьев.

Земля́ ещё не просо́хла от дождя́ и была́ холо́дная и сыра́я. Мы вы́шли на пусты́нный двор и отпра́вились в коню́шню.

— Стра́нно, — удиви́лась Со́ня: — тут кто́-то совсе́м чужо́й.

— Да и не о́чень краси́вый.

— Ху́же на́шего Чуба́рки?

— Ещё бы! Гора́здо ху́же.

— А Чуба́рый куда́ же дева́лся?

Мы столпи́лись во́зле ма́ленькой, невзра́чной лоша́дки с ры́бьим гла́зом.

Лоша́дка фы́ркнула на нас, отверну́лась и зашурша́ла в я́слях се́ном.

— Она́, ка́жется, ничего́, хоро́шая...

— На нас — никако́го внима́ния.

— Нет, смотри́те: ма́шет хвосто́м.

— Глаза́ о́чень оригина́льные, — сказа́ла Со́ня.

И непоня́тно бы́ло, хорошо́ э́то для ло́шади и́ли пло́хо.

Пока́ мы обсужда́ли но́вую ло́шадь, в коню́шню вошёл стари́к кирги́з.

— А-а, кизля́р! Ама́н-ба! [1]

— Ама́н, ама́н! Здра́вствуйте! Это чья ло́шадь — ва́ша?

— Моя́. Якши́ ат [2]? Нра́вится?

— Да, ничего́ себе́. То́лько мы не об э́том. Мы хоти́м знать, где наш Чуба́рый.

— Чуба́рый? — Кирги́з сви́стнул, махну́л руко́й и сказа́л: — Ульды́ [3]. Пропа́л голова́.

С утра́, не перестава́я, хло́пала кали́тка. В посёлке уже́ зна́ли, что но́чью прие́хал оте́ц, и приходи́ли к нему́ за новостя́ми.

Отцу́ нездоро́вилось, его́ си́льно лихора́дило. Он лежа́л на крова́ти под шу́бами и без у́молку говори́л: расска́зывал, как он пробира́лся домо́й через стра́шный Койна́рский перева́л.

Мы заби́лись в уголке́, за крова́тью, лови́ли ка́ждое его́ сло́во и всё-таки ника́к не могли́ вы́яснить са́мое гла́вное: куда́ же он дева́л Чуба́рого? Едва́ он доска́зывал до середи́ны, как приходи́ли но́вые слу́шатели и проси́ли нача́ть по поря́дку.

Оте́ц повторя́л всё снача́ла. И с ка́ждым ра́зом всё бо́льше оживля́лся, говори́л всё гро́мче и гро́мче и ка́к-то стра́нно пу́тался в слова́х.

— Послу́шайте, да у него́ жар! Бред! — прерва́л вдруг расска́з оди́н из сосе́дей. — На́до бы ему́ потепле́е укры́ться. А на́ ночь приня́ть аспири́ну.

Нам веле́ли сбе́гать в больни́цу за до́ктором. Больни́ца была́ совсе́м бли́зко, через доро́гу.

Мы побежа́ли изо все́х сил. Разыска́ли до́ктора и впопыха́х переда́ли ему́ поруче́ние.

---

[1] А-а, де́вочки! Здра́вствуйте!
[2] Хоро́шая ло́шадь?
[3] Умер, издо́х.

— Очень ва́жно! — кри́кнули мы ему́ на бегу́. Приходи́лось торопи́ться, а то доска́жет без нас.

— Сказа́л, что придёт! — закрича́ли мы, врыва́ясь в ко́мнату.

— Ти́ше!..

Мать погрози́ла па́льцем. Оте́ц замета́лся, засмея́лся и заговори́л о́чень бы́стро:

— Как он пры́гал, пры́гал... Всё пропа́ло... И ружьё, и де́ньги, и седло́. Доста́ть на́до, помо́чь... Он так пры́гал... Помо́чь... Я сейча́с...

Он рвану́лся с крова́ти.

— Лежи́ уж ты, пожа́луйста!

В ко́мнату вошёл до́ктор.

— Всё пропа́ло... Помо́чь... — сказа́л ему́ оте́ц.

— Эге́! Да тут па́хнет горя́чкой. И лицо́ како́е воспалённое!..

Пото́м ста́ло о́чень ску́чно. Все ходи́ли на цы́почках.

Оте́ц крича́л, что́бы кто́-то кого́-то выта́скивал. Он говори́л, говори́л, говори́л...

На сле́дующее у́тро нас к нему́ не пусти́ли. Юля ста́ла подслу́шивать у две́ри и, смея́сь, повора́чивалась к нам:

— Де́тское како́е болта́ет.

Она́ вплотну́ю прижа́лась к сква́жине и до́лго не отрыва́лась. Мы тормоши́ли её:

— Что, о́чень смешно́е?

Вдруг она́ поверну́лась, в слеза́х.

— Да, тебе́ хорошо́, — сказа́ла она́, жа́лко скриви́вшись, — а они́ говоря́т — нары́в в го́рле...

К ве́черу отцу́ ста́ло ещё ху́же, и до́ктор оста́лся у нас на всю ночь.

Утром из больни́цы пришёл ещё оди́н до́ктор. Они́ посовеща́лись и разложи́ли на столе́ каки́е-то блестя́щие щи́пчики и но́жницы.

Ма́ма, испу́ганная и бле́дная, ходи́ла за до́ктором и проси́ла:

— Я не закричу́... Я не помеша́ю... Вот уви́дите...

Позво́льте мне помога́ть. Я вам руча́юсь за себя́... Ну, мо́жно мне подержа́ть что́-нибудь?

Пото́м пронесли́ таз. А нам сказа́ли шёпотом, что́бы мы не сова́лись по́д ноги, а шли бы пода́льше во двор и раздува́ли самова́р.

Отцу́ де́лали опера́цию: ре́зали в го́рле нары́в. И е́сли бы не проре́зали, он мог бы задохну́ться.

Мать вы́несла нам на терра́су не́сколько кни́жек и Ната́шины игру́шки.

— Не унывайте, ребя́тки, — сказа́ла она́, ви́дя, до чего́ мы расстро́ились. — Сиди́те то́лько тихо́нечко и стара́йтесь быть хоро́шими. Мо́жет быть, всё ка́к-нибудь обойдётся.

Она́ ушла́, и мы ста́ли стара́ться. Плато́к упадёт — все броса́ются поднима́ть. Толкну́т кого́-нибудь и́ли но́гу отда́вят неча́янно — сейча́с же извиня́ются, про́сят проще́ния, спра́шивают, не о́чень ли бо́льно. Ната́ша в игру́шках нашла́ непоря́дки.

— А кто э́то Ви́хрю вы́дернул хвост? И седло́ раскле́ил? Это ты, Олька, я зна́ю...

— Ну, не-ет! — возмути́лась я. — Дово́льно мне э́тих приди́рок! Не зна́ет как сле́дует, а уж врёт пря́мо на меня́. Ла́дно же, проща́йся тепе́рь со свои́ми завиту́шками!

Со́ня пойма́ла мою́ ру́ку на полдоро́ге к Ната́шиным коси́чкам:

— Ты что́ э́то? Ра́зве мо́жно тепе́рь шуме́ть?

— Она́ ры́лась в моём я́щике! Она́ испо́ртила ло́шадь! — не унима́лась Ната́ша.

— Ла́дно, вру́ша несча́стная! Зна́ешь ны́нче како́й день? Ври на меня́ ско́лько хо́чешь, по́льзуйся мое́й до́бростью. А я да́же... плю́нуть на тебя́ не жела́ю.

— Вот молоде́ц! Сра́зу ви́дно, кто лю́бит своего́ отца́, а кто нет.

Я усе́лась с кни́жкой в сторо́нке и стара́лась не слу́шать, как Ната́ша тверди́ла, высо́вываясь из своего́ угла́:

— Она́, она́ винова́та! Я зна́ю, что э́то она́!

Вре́мя тяну́лось мучи́тельно ме́дленно. Кни́жки и игру́шки выва́ливались у нас из рук. Мы бесце́льно слоня́лись из угла́ в у́гол, прислу́шивались к ка́ждому шо́роху. За на́ми по пята́м, то́же гру́стная и трево́жная, ходи́ла на́ша соба́чка Джи́ка.

Она́ чу́яла, что в до́ме что́-то нела́дно, и, сло́вно спра́шивая, в чём го́ре, насто́йчиво загля́дывала в глаза́.

— А, иди́ ты! Не до тебя́ сего́дня, — отма́хивались от неё, когда́ она́ пыта́лась приласка́ться.

Джи́ка поняла́, что в чём-то провини́лась, и, что́бы её прости́ли и помири́лись с не́ю, она́ реши́ла сама́ себя́ наказа́ть. Она́ пошла́ в у́гол, се́ла там за две́рью и сиде́ла пове́сив го́лову. Поро́й из угла́ слы́шались вздо́хи, не́рвное позёвыванье и жа́лобное: «ску... ску...»

Наконе́ц дверь из ко́мнаты больно́го распахну́лась.

До́ктор и ма́ма вы́шли каки́е-то сра́зу похуде́вшие, но ра́достные и сказа́ли, что нары́в уже́ проре́зан и всё бу́дет тепе́рь хорошо́.

Мы встрепену́лись, вскочи́ли на́ ноги и ссы́пались с терра́сы, что́бы на ра́достях пронести́сь вокру́г до́ма. Тогда́, осторо́жно скри́пнув две́рью, Джи́ка то́же появи́лась из угла́.

Взгляну́ла на нас и сло́вно перероди́лась: припа́ла к земле́, подобрала́сь в комо́чек... и, заки́нув го́лову, не по́мня себя́ от восто́рга, вы́летела из ко́мнаты впереди́ всех.

Съезд в Алма́-Ате́ затяну́лся до́льше, чем предпола́галось.

Оте́ц реши́л сократи́ть обра́тный путь, что́бы на э́том вы́играть вре́мя. Он уговори́лся с леснико́м-кирги́зом и пое́хал напрями́к по са́мой коро́ткой, но зато́ и са́мой опа́сной доро́ге. Они́ должны́ бы́ли подня́ться почти́ до перева́ла, что́бы спусти́ться по другу́ю сто́рону го́рного хребта́, вблизи́ о́зера Иссы́к-Ку́ль.

За день они́ добрали́сь к белка́м[1] и заночева́ли у пастухо́в. А на рассве́те пое́хали да́льше.

Чуба́рый бо́льше двух неде́ль стоя́л в Алма́-Ате́ без де́ла. Он разъе́лся, застоя́лся, и тепе́рь ему́ бы́ло тяжело́. В пе́рвый же день он си́льно уста́л.

Узенькая ко́зья тропи́нка пробега́ла по замше́лым[2] ска́лам и о́сыпям ще́бня. Она́ то заводи́ла к крутизне́ и обры́вам, так что приходи́лось возвраща́ться обра́тно и разы́скивать друго́й путь, то теря́лась в середи́не расска́ты[3], и тогда́ Чуба́рка начина́л беспо́мощно кида́ться во все сто́роны, осыпа́я из-под копы́т гру́ды камне́й.

Нет, э́та доро́га была́ не по его́ величине́ и ве́су.

Оте́ц ви́дел, как дрожа́ли у него́ но́ги, как ввали́лись бока́ и как гру́стно опуска́л он во вре́мя остано́вок свою́ хо́леную го́лову.

Совсе́м ина́че вела́ себя́ ма́ленькая, как коза́, то́щая лошадёнка лесника́. Это была́ ме́стная кирги́зская ло́шадь. Она́ легко́ кара́бкалась на кру́чи. Сади́лась на круп и так, почти́ си́дя, съезжа́ла по отве́сным спу́скам. А когда́ вса́дники остана́вливались, что́бы закури́ть, она́, споко́йно пома́хивая хвосто́м, норови́ла зацепи́ть каку́ю-нибудь колю́чку и подзакуси́ть на досу́ге.

Со́лнце пока́зывало по́лдень, когда́ пу́тники останови́лись у высо́кой вы́ветрившейся скалы́. Это был вход в Койна́рский ледни́к.

Бе́лая-бе́лая до бо́ли в глаза́х, мя́гкой и пуши́стой каза́лась доли́на ледника́. То́лько чёрные зу́бы скал, кое-где́ оска́лившиеся из-под сне́га, говори́ли о том, что на́до быть о́чень осторо́жным, что́бы не оста́ться тут навсегда́.

Дул поры́вистый, зво́нкий ве́тер. Дымко́м пробега́л заве́рченный ве́тром снег. И что бы́ло осо́бенно неприя́тно — не́бо начина́ло пло́тно затя́гиваться ту́чами.

Пу́тники торопи́ли коне́й. Чуба́рый уже́ не́сколько раз споткну́лся, упа́л и разби́л до кро́ви о́ба коле́на.

---

[1] Белки́ — верши́ны гор, покры́тые ве́чным сне́гом.
[2] Замше́лым; замше́лый — покры́тый мхом.
[3] Расска́ты; расска́та — ка́менная ро́ссыпь по скло́ну горы́.

Киргизская лошадка тоже приуныла. А хозяин её, как только заметил тучи, принялся жалобно выть и причитать.

Уу-у-у! Уу-у-у! — тонко-тонко кричит ветер, пробегая по узкому, как труба, ущелью. Потом рванёт его как-то в сторону, и он басом скажет: гу!

Чубарый окончательно выбился из сил и едва передвигал ноги. Наконец он вовсе стал. Отец слез и пошёл пешком. Он попробовал вести Чубарого в поводу, но конь упирался. Приходилось тащить его силой.

Идти по крутой, неровной тропинке в длинной шубе да ещё тащить за собой лошадь — тяжёлая задача. Невольно разбирала досада: ведь едет же киргиз на своей клячонке! А тут здоровый жеребчина... такой откормленный, сытый...

Отец с раздражением дёрнул повод. Чубарый задрал голову и попятился. Это взорвало отца:

— А, так! Не желаешь идти в поводу — ладно...

Он снова сел в седло и несколько раз хлестнул ло-

шадь нагáйкой. До сих пор он никогдá не бил егó. Чубáрый, дрожá и поджимáясь, заторопи́лся по устýпам...

Сни́зу, из ущéлья, больши́м мохнáтым медвéдем вы́валилась тýча. Догналá, перегналá пýтников и закры́ла от них доли́ну ледникá. Стáло ещё темнéе.

Голубáя мóлния полоснýла нéбо. Загремéл гром. Тот, кто никогдá не слыхáл громовóго удáра в горáх, не в состоя́нии дáже представáвить себé, как э́то звучи́т. Гря́нет он с чёрного нéба, слóвно из бéздны, а с земли́ великáнскими голосáми закричáт в отвéт грани́тные скáлы-исполи́ны. И э́хо повтори́т, уси́лит ещё жýткий хор; оглуши́т, прити́снет к землé...

Ничтóжной козя́вкой чýвствует себя́ человéк среди́ разгуля́вшихся сил прирóды. И дáже сáмого хрáброго охвáтывает страх и сознáние своéй пóлной беспóмощности.

Тропи́нку замелó. Пробирáлись наугáд. Бýря уси́лилась, поднялся́ снéжный бурáн. Темнотá от туч переходи́ла в глубóкий мрак нóчи.

Пýтники погоня́ли лошадéй, чтóбы поскорéе вы́браться из ледникá. Кирги́з уверя́л, что до концá снéга остáлось не бóльше киломéтра.

Вдруг Чубáрый останови́лся. Отéц трóнул повóдья раз, другóй — он ни с мéста; удáрил егó нагáйкой — конь дёрнулся бы́ло вперёд, но опя́ть заартáчился, замотáл головóй и сдéлал движéние в стóрону.

Он я́сно покáзывал всем свои́м поведéнием, что здесь óчень опáсно и нет никакóй дорóги. Но отéц вы́нудил егó повиновáться.

Чубáрый взды́бился, сдéлал громáдный прыжóк...

Что произошлó в слéдующий момéнт, отéц не мог сообрази́ть. Он вы́летел из седлá и грóхнулся об лёд.

То мéсто, кудá Чубáрка откáзывался идти́, бы́ло фи́рновым мостóм [1]. Мéжду скáлами намелó снéгу. Он

---

[1] **Фи́рновым; фирн** — оледенéлый, слежáвшийся снег.

перекинулся с кра́я на край и све́рху заледене́л коро́й. Всё как бу́дто кре́пко и про́чно. Но где́-то внизу́, на большо́й глубине́, пустота́, сво́дчатая пеще́ра.

Когда́ Чуба́рый пры́гнул и все́ю тя́жестью опусти́лся на пере́дние но́ги, лёд не вы́держал, проломи́лся. Конь провали́лся по са́мое брю́хо. Он сде́лал уси́лие и пры́гнул ещё. Пере́дние но́ги вы́свободились, но за́дние увя́зли ещё глу́бже.

Он отча́янно заби́лся, стал кида́ться в ра́зные сто́роны, расшевели́л всю ма́ссу сне́га. И вот, неожи́данно, вся лави́на тро́нулась с ме́ста. Все́ю тя́жестью напёрла она́ на несча́стного коня́. Чуба́рый тоскли́во, сло́вно проща́ясь с хозя́ином, заржа́л. Кровь хлы́нула у него́ из го́рла...

И так, сто́я на за́дних нога́х, полураздáвленный, с гри́вой, ды́бом подня́вшейся над его́ изму́ченной мо́рдой, он стал ме́дленно опуска́ться в про́пасть.

Кирги́з ви́дел, как сне́жная лави́на исче́зла в глубине́ тре́щины. При вспы́шках мо́лнии он не мог разгляде́ть всего́ хороше́нько и реши́л, что о́ба поги́бли — и ло́шадь и вса́дник.

Он слез с седла́, сел на снег и запла́кал.

Неизве́стно, до́лго ли прогорева́л бы он тут над про́пастью, е́сли бы не заме́тил, что ло́шадь его́ отошла́ на не́сколько ме́тров. Он попо́лз за ней на четвере́ньках. Ло́шадь опусти́ла го́лову и, ню́хая доро́гу, осторо́жно шла вперёд. Кирги́з где ползко́м, где дрожа́щими от стра́ха нога́ми пробира́лся за ней.

Вот и коне́ц сне́гу. Ло́шадь останови́лась и огляну́лась. Кирги́з пойма́л пово́дья, влез в седло́. Через два часа́ он сиде́л у жа́ркого очага́ в киби́тке ве́рхнего а́ула и расска́зывал о том, как шайта́н[1] унёс в про́пасть лесни́чего.

Мо́лния, блесну́вшая в моме́нт ги́бели Чуба́рого, пога́сла. Наступи́ла продолжи́тельная темнота́. Оте́ц

---

[1] Шайта́н — чёрт, бес.

поднялся и напряжённо вглядывался туда́, где то́лько что би́лась несча́стная ло́шадь.

— Не мо́жет быть, не мо́жет быть... — гро́мко тверди́л он сам себе́. — Како́й у́мница!.. Как он упо́рно боро́лся, что́бы спасти́ жизнь себе́ и мне...

И с наде́ждой он ждал но́вой мо́лнии. Вот сейча́с она́ блеснёт, и он сно́ва уви́дит Чуба́рого. На́до то́лько постара́ться поддержа́ть его́ за по́вод. И он вы́карабкается... наве́рное вы́карабкается.

Мо́лния раке́той взвила́сь в не́бе. И оте́ц уви́дел... тёмную про́пасть и бе́лый столб взлохма́ченного сне́га, кото́рый пляса́л над Чуба́ркиной моги́лой.

Оди́н в разбушева́вшемся леднике́...

При пе́рвых же шага́х он провали́лся в я́му: вокру́г намело́ огро́мные сугро́бы.

Собра́в все си́лы, он засвисте́л и закрича́л леснику́:

— О-го-го-го-гооау!..

Прислу́шался. Бура́н зареве́л сильне́е.

«Нет, где уж тут! Мо́жет, он и бли́зко, да ра́зве тут услы́шишь!»

Он почу́вствовал озно́б, нахлобу́чил поглу́бже уша́стую ша́пку. Па́льцы закочене́ли и не сгиба́лись. Нестерпи́мо захоте́лось заку́таться в шу́бу, лечь на снег и засну́ть. Но он превозмо́г э́то жела́ние и дви́нулся в путь, разгова́ривая и спо́ря сам с собо́й. Спотыка́лся, па́дал, увяза́л в сугро́бах. Встава́л и сно́ва шёл всё да́льше и да́льше, не зна́я, куда́ идёт.

Длиннопо́лый тулу́п пу́тался в нога́х. Оте́ц ско́ро уста́л, запыха́лся и вспоте́л. Добра́вшись до камне́й, он усе́лся, что́бы отдохну́ть и покури́ть. Но таба́к и тру́бка бы́ли на седле́, на ло́шади, а ло́шадь...

«Что же э́то тако́е?! Не бред ли, не дурно́й ли, кошма́рный сон?! Чуба́рый спас мою́ жизнь... Нет, он не мо́жет поги́бнуть...»

В отча́янии он затря́с голово́й. Схвати́л го́рстью снег, сде́лал не́сколько глотко́в и подня́лся. Лицо́ горе́ло, голова́ была́ лёгкая, а но́ги ны́ли от уста́лости.

Яркое го́рное со́лнце. Жгу́чий ве́тер с леднико́в. Ора́нжевые альпи́йские ма́ки под си́ним не́бом.

Дво́е кирги́зов сле́зли с коне́й и наклони́лись над челове́ком, спа́вшим на ка́мне.

«Что за челове́к? Отку́да он? Где его́ ло́шадь, ору́жие?» — верте́лось у ка́ждого на языке́. Но, ве́рные свои́м обы́чаям, кирги́зы, каза́лось, не удивля́лись. Они́ присе́ли на ко́рточки, не торопя́сь доста́ли из-за па́зухи флако́нчик с жева́тельным табако́м, заки́нули по щепо́тке за губу́ и погляде́ли друг на дру́га. Суети́ться, проявля́ть любопы́тство неприли́чно взро́слому мужчи́не. Кирги́зы мо́лча соса́ли таба́к, цы́кали слюно́й в сто́рону и разду́мывали.

В э́то вре́мя подъе́хал но́вый вса́дник — высо́кий, кости́стый стари́к. Он ночева́л в ау́ле, куда́ забрёл лесни́к, и слы́шал его́ расска́з.

— Это лесни́чий, — догада́лся подъе́хавший. — Так он, зна́чит, спа́сся? А там из ау́ла джиги́ты пое́хали, что́бы вы́тащить его́ те́ло из про́пасти. Встава́й, джолда́ш! [1] Нельзя́ спать на со́лнце!

Оте́ц с трудо́м по́днял го́лову. Ах, как она́ гуде́ла! В уша́х пря́мо стон стоя́л. Он ту́по огляде́л всех и сно́ва улёгся. Тогда́ стари́к взял его́ за пле́чи, по́днял, посади́л на свою́ ло́шадь и к но́чи доста́вил к нам домо́й.

Прошло́ о́коло ме́сяца. Оте́ц вы́здоровел. По́сле тяжёлой боле́зни выздоровле́ние всегда́ ра́достно. Он це́лые дни насви́стывал весёлые пе́сни, хорошо́ ел, мно́го спал и ча́сто смея́лся.

Мы с осужде́нием погля́дывали на него́.

— Смеётся, — говори́ли мы, собра́вшись за коню́шней. — А заче́м он ло́шадь сгуби́л? Что ему́ Чуба́рочка сде́лал плохо́го?

Оди́н раз нам веле́ли прове́трить посте́ли. Мы навью́чились поду́шками и одея́лами и карава́ном вы-

---

[1] Джолда́ш — това́рищ.

шли во двор. Со́лнце пали́ло вовсю́. Поду́шки поджа́рились, сло́вно на плите́. Мы переверну́ли их на другу́ю сто́рону и хвали́лись, кто лу́чше прове́трил.

— Моя́ горяче́е всех! — крича́ла Ната́ша. — Вот попро́буй-ка, ся́дь-ка. Пря́мо... вста́нешь.

Она́ сади́лась, вска́кивала и предлага́ла нам де́лать то́ же.

— А я свою́ ещё вы́хлопаю па́лкой, что́бы не́ было бо́льше микро́бов.

Па́лки дру́жно захло́пали.

— Ну вот, по́сле тако́й рабо́ты уже́ не вы́бьешь пыли́нки.

— А э́то мы погляди́м.

Я размахну́лась.

Одновре́менно с хлопко́м разда́лся отча́янный крик Юли:

— Не смей би́ться! По голове́ меня́ пря́мо...

— Его́ же ты подхо́дишь сза́ди?

— А чего́ ты разма́хиваешься?

— Так я ж не ви́дела.

— «Не ви́дела»! А ты бы посмотре́ла.

— Что ж нам тепе́рь де́лать? Го́лову заки́нь наза́д, а то кровь о́чень...

При ви́де кро́ви Юля приняла́сь гро́мко пла́кать.

В э́то вре́мя из-за угла́ вы́летела Со́ня.

— Не реви́, посто́й, — торопли́во сказа́ла она́ Юле. — Там про Чуба́рого но́вости. Каза́к-объе́здчик там, на крыльце́, расска́зывает.

И она́ исче́зла, подхвати́в Ната́шу.

Про Чуба́рого? Но́вости? Каки́е же про него́ мо́гут быть но́вости?

Я пожа́ла плеча́ми.

Юля вы́терла фа́ртуком глаза́ и распу́хший нос. Мне о́чень ста́ло неприя́тно, что у нас так нехорошо́ получи́лось. Я извини́лась, и мы, помири́вшись, побежа́ли к до́му.

Объе́здчик уже́ на́чал расска́зывать. Ша́пка на заты́лке; ружьё поста́вил ме́жду коле́н; разгорячи́лся,

размáхивает рукáми. А все слýшают внимáтельно, смóтрят емý прямо в рот.

— Тúше, — говорят нам, когдá мы, запыхáвшись, подбегáем, — э́то про Чубáрого.

— Ну вот, знáчит, вы́пил я для хрáбрости вóдки, скидáю полушýбок и говорю́: «Ну, вы своегó шайтáна бóйтесь, а мне на шайтáна начхáть. Да и нет их вóвсе, шайтáнов вáших. Вяжúте, айдáте, мне под грудя́ми аркáн и спущáйте. И уж бýдьте надёжны: и вьюк, говорю́, и седлó — всё в аккурáт предстáвлю». Ну, а киргúзы — онú, конéчно, рáды. Потомý им спущáться по их суевéрию бóязно. Обвязáли онú меня́ всегó вдоль и поперёк и спущáют. Качýсь я по льдý. Крутизнá — смерть! Эх, дýмаю, отпýстят аркáн — поминáй как звáли! Вниз лýчше и не смотрéть: концá-крáю никáк не видáть. Бездóнная, слóвом сказáть, прóпасть. Треплю́сь я себé, как червя́к, на верёвочке... Вдруг — стоп!.. Льдúна однá, здоровéнная, вы́перлась бóком, на манéр пóлочки, и дорóгу мне загорáживает. Стал я на неё обéими ногáми, огляде́лся и... Мать честнáя! Что э́то — рóвно храп какóй? Вúжу, стоúт он. Весь вдавúлся в снеговýю стéну. Бéлый, обмёрзлый. Грúва, хвост — сосýльки однú. Из носу тóже сосýльки топóрщатся. И над глазáми — вмéсто ресни́ц. Стоúт, нá стену навалúлся, да так и примёрз к ней бóком. А под льдúною!..

Казáк зажмýрился и покрутúл головóй.

Потóм продолжáл, ещё пýще разгорáясь:

— И вот ведь — живóтная, а глядúте, до чегó смышлёная! Трóе сýток ведь так простоя́л, не шелохнýлся. Тóлько глазáми вóдит, да нóздри так и трепéщутся, так и дрожáт. Прижáлся я к немý. Ах, дýмаю, гóре-то какóе! И помóчь, глáвное, нéчем. А кóнь-то уж бóльно обнадёжен — меня́ пря́мо ест глазáми. Что ты бýдешь дéлать? Дёрнул я верёвку три рáза, как бы́ло полóжено. Стáли меня́ подымáть. А конь!.. Как увúдел, что я ухожý и опя́ть егó одногó бросáю, повернýл за мной мóрду, слёзы в глазáх и хрипúт — зовёт: по-

моги́, мол, брат, не уходи́, не дай замёрзнуть живо́му!..

Со́ня отверну́лась. Юля прижа́ла рука́ми набро́шенный на лицо́ фа́ртук. Ната́ша совсе́м бли́зко подошла́ к расска́зчику, гла́дила его́ коле́но ма́ленькой загоре́лой ру́чкой и шепта́ла:

— Ну, а пото́м... пото́м чего́?..

— Наверху́ обступи́ли меня́ кирги́зы. Почему́, де́скать, ты не снял седла́ и вьюк не захвати́л с собо́й? Тут меня́ разобра́ло. Тварь жива́я, мо́жет, говорю́, погиба́ет, а вы с седло́м пристаёте! Коня́ вы́ручить беспреме́нно, говорю́, на́до. Трясу́т голова́ми: «Ой, бой! Как мо́жно, ника́к э́того не мо́жно. Провали́лся жеребе́ц — пуска́й там и сдыха́ет. Челове́к доро́же коня́». Они́ своё, а я своё. Тут вы́звался кирги́з — лихо́й джиги́т — спуща́ться со мно́й. Взя́ли դосо́к, кошму́ — и айда́. Наси́лу опя́ть разыска́ли. Не позва́л бы конь — прошли́ бы ми́мо. Ши́бко уж бе́лый он — в снегу́ во́все теря́ется...

Каза́к замолча́л и завози́лся с табако́м и бума́гой. Но скру́ченная цига́рка так и оста́лась

незаклéенной, потомý что все наперебóй затороп́или егó вопрóсами:

— Ну что же, вы́тащили вы егó из прóпасти?

— Как же вам удалóсь, а?

— И что же он, прáвда живóй?

— Трóе сýток во льдý! Шýтка ли дéло!

— Я и сам не надéялся. Да ведь вот удалóсь — вы́тащили. Обернýли егó вóйлоком, обвязáли аркáном, дóски под живóт подвели́ — и айдá... Тянýли, тянýли... и вы́тянули. Размотáл я верёвки. Из тюкá срáзу — пар. Чубáрый отогрéлся, вспотéл, шерсть на нём закурчáвилась. Лежи́т весь мóкрый, слáбый и головы́ поднять не мóжет! Схвати́л я буты́лку вóдки и емý в рот — раз! Вы́пил Чубáрый — головóй тóлько замотáл. Прикры́л егó снóва кошмáми. Стóнет лежи́т. Кирги́зы все в однý дýшу: околéет конь. Всё еди́но, говоря́т, сдóхнет. А я говорю́: дáйте срок — отды́шится. Онó по-мóему и вы́шло. Отдышáлся...

Казáк широкó улыбнýлся. Натáша снóва лáсково поглáдила егó по колéну.

Чубáрый не мог подня́ть головы́ и дóлго не притрáгивался к едé. Но потóм, когдá он обсóх, у негó проснýлся вóлчий гóлод. Емý дáли немнóго овсá. Натáяли в казанкé снéга и напои́ли тёплой водóй. Потóм постáвили нá ноги. Он не мог переступáть и всё вали́лся нá бок. С негó сня́ли тяжёлый вьюк и седлó и, подпирáя, поддéрживая со всех сторóн, потихóньку своди́ли с горы́.

Через кáждые дéсять — пятнáдцать шагóв Чубáрый пáдал. Емý давáли полежáть, потóм снóва поднимáли и так, почти́ на рукáх, вели́ дáльше. Кáждый шаг от своéй ледянóй моги́лы Чубáрому приходи́лось брать с бóю. Ледни́к остáлся позади́. До жилья́ бы́ло ужé недалекó. Но кирги́зы вы́бились из сил и реши́ли остáвить лóшадь на дорóге.

Снóва жизнь Чубáрки висéла на волоскé. Нóчью больнýю, беспóмощную лóшадь, конéчно, заéли бы вóлки. В э́то врéмя сквозь верхýшки ёлок полыхнýл

огонёк и осипшая киргизская собака простуженно залаяла невдалеке.

Из аула спешила подмога.

— Живой! — послышались восклицания. — Неужели живой?!

— Живой, живой! Вытащили живьём из могилы.

Ещё несколько сотен неверных, дрожащих шагов — и Чубарый тяжело рухнул возле кибитки.

У костров забегали люди. Подбежали кудлатые, оборванные щенки и с ворчаньем обнюхали коня. Мимо с тревожным фырканьем и ржаньем пронеслись лёгкие тени кобылиц.

А Чубарый лежал, вытянув на ласковой траве свою большую простуженную голову, и трудно, хрипло стонал.

Больше месяца жил Чубарый в горах, на пастбище. Одна за другой приходили о нём вести: Чубарый уже поднимается, Чубарый уже может ходить, Чубарый заржал.

Каждую новую победу Чубарки над болезнью мы встречали шумной радостью.

— Чубарку приведут завтра утром, — услышали мы однажды за обедом.

— Конюшню для него мы уже давно приготовили, — поспешно заявила Соня.

Отец мельком взглянул на неё и как-то невесело усмехнулся.

Несколько дней назад он объезжал леса и по дороге наведался к Чубарому.

— Ничего не осталось от прежней лошади. Это теперь какой-то живой укор совести, — проговорил он как-то непонятно.

Потом Наташа приставала с расспросами:

— Что это было у Чубарки? Болело у него что? Папа говорил — укор у него какой-то.

— Укор совести, — поправила Юля. — Нет, просто лёгкое у него одно выболело. Он примёрз боком к стен-

ке ледника́—оно́ и простуди́лось. А пото́м во́все вы́болело. Ну́жно два, а у него́ то́лько одно́ лёгкое оста́лось.

— А уко́р?

— Ну что́ — «уко́р»? Что ты повторя́ешь чужи́е слова́?.. Со́ня! А, Со́ня! Ра́зве уко́р со́вести — боле́знь?

— Коне́чно, боле́знь. Ещё как страда́ют от э́того.

— И Чуба́рка то́же страда́ет?

— Кто?

— Чуба́рка.

— Тьфу, глу́пые каки́е!

Она́ возмущённо поверну́лась ко мне́ и сказа́ла про Ната́шу:

— И всё э́то оттого́, что вся́кие микро́бы ле́зут во взро́слые разгово́ры.

Мы всегда́ немно́жко горди́лись Чуба́рым.

И тепе́рь, узна́в, что его́ веду́т, реши́ли устро́ить ему́ торже́ственную встре́чу.

— Вот у нас ло́шадь, — говори́ли мы на посёлке: — тро́е су́ток в ледяно́й тре́щине — и хоть бы что́! Одно́ лёгкое то́лько на́чисто вы́болело. За́втра Чуба́рика на́шего приведу́т. Идёмте встреча́ть его́ с на́ми!

По́сле таки́х разгово́ров у́тром к нам присоедини́лась це́лая вата́га ребя́т.

Вы́шли со сме́хом и пе́снями. По доро́ге мы расска́зывали о том, како́й молоде́ц наш Чуба́рка:

— Други́м лошадя́м тяжело́, а ему́ всё нипочём! Да вот вы са́ми уви́дите.

Прошли́ киломе́тра четы́ре. Дошли́ до конца́ большо́й карагачёвой алле́и. Вы́пили во́ду из фля́жек (хотя́, по пра́вде, пить никому́ не хоте́лось) и поверну́ли домо́й.

По доро́ге проезжа́ло мно́го люде́й. Ехали верховы́е кирги́зы по пять — де́сять челове́к. Ехали одино́кие вса́дники. Тарахте́ли по камня́м неуклю́жие пово́зки. Верховы́е бы́ли и на кля́чах, и на бегунца́х — аргама́ках, и на быка́х, и да́же на коро́вах. Ча́сто быва́ло так, что е́дет кирги́з на малю́сенькой, захуда́лой

кля́чонке, а ря́дом его́ жена́ на коро́ве. У жены́ на рука́х ребёнок, а у коро́вы к хвосту́ привя́зан телёнок. Вся компа́ния труси́т дро́бной рысцо́й. А ребёнок и телёнок реву́т что есть си́лы, стара́ясь перекрича́ть друг дру́га.

Мы при́стально вгля́дывались в проезжа́ющих. Бы́ли среди́ них и таки́е, что вели́ в поводу́ лошаде́й и́ли гна́ли их перед собо́й. Но на́шего краса́вца Чуба́рого мы не вида́ли нигде́.

— Нет, сего́дня его́ не приведу́т, — реши́ли мы наконе́ц и отпра́вились домо́й.

— Не приведу́т его́ сего́дня! — закрича́ли мы, входя́ в кали́тку са́да.

— Кого́? Чуба́рку? Да он давно́ уже́ здесь. Не узна́ли небо́сь?

— Как!.. Привели́? Уже́? Как же мы его́ прогляде́ли? А где же он? В коню́шне?

От нетерпе́ния мы ника́к не могли́ отложи́ть тяжёлый засо́в. Толка́лись, меша́ли друг дру́жке.

— Пусти́ — я...

— Сто́й-ка, ты не та́к...

— Да́йте-ка я лу́чше попро́бую.

Нам не терпе́лось взгляну́ть на Чуба́рого, погла́дить его́, попо́тчевать са́харом, почу́вствовать, как он осторо́жно собира́ет с ладо́ни мя́гкими, как пуши́нка, губа́ми.

Вот сейча́с он почу́ет, что мы несём ему́ са́хар, зво́нко заржёт и весь заигра́ет от ра́дости.

Наконе́ц распахну́ли коню́шню.

Худа́я, как скеле́т, костля́вая, вся кака́я-то встрёпанная кля́ча лежа́ла в сто́йле на соло́ме. Она́ с трудо́м поверну́ла к нам го́лову, хри́пло застона́ла — заны́ла вме́сто ржа́нья и сейча́с же зака́шлялась.

— И э́то Чуба́рка? — го́рестно вы́рвалось у нас.

— Бе́дный, бе́дный...

— Нет, как же э́то?..

— Ну что же! Он тепе́рь ещё лу́чше пре́жнего. Добре́е... А у́мный како́й...

— Он тепе́рь совсе́м-совсе́м до́брый, — сказа́ла Ната́ша, едва́ уде́рживая слёзы.

— На́, Чуба́ренький, ку́шай, — хлопота́ла о́коло него́ Юля.

Мы с Со́ней до́лго молча́ли. Но когда́ я разжа́ла гу́бы, пе́рвым мои́м сло́вом бы́ло:

— Так вот что зна́чило «живо́й уко́р со́вести»... Но ра́зве мо́жно его́, больно́го, куда́-нибудь отдава́ть!

— Да, — сказа́ла Со́ня со вздо́хом и приба́вила о́чень реши́тельно: — Никуда́ мы его́ отдава́ть не позво́лим!

До са́мого ве́чера сиде́ли мы на ко́рточках, погла́живая больну́ю ло́шадь; разгова́ривали вполго́лоса, сло́вно боя́лись её утоми́ть. К ча́ю пришли́ молчали́вые и реши́тельные.

— Ну что? — спроси́ли нас.

— Хоро́ший он како́й — до́брый, у́мный...

— А вы ра́зве не заме́тили?..

— Чего́? Он лу́чше стал гора́здо.

— Да. И мне он тепе́рь лу́чше нра́вится.

— И мне!

— И мне!

Четы́ре го́лоса дру́жно прозвуча́ли оди́н за други́м. Никто́ не заме́шкался, не отста́л. Чуба́рый тепе́рь нужда́лся в на́шей защи́те. Пуска́й не беспоко́ится: не вы́дадим.

Мать погляде́ла на на́ши взволно́ванные ли́ца.

— А молодцы́ у меня́ де́вочки, — сказа́ла она́.

В тот же ве́чер оте́ц с ма́терью поссо́рились. Они́ о́ба разгорячи́лись и крича́ли на весь дом.

— Никуда́ и никому́ я его́ не отда́м! — слы́шался за две́рью зво́нкий го́лос ма́мы.

— Да пойми́ же ты: всё равно́ ведь он сдо́хнет!

— Ну что же! Пуска́й! Сдо́хнет так сдо́хнет. А мо́жет быть, вы́живет. Он спас твою́ жизнь и пусть тепе́рь дожива́ет в поко́е и хо́ле.

— Но мне для разъе́здов нужна́ ло́шадь, а не персона́льный пенсионе́р!

— И прекра́сно. Заводи́ себе́ другу́ю ло́шадь. А Чуба́рку оста́вь ребя́там. Вы́ходят его́ — их сча́стье.

Со́ня не удержа́лась и хло́пнула в ладо́ши:

— Ну и ма́ма! Ну и молоде́ц!

Она́ толкну́ла дверь, и мы со смущёнными и ра́достными ли́цами гурьбо́й ввали́лись в ко́мнаты.

. . . .

Утром мы нашли́ Чуба́рого в том же положе́нии, что и вчера́. То́лько соло́ма вокру́г него́ была́ помя́та и разбро́сана. В чёлке и гри́ве запу́талось мно́го соло́минок. Ви́дно бы́ло, что он би́лся о зе́млю, стара́ясь подня́ться. Это вчера́шний дли́нный перего́н о́тнял у него́ после́дние си́лы.

Когда́ мы подошли́, он сно́ва попро́бовал подня́ться: вы́тянул пере́дние но́ги и с уси́лием привста́л.

Напра́сный труд.

За́дние но́ги и круп совсе́м не слу́шались его́. Чуба́рый тяжело́ повали́лся, вздохну́л и заколоти́лся голово́й о подсти́лку. Пото́м сно́ва рвану́лся.

— Встаёт!.. Ну́-ка, подде́ржим.

Со́ня подста́вила плечо́. Я помогла́ ей.

Мы ви́дели: так де́лал оди́н изво́зчик, когда́ у него́ упа́ла ло́шадь.

— А ну! А ну!

Юля и Ната́ша лови́ли негну́щиеся Чуба́ркины но́ги и стара́лись найти́ для них то́чку опо́ры.

— Ага́, ага́, встаёт! Но-о! Чуба́рик, нnooo!

— Ах, чтоб тебя́!..

— Что ты кричи́шь?

— Да, само́й бы тебе́ так...

Чуба́рый стоя́л, растопы́рив но́ги. Со́ня мо́рщилась и скрежета́ла зуба́ми: одно́ из свои́х копы́т он поста́вил ей на босу́ю но́гу.

Я бро́силась на по́мощь.

— Нет, нет, не толка́й его́ так... Ты то́лько чу́точку подними́... Ну, вот и ла́дно.

Нога́ была́ запа́чкана наво́зом. Сквозь грязь видне́лась огро́мная сса́дина.

— Заживёт, — реши́ла Со́ня.

Ната́ша разыска́ла в углу́ коню́шни каку́ю-то гря́зную бума́жку, послюни́ла и прикрепи́ла её к Со́ниной ра́не.

— А то му́хи нага́дят, — поясни́ла она́ с ви́дом о́пытного до́ктора.

Пока́ Чуба́рый не мог пасти́сь сам на лугу́ за огра́дой, мы рва́ли для него́ траву́ рука́ми. Он лежа́л недалеко́ от коню́шни. Иногда́ там быва́ло со́лнце, но трава́ о́коло него́ никогда́ не быва́ла вя́лой: мы без конца́ приноси́ли све́жую. Кро́ме того́, мы таска́ли ему́ всё, что попада́лось на глаза́: овёс, краю́ху хле́ба, са́хар. Замеша́ют ли по́йло для коро́вы — мы непреме́нно найдём мину́тку, ста́щим для Чуба́рого отрубе́й и́ли свёклы. Или посечём сухо́й кле́вер, обдади́м горя́чей мучно́й болту́шкой, приба́вим «по вку́су» со́ли и угоща́ем на́шего больно́го.

Чуба́рый до́лго был костля́вым и некраси́вым, но нам он каза́лся краса́вцем.

По утра́м мы чи́стили его́ скребни́цей и щёткой, расплета́ли и заплета́ли его́ гри́ву, чёлку и хвост в ту́гие коси́чки. И ка́ждую таку́ю коси́чку завя́зывали на конце́ я́ркой косоплёткой. Ната́ша це́лыми часа́ми разгова́ривала с конём, трудя́сь над его́ причёской. Чуба́рый с удово́льствием слу́шал её го́лос и смех. Конь ле-

жа́л, и больша́я голова́ его́ приходи́лась как раз вро́вень с живото́м де́вочки. Иногда́ она́ шепта́ла ему́ что́-нибудь в у́хо. Конь тряс голово́й, а Ната́ша залива́лась сме́хом и говори́ла:

— Нет, пра́вда! Ты что трясёшь голово́й, не ве́ришь?

Чуба́рый привы́к, что мы о́коло него́ постоя́нно во́зимся, разгова́риваем. Без нас он скуча́л. И е́сли мы куда́-нибудь отлуча́лись, он всё ещё через си́лу, с надры́вом и ка́шлем, принима́лся ржать. И нам бы́ло веселе́е во́зле Чуба́рки. Мы да́же чита́ть собира́лись к нему́.

До́ма начина́ли ворча́ть:

— Вы уж захва́тывайте заодно́ свои́ посте́ли и перебира́йтесь совсе́м жить в коню́шню.

Труды́ на́ши не пропа́ли да́ром.

Чуба́рому с ка́ждым днём станови́лось лу́чше. Сперва́ он, осторо́жно передвига́я но́ги, броди́л по́ двору. Пото́м стал спуска́ться через огоро́д к о́зеру. Там, на берегу́, согре́тый я́ркими луча́ми, он стоя́л и дрема́л.

У купа́лен всегда́ бы́ло ве́село. Мы с деся́тком поселко́вых ребя́т це́лый день полоска́лись в воде́, а, когда́ выбира́лись на бе́рег, Чуба́рый открыва́л глаза́ и тяну́л к нам вздра́гивающие но́здри.

— Чуба́рка! Чуба́рка! — зва́ли его́ из воды́.

Чуба́рый поднима́л го́лову и при́стально вгля́дывался в синеву́ о́зера. Разгляде́в на́ши стри́женые, кру́глые, как шары́, го́ловы, он принима́лся ходи́ть по бе́регу, ржать, а то да́же спуска́лся в во́ду. Мы хвата́ли его́ за гри́ву и тяну́ли вглубь. Чуба́рый упира́лся. Пе́рвое вре́мя он не отва́живался заходи́ть глубоко́, но постепе́нно осво́ился и полюби́л купа́нье.

Ка́к-то ма́ме пона́добилось посла́ть нас за че́м-то. Она покли́кала нас во дворе́. Не нашла́ никого́ и пошла́ за на́ми в купа́льню. Щу́рясь от со́лнца и ве́тра, взошла́ она́ на мостки́, далеко́ уходя́щие в во́ду, и начала́ звать.

На зов из купа́льни вы́плыла па́ра соба́к, косма́тая голова́ Чуба́рого и с полдю́жины загоре́лых крикли́вых чертеня́т.

Весь обсы́панный ребя́тами, Чуба́рка вы́шел из воды́, фы́ркнул, отряхну́лся и по-соба́чьи передёрнулся всей шку́рой.

— А зна́ете, ведь он и впра́вду попра́вился! — удивлённо заме́тила ма́ма.

Этот день был после́дним днём Чуба́ркиной боле́зни.

Прошло́ ещё не́сколько неде́ль.

И вот одна́жды во дворе́ разда́лся ра́достный клич. Ми́мо окна́ прогарцева́л сы́тый, отли́чно вы́чищенный конь. На спине́ у него́ восседа́ли четы́ре де́вочки в кра́сных ша́почках.

Со́ня — впереди́ всех — держа́ла пово́дья. За ней сиде́ла Юля, обхвати́в её руками поперёк живота́; да́льше то́чно таки́м же о́бразом умости́лась я, а Ната́ша — четвёртая — повисла над са́мым хвосто́м.

Чуба́рого разукра́сили на сла́ву: гри́ва и хвост пестре́ли я́ркими лоскутка́ми. Над чёлкой красова́лся пучо́к кра́сного ма́ка. И весь вы́езд име́л о́чень торже́ственный вид.

— Тпрруу-у! — сказа́ла Со́ня, натя́гивая пово́дья. Ну, мы пое́хали в го́род. Покупа́ть ничего́ не на́до? А то мы мо́жем...

— Ишь ты, кака́я у них прыть! То́лько в го́род — э́то сли́шком далеко́, а здесь, о́коло до́ма, пожа́луйста, поката́йтесь. Осторо́жнее то́лько, что́бы Ната́ша...

— Но-о, Чуба́рый! Рабо́тай нога́ми! Гоп-ля!

Четы́ре ша́почки раскла́нялись. И Чуба́рый мя́гким хо́дом — престу́почкой — понёс нас по широ́кой пы́льной доро́ге.

До́брую полови́ну дня мы проводи́ли на ло́шади. Ездили и без седла́ и в седле́, пры́гали через кана́вы, забо́ры, учи́лись слеза́ть и сади́ться. Нам с Со́ней — ста́ршим — бы́ло удо́бно, а вот Юле и Ната́ше си́льно меша́л ма́лый рост. Ната́ше приходи́лось влеза́ть на

седло́ в три приёма: снача́ла, уцепи́вшись рука́ми, подтя́гиваться на стре́мя, пото́м перехвати́ться за луку́ и лечь живото́м на седло́, а там уже́ переки́нуть но́гу через спи́ну и умости́ться как сле́дует. Но таки́е ме́лкие затрудне́ния никого́ не смуща́ли.

— Это что — научи́ться е́здить! Нет, вы научи́тесь па́дать — тогда́ я скажу́: вот э́то здо́рово! — пошути́л одна́жды оте́ц.

Весь сле́дующий день мы упражня́лись в па́дании: на́до бы́ло проезжа́ть ры́сью ми́мо разбро́санной во́зле сто́га соло́мы и, не замедля́я хо́да, па́дать на неё с ло́шади. До́лго нам э́то не дава́лось: ру́ки ка́к-то са́ми натя́гивали по́вод. Да и па́дать бы́ло неприя́тно.

— Па́дать о́чень тру́дно, — призна́лись мы по́сле отцу́.

— А ра́зве вы про́бовали?

— Про́бовали. И не смогли́. То́лько Со́ня одна́...

И мы рассказа́ли ему́ про на́ши упражне́ния.

Незаме́тно подошла́ зима́. Ка́ждый день Чуба́рого запряга́ли в са́ни и отвози́ли нас в го́род, в шко́лу. Он так привы́к подъезжа́ть в семь часо́в утра́ к до́му, что его́ то́лько запряга́ли, а да́льше уж он сам: открыва́л мо́рдой воро́та, выходи́л и станови́лся у крыльца́.

Мы с Со́ней (Юля и Ната́ша тогда́ ещё не́ были в шко́ле) выбега́ли с су́мками, сади́лись в са́ни и торопи́ли:

— Скоре́й, Чуба́ренький, а то опозда́ем!

До́ма ча́сто все быва́ли за́няты, и за ку́чера сажа́ли Юлю. В армяке́, в ша́пке с уша́ми и в больши́х рукави́цах, она́ влеза́ла на ко́злы. А на крыльце́ в э́то вре́мя зака́нчивалась очередна́я схва́тка ме́жду ма́мой и Ната́шей:

— И я то́же с ни́ми! Что я, ка́торжная, что́ ли, — до́ма сиде́ть?

— Да заче́м же тебе́ подверга́ть себя́ ли́шней опа́сности?

— Мне ли́шняя опа́сность — до́ма остава́ться.

— Да ты себе́ нос отморо́зишь!
— Ну и пусть...
— Как же ты тогда́ — без но́са? Нет, не пущу́... Тро́гай, Юля!
— Нет, подожди́, посто́й... Ай, подожди́!.. А-а-а!..
Гро́мкий рёв, кри́ки, и через мину́ту Ната́ша, сия́ющая, со слези́нками на глаза́х, гро́мко и торжеству́юще сморка́ется в саня́х.
Юля испуска́ет залихва́тский свист. Чуба́рка берёт с ме́ста, и мы несёмся вниз по гла́дкой, нае́зженной доро́ге.
Пра́вила Юля отли́чно. Послу́шали бы вы, как она́ ги́кала, щёлкала языко́м и на опа́сных поворо́тах говори́ла, успока́ивая коня́: «ооо... ооо...»
В база́рные дни доро́га была́ о́чень оживлённой: са́ни, ро́звальни, па́ры и да́же тро́йки торопи́лись на база́р.
Обы́чно же наро́ду бы́ло немно́го — е́хали мы да ещё дво́е-тро́е сосе́дских сане́й. Мы постоя́нно вызыва́ли их на соревнова́ние. Наго́ним и кри́кнем:
— А ну, понату́жьтесь!
Подни́мется смех, все оживя́тся, защёлкает кнут.
Чуба́рый дрожи́т от нетерпе́ния и всё налега́ет на узду́.
— Ооо... ооо!.. — ба́сом ворку́ет Юля, а в глаза́х у неё так и пля́шут бесеня́та.
Сосе́дские ло́шади бегу́т что есть си́лы. Мы поспева́ем сза́ди. Доро́га у́зкая. Но вот удо́бное месте́чко...
— Ии-и-иих! — зво́нко вскри́кивает Юля.
Мы все вска́киваем на́ ноги: э́то са́мый захва́тывающий моме́нт. Как бу́дто кто взял и переста́вил са́ни вперёд... Вот они́ сра́зу поравня́лись... Тяжело́ храпя́щие мо́рды чужи́х лошаде́й прохо́дят ми́мо на́ших лиц и остаю́тся за спино́ю.
Чуба́рый, всё разгора́ясь, всё набавля́я хо́ду, лети́т впереди́.
В на́ших саня́х неопису́емый восто́рг.

— Ти́ше! Ти́ше! — крича́т нам прохо́жие и прое́зжие.

— Ооо... шш... Ти́ше, ти́ше, Чуба́рый! Подождём э́тих черепа́х.

Мы остана́вливаемся и великоду́шно поджида́ем сосе́дей. У них ку́чером ма́ленький злой старичо́к.

— Погоди́ вот, сорванцы́! Сего́дня же скажу́ лесни́чему, что́бы бо́льше вас одни́х нипочём не пуска́ли. Ещё мо́да — ребя́та без ку́чера!

— А что? Мы вам меша́ем, что́ ли?

— Люде́й покале́чить хоти́те? Ра́зве так мо́жно е́здить? Нет, уж сего́дня папа́шке ва́шему скажу́. Всё как есть ему́ объясню́.

У нас в саня́х тишина́, уны́ние.

— У вас отли́чный коренни́к! — восторга́ется вдруг Со́ня.

— Но, но, ты мне зубо́в не загова́ривай! [1].

— Мы небо́сь ни ра́зу ещё ни на кого́ не нае́хали. А вы вот вчера́ заде́ли саня́ми.

— Ла́дно, ла́дно. Поговори́ у меня́! Экие зуба́стые, прости́ го́споди! — ворчи́т стари́к, сно́ва озля́сь. — Это уж там ви́дно бу́дет. А то́лько езде́ ва́шей бо́льше кры́шка.

А ну как и впра́вду не даду́т бо́льше пра́вить? Старика́шка ехи́дный — пойдёт и нажа́луется. Ска́жет: гоня́ют как сумасше́дшие, не смо́трят куда́.

Мы не на шу́тку беспоко́ились.

В шко́ле вы́звали меня́ по геогра́фии:

— А ну вот ты, сиди́шь тут — га́лок счита́ешь. Иди́-ка лу́чше сюда́, к доске́, и проведи́ карандашо́м по ка́рте. Как бы ты прое́хала по Во́лге, ска́жем, от у́стья к исто́кам? От у́стья к исто́кам, поня́тно?

Я вы́шла к доске́. Ста́ла у ка́рты, а сама́ всё про езду́ на́шу ду́маю.

— Ну, что ж ты? — спра́шивает учи́тель. — Не зна́ешь, как ну́жно е́хать?

---

[1] Ты мне зубо́в не загова́ривай — не пыта́йся разгово́рами отвле́чь от де́ла.

И вдруг я как во сне:

— Коне́чно, осторо́жно, — говорю́. — Мы е́здим всегда́ о́чень осторо́жно и никого́ ни ра́зу не заде́ли.

Пото́м меня́ задразни́ли за э́то.

Кто не ви́дел Чуба́рого ра́ньше, никогда́ не пове́рил бы, что э́тот конь провёл тро́е су́ток в ледяно́й про́пасти.

К нему́ верну́лись и ста́тность и красота́. То́лько го́лову он держа́л не так го́рдо, как пре́жде, да но́ги у него́ ча́сто отека́ли, да ещё на круты́х подъёмах он задыха́лся, а вы́бравшись наве́рх, до́лго не мог отдыша́ться. Зато́ в доли́нах, по ро́вной доро́ге, Чуба́рый дава́л почти́ пре́жнюю ре́звость.

Одна́жды мы ли́хо кати́ли из шко́лы. Впереди́ на доро́ге, у са́мого посёлка, чуть замая́чил одино́кий пешехо́д. Юля присви́стнула, и мы ми́гом его́ обогна́ли. Вдруг ви́дим — он ма́шет нам и смеётся.

— Посто́йте! Да э́то па́па!

— Тпрру! Сади́сь, па́па, подвезём!

Чуба́рый запляса́л на ме́сте. Оте́ц подошёл и, всё та́к же улыба́ясь, огляде́л коня́:

— А молодчи́на стал опя́ть мой Чуба́рый. Придётся вам... ишака́ купи́ть, что́ ли?

— Что же, купи́ — э́то о́чень хорошо́.

Оте́ц любова́лся конём.

Он протяну́л ру́ку и хоте́л потрепа́ть его́ по ше́е.

Но Чуба́рый всхрапну́л и рвану́лся в сто́рону. Уши он пло́тно прижа́л, зу́бы оска́лил. Глаза́ у него́ зажгли́сь злым огнём.

— Ты что э́то, брат? Неуже́ли всё ещё на меня́ в оби́де?!

И мы не могли́ поня́ть, что э́то вдруг Чуба́рому помере́щилось. Оте́ц попыта́лся ещё — Чуба́рый опя́ть рассерди́лся.

— Ну ла́дно. Пуска́й... Поезжа́йте.

— А ты?

— Нет, мне на́до зайти́ здесь по де́лу.

Юля нарóчно пропусти́ла отцá вперёд. А когдá он отошёл на порядочное расстоя́ние, взялá Чубáрого в вóжжи, и он в пóлном блéске пронёсся ми́мо отцá.

Мы бы́ли удивлены́ и óчень обрáдованы обещáнием пáпы: Чубáрка да ещё ишáк! Цéлый день обсуждáли, как мы тогдá размести́мся. Реши́ли так: оди́н ктó-нибудь на ишакé, а трóе — на Чубáрке. Отли́чно!

За обéдом отéц сказáл мáтери:

— Чубáрый-то наш совсéм попрáвился. Я ду́маю опя́ть начáть на нём éздить. А ребя́там я обещáл вмéсто негó ишакá.

— Вмéсто Чубáрки! — áхнули мы в оди́н гóлос.

— Ну, уж э́то ду́дки!

— Сначáла óтдали, а тепéрь отбирáть...

— Так хорóшие роди́тели не поступáют! — сказáла Сóня с дрóжью в гóлосе. — Ты, пáпа, конéчно, сейчáс вели́шь нам вы́йти из кóмнаты, но мы и сáми уйдём, а тóлько... нехорошó так!

Онá встáла и гóрдо напрáвилась к двéри. Я и Юля мóлча послéдовали за ней.

— Мáма! — сказáла Натáша, слезáя со сту́ла и тóже отправля́ясь за нáми. — А ты что же молчи́шь?

Мáма вступи́лась за нас. Онá чтó-то дóлго говори́ла вполгóлоса.

— Не могу́ же я отдáть здорóвую, си́льную лóшадь вмéсто игру́шки! — грóмко отвéтил отéц.

— Зачéм вмéсто игру́шки? На нём éздят в шкóлу, по вся́ким поручéниям. Чубáрый дóма несёт всю рабóту. А для объéздов он тепéрь не годи́тся: он мóжет опя́ть простуди́ться. Ведь у тебя́ же есть для э́того служéбная лóшадь. Наконéц, ты мóжешь купи́ть себé любу́ю лóшадь. Но Чубáрого вы́ходили ребя́та...

— А мне бóльше нрáвится и́менно Чубáрый. Я считáю, что нельзя́ так потакáть всем ребя́чьим капри́зам.

Они́ замолчáли. Мы тоскли́во перегляну́лись: вот так похвáстались Чубáркой! Чтó-то бу́дет тепéрь?

Чубáрка сам реши́л э́тот спор.

Стрáшные дни ледникá и дóлгая болéзнь навсегдá

запо́мнились ло́шади. Он положи́тельно боя́лся отца́, боя́лся его́ ви́да и го́лоса.

Из его́ рук он отка́зывался брать ла́комства и всегда́ прижима́л у́ши, когда́ оте́ц погла́живал его́.

Отцу́ э́то бы́ло неприя́тно. Чуба́рка пре́жде о́чень люби́л своего́ хозя́ина, и оте́ц стара́лся опя́ть с ним подружи́ться.

Ка́к-то ве́чером оте́ц в прекра́сном настрое́нии возвраща́лся домо́й. Проходя́ ми́мо коню́шни, он взду́мал зайти́ приласка́ть Чуба́рого и угости́ть его́ я́блоком.

В коню́шне бы́ло темно́. Оте́ц прошёл в сто́йло. Ло́шадь серди́то всхрапну́ла.

— Но-но́! Не узна́л? — примири́тельно кри́кнул оте́ц.

Нет, Чуба́рка узна́л его́ сра́зу. Он подобра́лся и вдруг изо всей си́лы гро́хнул копы́тами в сте́ну.

Оте́ц бро́сился в у́гол. Ло́шадь то́же прити́хла и вгляде́лась в темноту́.

— Чуба́рка! Чуба́рка, ты что э́то? А? Хозя́ина? Своего́ со́бственного хозя́ина? Ах ты, злопа́мятная скоти́на!

Через не́сколько дней к нам во двор привели́ горя́чего се́рого инохо́дца.

— Го́ден то́лько под седло́! — с дово́льным ви́дом объяви́л оте́ц. — Сиди́шь на нём сло́вно в кре́сле. А в уша́х ве́тер свисти́т, да столбы́ знай мелька́ют вдоль доро́ги.

Мы с увлече́нием испо́лнили за коню́шней та́нец «ди́ких с о́строва Фи́джи».

Вско́ре по́сле э́того оте́ц соверше́нно помири́лся с Чуба́рым, но никаки́х попы́ток отобра́ть у нас на́шего ве́рного дру́га он бо́льше не де́лал.

В Озёрный посёлок перебра́лся но́вый до́ктор. Это был весёлый то́лстый челове́к, и карма́ны у него́ всегда́ бы́ли наби́ты конфе́тами, крючка́ми для у́дочек, свисту́льками и други́ми прекра́сными и поле́зными веща́ми. На́шего Чуба́рку он называ́л «леднико́вый пери́од».

Нам о́чень нра́вилось, как он краси́во и нау́чно выража́лся. Карма́ны его́ то́же пришли́сь нам по душе́. Доктора́та бы́ли нам све́рстники. И всё бы́ло бы отли́чно, е́сли бы не ло́шади.

До́кторские гнеды́е не дава́ли нам жить. Ка́ждый день они́ лете́ли в шко́лу впереди́ Чуба́рого. Они́ бы́ли отли́чные ло́шади, э́ти до́кторские гнеды́е, мы должны́ бы́ли э́то призна́ть. А вы ду́маете — э́то прия́тно?

С пе́рвого же дня доктора́та ста́ли задева́ть Чуба́рого:

— Куда́ вам с ва́шим «пери́одом» до Орлика и Зме́йки!

— Да е́сли бы Чуба́рый то́лько захоте́л...

— А что же он не захо́чет?

— Сто́ит то́же... со вся́кими гоня́ться.

— «Со вся́кими»!.. У, хвастуни́шки несча́стные!

Мы до́лго крепи́лись. Гоня́ться по доро́ге в шко́лу нам запрети́ли, пригрози́в отобра́ть Чуба́рого. А до́кторские ду́мали: мы бои́мся — и дразни́ли нас всё пу́ще.

И мы не вы́держали.

— Ну ла́дно. Встава́йте то́лько пора́ньше — погляди́м, чья возьмёт.

Наза́втра, в шесть утра́, мы вы́ехали из воро́т и жда́ли на доро́ге.

Юля стара́тельно завяза́ла под подборо́дком тесёмочки от ша́пки.

Мы огляну́лись на до́кторский дом.

У них воро́та бы́ли на́стежь. Тёмно-гнеда́я па́ра стоя́ла в глубине́ двора́. Вот все выхо́дят, уса́живаются. Тро́нулись...

Стуча́ копы́тами, ко́ни пробежа́ли по мо́сту. Исче́зли за поворо́том. Ага́, вот они́...

— Тро́гай! — закрича́ла я вдруг неожи́данным каки́м-то го́лосом.

Са́ни дёрнулись. От толчка́ у меня́ зво́нко сту́кнули че́люсти.

Мы вы́ехали в по́ле.

Го́нка должна́ была́ нача́ться сра́зу же, за пе́рвым поворо́том, а зако́нчиться у спу́ска, во́зле ме́льницы, о́коло ка́менных столбо́в.

Мы волнова́лись за Чуба́рого и молча́ли. Был си́льный моро́з, но Юля стяну́ла рукави́цы.

— Жа́рко, — сказа́ла она́ и бро́сила их на дно сане́й.

Ло́шади вы́ровнялись и понесли́сь.

Мне хорошо́ запо́мнилось э́то у́тро. Над бе́лым по́лем холо́дный дым. Со́лнце то́лько-то́лько начина́ло выгля́дывать. По гла́дкой, пусты́нной доро́ге с ви́згом скользи́ли дво́е сане́й.

Сего́дня уж Юля не реши́лась пусти́ть проти́вника вперёд (как она́ иногда́ де́лала), а стара́лась держа́ться всё вре́мя наравне́.

Чуба́рый шёл превосхо́дно. Мы жда́ли то́лько пе́рвого ло́га. По́сле него́ сра́зу всё бу́дет я́сно. Там, за поворо́том, доро́га насто́лько у́зкая, что двум саня́м ря́дом ни за что́ не прое́хать. Ли́бо проскочи́ть вперёд, ли́бо пропусти́ть до́кторские са́ни.

Юля э́то хорошо́ понима́ла и торопи́лась изо все́х сил. Вот лог уже́ бли́зко, а са́ни всё ещё иду́т вро́вень.

За поворо́том спуск и небольшо́й подъём на го́ру. Ря́дом ещё есть ста́рая, почти́ забро́шенная доро́га. По ней и спуск и подъём коро́че, но гора́здо кру́че.

Юля огляну́лась на нас.

— Айда́ по ста́рой! — махну́ла руко́й Со́ня.

И в тот моме́нт, когда́ до́кторские са́ни проскака́ли вперёд, мы ре́зко поверну́ли, провали́лись в сугро́б, вы́брались на ста́рую доро́гу, а́хнули вниз и вы́летели наве́рх под са́мым но́сом у гнеды́х.

— Ой-ой! — вы́рвалось у кирги́за-ку́чера. — Кондай яхши́! [1]

Тепе́рь то́лько не пропусти́ть их в у́зком поворо́те у реки́.

Сза́ди слышны́ уда́ры кнута́. Это до́кторский ку́чер

---

[1] Вот как здо́рово!

в сердца́х хле́щет по гнеды́м. Наш Чуба́рый мчит впереди́ вдоль са́мого бе́рега. И вон уж видне́ются ка́менные сто́лбики...

После́дний поворо́т.

— Р-раз!..

Са́ни си́льно накрени́лись, раскати́лись, и мы, как горо́х, посы́пались на лёд.

Па́дая, я ви́дела, как мелькну́ли гнеды́е и, тяжело́ дыша́, ста́ли у фи́ниша[1].

Вы́тряхнув нас, са́ни вы́прямились. Юля си́льно уда́рилась, но оста́лась в саня́х. Она́ вы́ехала на доро́гу, останови́ла Чуба́рку и сконфу́женно гляде́ла, как мы, прихра́мывая и потира́я бока́, подбира́ли ша́пки и кни́жки.

Подбежа́ли до́кторский ку́чер и ста́ршая де́вочка.

Они́ уча́стливо спроси́ли, скрыва́я торжество́:

---

[1] Фи́ниша; фи́ниш — коне́ц, коне́чный пункт на бега́х.

— Ну что, все це́лы? Косте́й не полома́ли?

— Не полома́ли! — бу́ркнула Со́ня.

До́кторские, широко́ улыба́ясь, верну́лись обра́тно, что́-то кри́кнули, и гнеда́я па́ра споко́йно покати́ла да́льше.

«Тогда́ счита́ть мы ста́ли ра́ны...»

Со́ня вы́вихнула большо́й па́лец. Юля разби́ла зу́бы, сту́кнувшись о передо́к сане́й, и всё вре́мя плева́ла кро́вью. У Ната́ши была́ ши́шка на лбу и сса́дина на носу́, а мне отдави́ли но́гу.

Всем бы́ло бо́льно. Но что э́то за боль! Гла́вное, пе́рвыми пришли́ всё-таки гнеды́е!

К весне́ Чуба́рка совсе́м вы́правился и стал, как пре́жде, драчуно́м и забия́кой. Чуть то́лько забу́дут запере́ть воро́та, он уже́ на у́лице и уже́ дерётся с чужи́ми лошадьми́.

Он умудря́лся затева́ть дра́ку да́же в у́пряжи. Уви́дит, быва́ло, на друго́й стороне́ у́лицы ло́шадь, насторожи́т у́ши, вы́гнет ше́ю го́голем, так, что со стороны́ да́же смотре́ть тру́дно, и ме́дленно повора́чивает са́ни. Подхо́дит и начина́ет обню́хивать.

До́лго, изгиба́я ше́и и нетерпели́во то́пая нога́ми, стоя́т ло́шади, ноздря́ к ноздре́. Пото́м вдруг завизжа́т, вздёрнут мо́рды и сно́ва внюхиваются.

Так быва́ло, е́сли в у́пряжи. А без неё — друго́й разгово́р. Раз, два, поню́хались — и хвать зуба́ми за загри́вок! Или поверну́тся и угоща́ют друг дру́га уве́систыми уда́рами.

Весно́й на холма́х за посёлком пасло́сь мно́го лошаде́й. Чуба́рка неудержи́мо к ним стреми́лся. И е́сли э́то ему́ удава́лось, домо́й его́ приводи́ли покры́того рубца́ми, изо́дранного и иску́санного.

Оди́н раз ему́ так разби́ли глаз, что сде́лалось бельмо́. И до́лго мы вози́лись: лечи́ли Чуба́рку, вдува́я ему́ в больно́й глаз са́харную пу́дру.

А то ещё бы́ло — от уда́ра напу́х у него́ под мы́шкой здоро́вый нары́в. Мы ста́вили ему́ согрева́ющие

компрéссы, отгоня́ли мух, ту́чей лепи́вшихся на рáну, и цéлую недéлю от нас неслó йодофóрмом, как из аптéки.

— Чубáрка убежи́т к лошадя́м — и егó заколóтят!.. Запирáйте ворóта, Чубáрый убежи́т!.. Запирáйте конюшню, Чубáрый... Кто э́то остáвил откры́той кали́тку? — тóлько и слы́шалось цéлые дни.

У нас росли́ звéри и домáшние живóтные, но ни за одни́м из них нé было такóго надзóра, как за Чубáркой.

Из-за такóго несурáзного Чубáркиного поведéния Натáша рассóрилась в дéтском саду́ со своéй учи́тельницей. Они́ никáк не могли́ столковáться.

— Каки́е живóтные называ́ются ди́кими, а каки́е домáшними? — спроси́ли у неё.

— Котóрые живу́т дóма — те домáшние, а котóрые убегáют — ди́кие.

— Ну, назови́ какóе-нибудь ди́кое живóтное.

— Лóшадь, — не заду́мываясь, отвéтила Натáша и поясни́ла: — Чубáрка наш всё врéмя убегáет.

— Ну, а домáшние тогдá ктó же?

— Домáшние? Лисá, волк. Они́ никудá не убегáют. Тóлько в пóгреб óчень лéзут и в куря́тник.

Учителя́м оставáлось тóлько расхохотáться.

— Вот истóрия! Всё в головé перепу́талось.

Натáшу э́то оби́дело:

— Нет, ничегó у меня́ не пу́талось. Жеребéц — сáмое бéглое живóтное. А лисá у нас тóлько по шкафáм рóется, за сáхаром. Я э́то знáю навéрное: лисá у нас живёт цéлых три гóда. И вóлки. И никудá никтó не убегáет.

Так они́ и не пóняли друг дру́га.

Учи́тельница не стáла докáзывать, что исключéния тóлько подтверждáют óбщее прáвило.

А Натáша, когдá вы́росла, самá понялá и óчень посмея́лась над своéй оши́бкой.

. . . .

Сóня и я болéли сви́нкой. Шéи у нас распу́хли, выходи́ть нельзя́. Мы сидéли и тосковáли, зáпертые отдéльно от всех, в кóмнате с нáдписью «свинюшник».

Снару́жи весна́, со́лнце, ла́сточки, всю́ду гро́здья сире́ни, и все знако́мые ребя́та уезжа́ют в по́ле, встреча́ть Пе́рвое ма́я.

Юлю и Ната́шу то́же пусти́ли встреча́ть. Они́ прибежа́ли к на́шему око́шку, круглоли́цые, загоре́лые, и, прижима́я к стеклу́ уже́ облупи́вшиеся от со́лнца носы́, что́-то крича́ли, расска́зывали нам и хохота́ли. Приводи́ли к око́шку Чуба́рого. Он смотре́л через стекло́ на на́ши заку́танные го́ловы.

Сквозь огра́ду видне́лись лине́йки с ребя́тами. Учи́тель из Миха́йловки с фле́йтой, руководи́тельница де́тской площа́дки с гита́рой... Кто́-то принёс фотографи́ческий аппара́т. Подъе́хало ещё мно́жество наро́ду.

Ста́ло по-весе́ннему ве́село и оживлённо.

Ната́шу посади́ли на одну́ из лине́ек, а Юля и дво́е докторя́т покати́ли верхо́м. Ма́ма вы́шла за кали́тку, помаха́ла им вслед, а Юле, сверх того́, погрози́ла. Пото́м пришла́ к нам в «свиню́шник» ста́вить компре́ссы.

— Ты что э́то, ма́ма, грози́ла?

— А то я грози́ла, что́бы по́мнила что на́до и е́хала поосторо́жнее.

Юля е́хала сбо́ку лине́йки и отли́чно всё по́мнила. Но э́ти до́кторские — ох, и отъя́вленные же бы́ли ребя́та! — опя́ть ста́ли пристава́ть к ней, что́бы гоня́ться. Пришло́сь согласи́ться.

Теле́жки пропусти́ли вперёд. Останови́лись, сгруди́лись и ста́ли усла́вливаться, доку́да скака́ть.

С вече́ра прошёл дождь. Ры́хлое, ещё не просо́хшее по́ле тяну́лось к гора́м и вдалеке́ сло́вно прова́ливалось в черноту́ уще́лья. Там, где исчеза́ла доро́га, чуть мая́чило сухо́е де́рево.

— Ска́чем до де́рева!

Досчита́ли до трёх и поскака́ли.

— Смотри́те, гоня́ются! — закрича́ли впереди́ на теле́жках.

Три годова́лые тёлки стоя́ли у кра́я доро́ги. Они́ поверну́ли го́ловы навстре́чу лошадя́м и жда́ли. Пото́м задра́ли хвосты́, замыча́ли и ри́нулись вперёд.

На беду́, одна́ заме́шкалась перед Чуба́ркиной мо́рдой. Он споткну́лся на по́лном ходу́ и сра́зу упа́л на коле́ни.

Юлю сло́вно сорва́ло с седла́ и бро́сило о зе́млю.

— Я гля́нула, — расска́зывала по́сле Ната́ша, — она́ упа́ла, и голова́ у неё откати́лась в сто́рону, как арбу́з. Ох, как я испуга́лась! Соскочи́ла с теле́ги, подбежа́ла, ви́жу — э́то шля́па пуста́я. А Юля лежи́т с закры́тыми глаза́ми. И Чуба́рый стои́т ря́дом, отря́хивается. Пото́м стал толка́ть её но́сом. Тут подбежа́ли чужи́е и спугну́ли его́. Я закрича́ла: «Чуба́рку лови́те!» — и скоре́е за ним.

Учи́теля́ не успе́ли опо́мниться, как коро́тенькие Ната́шины но́ги замелька́ли вдого́нку за ло́шадью. Все оконча́тельно растеря́лись: одна́ в о́бмороке, друга́я куда́-то умча́лась.

Недо́лго ду́мая миха́йловский учи́тель пусти́лся за Ната́шей. Замеча́тельная э́то была́ карти́на: вниз по доро́ге, балу́ясь и игра́я, рыси́л жеребе́ц. За ним, расстегну́в пальти́шко и сдви́нув ша́почку на заты́лок, поспева́ла то́лстенькая де́вочка, а за ней, приде́рживая руко́й па́давшие очки́, бежа́л учи́тель:

— Ната́ша, Ната́ша, подожди́!

Он махну́л руко́й. Очки́ момента́льно свали́лись. Этого ещё недостава́ло! Учи́тель сощу́рился, замига́л глаза́ми и, встав на четвере́ньки, при́стально уста́вился в грязь.

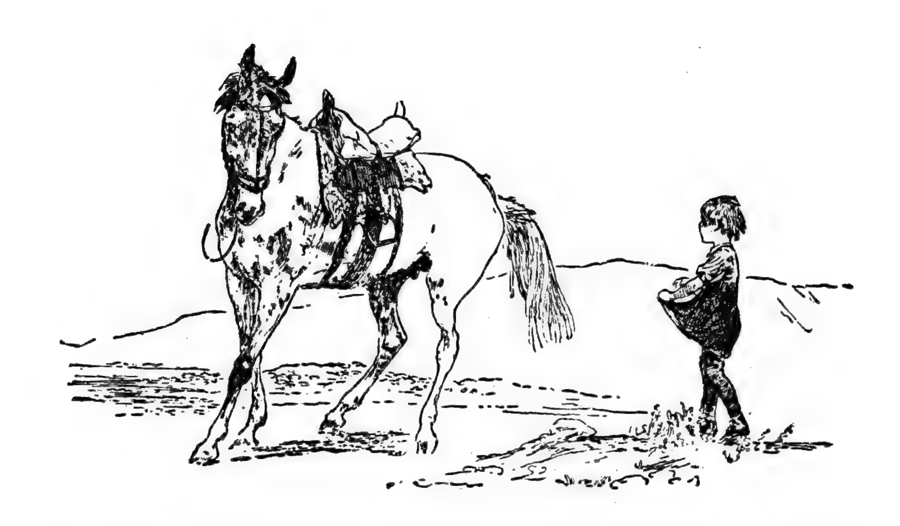
А Ната́ша тем вре́менем му́жественно то́пала ка́ло́шами, не теря́я Чуба́рого из ви́ду:

— Чуба́рик, Чуба́рка! Ну останови́сь ты хоть на одну́ мину́точку!

И Чуба́рый как бу́дто услыха́л — пошёл всё ти́ше, ти́ше и останови́лся. Он по́днял го́лову и загляде́лся на коро́в.

Ну, Ната́ша, тепе́рь разводи́ пары́! Доло́й кало́ши — меша́ют то́лько. Раз, два — кало́ши полете́ли в ра́зные сто́роны.

Ната́ша ри́нулась в обхо́д.

Ох, и жа́ркий же э́то был день! Пальто́ и ша́пка отпра́вились за кало́шами.

— Чуба́ренький! Чуба́ренький! Тпрусь, тпрусь!

Ната́ша собрала́ подо́л пла́тья мешо́чком и сде́лала вид, что несёт овёс. Конь недове́рчиво покоси́лся, вздёрнул мо́рдой, отбежа́л не́сколько шаго́в и сно́ва покоси́лся.

— Тпрусь, тпрусь! — тверди́ла Ната́ша с отча́янием. Она́ как бу́дто поме́шивала и пересыпа́ла овёс в подо́ле, а сама́ подбира́лась всё бли́же и бли́же.

Чуба́рый потяну́лся, шевельну́л ноздрёй и загляну́л в пла́тье.

Ната́ша бы́стро ухвати́ла по́вод. Попа́лся! Тепе́рь уже́ не́зачем притворя́ться. Она́ опусти́ла пла́тье. Чуба́рка не пове́рил, что его́ наду́ли, и приня́лся разы́скивать овёс. Он дул Ната́ше в лицо́, дёргал её зуба́ми за пла́тье и да́же кусну́л за живо́т.

Он тормоши́л её до тех пор, пока́ она́ не шлёпнула его́ по большо́й лосня́щейся щеке́:

— Нагну́л бы лу́чше го́лову, дурно́й! На́до же мне перебро́сить пово́дья.

Ну вот, тепе́рь всё как сле́дует. Остаётся то́лько сесть в седло́. Вы ду́маете, э́то легко́ сде́лать, е́сли

стремена́ по́дняты так высоко́, что до них не дотя́нешься?

Ната́ша огляде́лась.

Недалеко́ от доро́ги лежа́л большо́й ка́мень. Она́ подвела́ к нему́ Чуба́рого, взобрала́сь в седло́ и поехала обра́тно, уста́ло отдува́я кра́сные от со́лнца и беготни́ щёки.

Пе́рвым ей встре́тился учи́тель. Он подобра́л на доро́ге Ната́шины пальто́ и кало́ши и всё удивля́лся, не понима́я, отку́да взяли́сь э́ти ве́щи. Очки́ он так и не разыска́л и прищу́рился на Ната́шу, заду́мчивый и сосредото́ченный.

Ната́ша поду́мала, что он се́рдится и потому́ щу́рится и прохо́дит ми́мо. Она́ придержа́ла Чуба́рого и зака́шляла.

Учи́тель не обрати́л на э́то никако́го внима́ния.

— Тогда́ отда́йте кало́ши, — не вы́держала Ната́ша. — Вы что, уже́ домо́й идёте?

— А-аа, э́то ты? А я не узна́л тебя́ на ло́шади. Куда́ ты помча́лась? Чуба́рый и без тебя́ отли́чно нашёл бы доро́гу домо́й.

— Вот э́того-то я бо́льше всего́ и боя́лась. Прибежа́л бы домо́й, напуга́л бы всех. Ма́ма могла́ бы поду́мать, что Юля насовсе́м убила́сь. Я зате́м и бежа́ла, что́бы его́ не пусти́ть.

— Скажи́те, кака́я дога́дливая! А мне э́то да́же не пришло́ в го́лову. Так, зна́чит, ты его́ здесь, на доро́ге, пойма́ла, не до́ма?

Учи́тель пошёл ря́дом с ло́шадью. Ната́ша расска́зывала, как она́ обману́ла Чуба́рого. Учи́тель внима́тельно слу́шал. Не́сколько раз он при́стально вгля́дывался в простоду́шное лицо́ расска́зчицы, заки́дывал го́лову и хохота́л.

— Ну, ты пря́мо молоде́ц! А я вот потеря́л очки́ и тепе́рь не зна́ю, что де́лать.

— А где вы их потеря́ли?

— Да вон, ка́жется, там...

— Дава́йте я поищу́. Подержи́те Чуба́рика.

Ната́ша спусти́лась на зе́млю и ста́ла ходи́ть, согну́вшись в три поги́бели.

— Вот же они́! — кри́кнула она́ вдруг, поднима́я зале́пленные гря́зью очки́.

— Ну, тепе́рь я живу́! — повеселе́л учи́тель. Он вы́тер очки́ носовы́м платко́м, наде́л на́ нос и сказа́л: — Куда́ же мы тепе́рь? Домо́й и́ли к Юле?

— Заче́м домо́й? До́ма, пожа́луйста, ничего́ не говори́те. Напра́сно то́лько доста́нется Юле, да и Чуба́рку мо́гут отня́ть. Лу́чше пое́демте к Юле поскоре́е. Хоти́те, сади́тесь сза́ди меня́... Да не так! С ле́вой стороны́ на́до сади́ться.

Учи́тель, улыба́ясь команди́рскому Ната́шиному то́ну, поле́з на спи́ну ло́шади. Чуба́рка поверну́л го́лову и с удивле́нием смотре́л. Он сра́зу же почу́ял, что учи́тель — нева́жный ездо́к. То́лько учи́тель занёс но́гу, Чуба́рый изловчи́лся и кусну́л его́ за ля́жку. Учи́тель умости́лся за седло́м, потёр ля́жку и попра́вил очки́.

— А правь ты сама́. Я ведь не уме́ю, — сказа́л он и сконфу́зился.

Тепе́рь уж и Ната́ша поверну́ла го́лову и взгляну́ла на э́того стра́нного большо́го челове́ка.

Юлина голова́ бы́стро попра́вилась, и всё пошло́ по-ста́рому. Пото́м, до́лгое вре́мя спустя́, ста́ла она́ у неё си́льно боле́ть.

— Мо́жет быть, э́то от того́ уда́ра, — сказа́л до́ктор.

Бо́ли му́чили Юлю кру́глый год. А зимо́й ещё и Со́ня слома́ла себе́ ру́ку.

Раз ве́чером возвраща́лась она́ ми́мо коло́ды, где по́ят лошаде́й.

Там стоя́ли чьи-то кобыли́цы. Чуба́рка, коне́чно, заарта́чился, запляса́л на льду́, поскользну́лся и упа́л.

Па́дая, Со́ня вы́тянула ру́ку вперёд, и рука́ слома́лась. Кость хру́стнула в двух места́х — у ки́сти и чуть пони́же ло́ктя. Это бы́ло так бо́льно, что, по слова́м

Со́ни, во рту у неё ста́ло «у́жас как сла́дко, а в голове́ сра́зу замига́ли звёзды».

В э́то вре́мя проходи́л како́й-то знако́мый. Он подбежа́л, по́днял ло́шадь и Со́ню:

— Что, бо́льно?

— Очень, — сказа́ла Со́ня сквозь зу́бы. — Ох, не тро́ньте ру́ку! Домо́й! Веди́те Чуба́рого в поводу́.

Мы с ма́терью разма́тывали ни́тки. Вдруг откры́лась дверь. В ко́мнату вошёл пар, пото́м Со́ня, неся́ перед собо́й со́гнутую ру́ку, пото́м знако́мый, подде́рживая её.

У Со́ни слете́ла ша́пка, голова́ растрепа́лась, и одна́ бровь вздёрнулась, как у ма́мы, высоко́, до са́мых воло́с.

— Не пуга́йся, пожа́луйста, — сказа́ла она́ ма́тери, — я про́сто слома́ла ру́ку. Но Чуба́рка тут ни при чём. Он сам то́же упа́л и уда́рился.

Мать посмотре́ла на неё широ́кими глаза́ми и схвати́лась за́ голову:

— Полжи́зни... Всю жизнь вы у меня́ о́тняли со свои́м Чуба́ркой! Что мне то́лько де́лать с ва́ми, не зна́ю!

А по́сле что подняло́сь! Все забе́гали, засуети́лись. С Со́ни на́чали снима́ть тулу́пчик. То́лько дотро́нулись до рукава́ — Со́ня как закричи́т! Ста́ли ре́зать рука́в. Вы́нули ру́ку. Она распу́хла, ста́ла как поле́но. Кто́-то сказа́л, что на́до её в горя́чую во́ду. Опусти́ли в горя́чую во́ду. Пото́м ста́ли спо́рить:

— Заче́м в горя́чую? В холо́дную на́до.

Вы́нули из горя́чей, опусти́ли в холо́дную. Со́ня да́же посине́ла от бо́ли. Молчи́т, молчи́т — и вдруг гро́мко так:

— Ой! Ой! Ой! Как бо́льно!..

Подоспе́л оте́ц с то́лстым до́ктором. До́ктор нагну́лся к Со́не и всплесну́л рука́ми. Во́ду сейча́с же унесли́. Пото́м пригото́вили бинты́, каки́е-то па́лочки и что́-то бе́лое как мел.

До́ктор снял пиджа́к, засучи́л рукава́, подбежа́л к

Со́не, а оте́ц с ма́терью держа́ли её за пле́чи. Со́ня стра́шно закрича́ла:

— Ай, ай, не могу́-у-у-у!.. — и лягну́ла до́ктора ного́й в живо́т.

Он отскочи́л как мя́чик.

— Де́точка, де́точка...

Со́ня от бо́ли потеря́ла созна́ние.

Ру́ку вложи́ли в лубки́, забинтова́ли и да́ли Со́не каки́х-то ка́пель. Пото́м её уложи́ли в крова́ть. Но она́ не могла́ улежа́ть на ме́сте. Рука́ так боле́ла и ны́ла, что Со́ня всю ночь мета́лась по ко́мнате. Просыпа́ясь, я слы́шала, как она́ хо́дит из угла́ в у́гол, кача́ет забинто́ванную ру́ку и баю́кает её со слеза́ми в го́лосе:

— А-а-а! А-а-а!..

У нас с Чуба́рым была́ настоя́щая дру́жба, и Чуба́рка наде́ялся на нас так же, как и мы на него́.

— Наш Чуба́рка не вы́даст. Уж Чуба́рый-то небо́сь не сплоху́ет [1], — ча́сто гова́ривали мы.

И пра́вда, Чуба́рый ни ра́зу не сплохова́л.

Оттого́ ли, что всё вре́мя он проводи́л с на́ми и мы о́чень балова́ли и хо́лили его́, и́ли уж э́то ну́жно бы́ло приписа́ть его́ уму́ и поня́тливости (в чём мы, впро́чем, не сомнева́лись), но он отли́чно нас понима́л. Мы ча́сто с ним разгова́ривали, и он был насто́лько чу́ток, что по то́ну го́лоса дога́дывался, в како́м настрое́нии его́ хозя́ева.

Был с на́ми тако́й слу́чай. Меня́ и Ната́шу посла́ли в го́род с поруче́ниями. На база́ре я сле́зла и пошла́ в ряды́ покупа́ть, а Ната́ша на Чуба́ром отъе́хала и ста́ла в сторо́нке.

Через не́которое вре́мя я огляну́лась, смотрю́ — о́коло неё стоя́т каки́е-то лю́ди. Гла́дят Чуба́рого, смею́тся.

По́сле поку́пок мы устро́ились в тени́. Да́ли Чуба́рому кле́веру, прове́рили расхо́ды и поку́пки и сиди́м дожида́емся, когда́ ко́нчится жара́, что́бы е́хать домо́й.

---

[1] Не сплоху́ет — не подведёт, не сде́лает оши́бки.

Тут вспо́мнила я, что мне на́до ещё забежа́ть к сапо́жнику.

Оста́вила ло́шадь и ве́щи с Ната́шей и побежа́ла на друго́й коне́ц го́рода.

Верну́лась — уже́ темне́ть ста́ло.

Ната́ша сказа́ла, что к ней опя́ть приходи́ли каки́е-то «дя́ди». Спра́шивали, далеко́ ли она́ живёт.

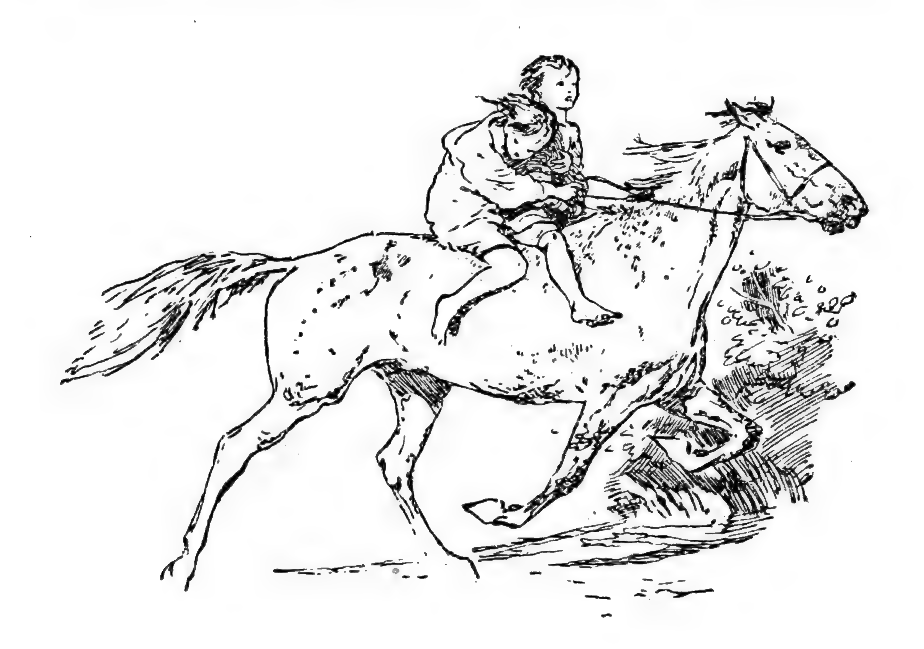
— Я сказа́ла, что о́коло о́зера... А у них ло́шадь кака́я краси́вая!

Эти «дя́ди» мне что́-то не понра́вились. Как раз накану́не я слыха́ла, что у сосе́дей укра́ли двух лошаде́й.

— Пое́дем-ка лу́чше, Ната́ша, поскоре́е домо́й. А то как бы из-за э́тих дя́дек с на́шим Чуба́риком чего́ не случи́лось.

Мы лихора́дочно собира́лись. Но пока́ запакова́ли поку́пки, сложи́ли их в мешо́к, съе́здили к коло́дцу, напои́ли Чуба́рого, ста́ло совсе́м темно́.

Доро́га шла по дли́нной тёмной алле́е до ло́га. По ло́гу бежа́ла река́, кото́рую ну́жно бы́ло переезжа́ть

вброд. Пото́м подъём на́ гору. И да́льше до о́зера ро́вное по́ле.

Мы вы́ехали на алле́ю, и Чуба́рый пошёл свое́й превосхо́дной ры́сью.

Ната́ша кре́пко уцепи́лась за меня́ рука́ми. Мы е́хали без седла́. Она́ сиде́ла за мной. Я пра́вила.

Не успе́ли мы прое́хать двух киломе́тров, как я убеди́лась, что за на́ми кто́-то ска́чет.

— Ну-ка, Ната́ша, — сказа́ла я, остана́вливая Чуба́рого и вытя́гивая ступе́нечкою босу́ю но́гу, — перебира́йся-ка ты вперёд.

— Заче́м?

— Мы сейча́с пое́дем о́чень бы́стро, и ты мо́жешь и меня́ стяну́ть и сама́ упа́сть. А впереди́ ты бу́дешь держа́ться за гри́ву.

Ната́ша бы́стро переле́зла.

— Ну, пое́хали... Чуба́рый, айда́!

Чуба́рый рвану́л и понёсся. Никогда́ он не бежа́л так хорошо́, как в э́ту ночь.

Подня́лся ве́тер, и дере́вья, кла́няясь, уходи́ли наза́д.

Зада́ча заключа́лась в том, что́бы успе́ть добра́ться до ло́га.

Там, у реки́, на ме́льнице, — знако́мый ме́льник; е́сли попроси́ть, он, наве́рно, не отка́жется проводи́ть нас до́ дому.

Ве́тер дул нам в спи́ну, и с его́ поры́вами всё бли́же раздава́лся то́пот пого́ни. Догоня́вшая нас ло́шадь шла по́лным карье́ром.

Я поняла́, что нам не убежа́ть, и реши́лась на опа́сную уло́вку — спря́таться, что́бы пого́ня проскочи́ла вперёд нас.

Я сверну́ла с доро́ги, подъе́хала под ветви́стое де́рево и останови́лась.

Карье́р послы́шался совсе́м бли́зко. Чуба́рка насторожи́лся.

Вдруг я вся похолоде́ла: кобы́ла!.. У них была́ кобы́ла! Это зна́чило, что Чуба́рый непреме́нно заржёт.

— От кого́ мы спря́тались? — спроси́ла меня́ шёпотом Ната́ша.

— Молчи́, Ната́ша! Ох, молчи́!.. Чуба́рик, и ты молчи́, — ка́к-то нево́льно прошепта́ла я, погла́живая его́ горя́чую ше́ю.

В лу́нных просве́тах замелька́ла лёгкая тень.

Ната́ша что́-то шепта́ла Чуба́рому. Мы о́бе тряслю́сь, как в озно́бе.

Кобы́ла исче́зла за поворо́том.

— Прое́хали, ка́жется?

— Подожди́. Ещё нельзя́... Они́ ещё бли́зко.

В э́то вре́мя Чуба́рый по́днял го́лову, прислу́шался и зво́нко заржа́л.

Вот бы́ло! Мы ти́хо а́хнули...

Оди́н, два, сра́зу три лошади́ных го́лоса отве́тили на его́ ржа́нье. На доро́гу вы́ехали теле́ги.

Я ду́мала, что они́ е́дут к о́зеру, и пря́мо подпры́гивала от ра́дости: тогда́ не на́до трево́жить ме́льника — за теле́гами и мы отли́чно дое́дем.

Мы прое́хали уже́ и ме́льницу и лог. Да́льше доро́ги расходи́лись. Теле́ги неожи́данно сверну́ли нале́во, и мы опя́ть оста́лись одни́.

Свети́ла по́лная луна́, и доро́га была́ гла́дкая и бе́лая, как полотно́.

— Ну, Чуба́рый, лети́!

Не успе́ли ещё теле́ги скры́ться из ви́ду, как знако́мый стук копы́т сно́ва послы́шался у нас за спино́й.

Ната́ша вцепи́лась в Чуба́ркину гри́ву. Я сжа́ла колё́нями бока́ коня́ и почти́ что не пра́вила.

По бе́лой от луны́ доро́ге, ныря́я, мча́лась чёрная тень.

— Ну, Чуба́рый, вся наде́жда на тебя́. И-ии-их!

Чуба́рый сорва́лся в карье́р. На́ше волне́ние и страх передали́сь ему́. Это была́ бе́шеная ска́чка.

Вот и пе́рвые огоньки́ посёлка. Мы влете́ли в у́лицу, заверну́ли за́ угол... и опо́мнились на траве́ перед на́шей кали́ткой.

Чуба́рый останови́лся так ре́зко, что мы о́бе переле́тели через его́ го́лову.

На крыльце́ зато́пали чьи-то но́ги. Кто́-то с фонарём шёл к воро́там.

— Я прекра́сно слы́шала: примча́лся как сумасше́дший и останови́лся у на́ших воро́т, — услы́шали мы Со́нин го́лос.

Чуба́рый заржа́л.

— Ага́, ви́дишь? Чуба́рка. Они́! Они́!

— Неуже́ли верну́лись? — закрича́ла ма́ма с крыльца́.

— Это мы. Откро́йте! — откли́кнулась я немно́жко вздра́гивающим го́лосом. — Что же вы не открыва́ете?

Мы с Ната́шей взя́ли Чуба́рого под уздцы́ и вме́сте с ним прошли́ в воро́та.

— Ми́ленький ты мой, у́мница моя́! — шепта́ла ему́ Ната́ша.

— Ната́ша, смотри́ то́лько никому́ не проболта́йся об э́том.

Но сохрани́ть приключе́ние в та́йне не удало́сь. Со́ня и Юля пошли́ посмотре́ть Чуба́рого и верну́лись со сканда́лом:

— Что вы сде́лали с Чуба́ркой? Пойди́те посмотри́те, на кого́ он похо́ж! Хоть вы́жми. До сих пор отдыша́ться не мо́жет.

— Сви́нство како́е! Так гоня́ть... Никогда́ не полу́чите бо́льше ло́шади!

— Мы не гоня́ли, — растя́рянно отве́тила Ната́ша и огляну́лась на меня́, — мы потихо́ньку е́хали.

— «Потихо́ньку»! Что ты врёшь! По ло́шади небо́сь сра́зу ви́дно.

— Пра́вда, Ната́ша, заче́м ты говори́шь непра́вду? Мы же ведь е́хали бы́стро, мча́лись пря́мо во весь опо́р.

— А заче́м же ты сказа́ла, что́бы никому́ не расска́зывать?

— Чего́ не расска́зывать? — заинтересова́лась ма́ма.

— Да что мы с ней удра́ли.

Я уви́дела, что Ната́ша проговори́лась, и рассказа́ла тогда́ уже́ всё.

Мы так привы́кли всем дели́ться с Чуба́ркой, что предлага́ли ему́, не разбира́я, всё что ни попа́ло. Ка́к-то Юля е́ла котле́тку. Чуба́рка потяну́лся к ней. Юля отломи́ла полови́нку и угости́ла его́. Он съел с больши́м удово́льствием и стал иска́ть ещё.

А в друго́й раз — на прогу́лке. Мы уже́ собира́лись домо́й и прика́нчивали оста́вшийся провиа́нт, что́бы не тащи́ть его́ обра́тно. Все бы́ли сы́ты, а ещё остава́лся хлеб и буты́лка молока́. Хлеб о́тдали соба́ке, а молоко́ вы́лили в клеёнчатую Юлину шля́пу и шутя́ предложи́ли Чуба́рому.

Он вы́пил всё до ка́пли и аппети́тно закуси́л краю́шкой хле́ба.

Поня́тно, что по́сле э́того мы ча́сто удивля́ли ста́рших свои́ми разгово́рами о том, что ло́шади пита́ются молоко́м и котле́тами.

— Отку́да вы э́то берёте?

— От Чуба́рки от на́шего. Он всё э́то с удово́льствием ест.

Мы забира́лись на кру́чи, в са́мую отча́янную глушь, и всегда́ у нас была́ твёрдая уве́ренность, что Чуба́рый вы́везет. Случа́лось нам заблуди́ться. Тогда́ мы броса́ли пово́дья, и он сам находи́л доро́гу.

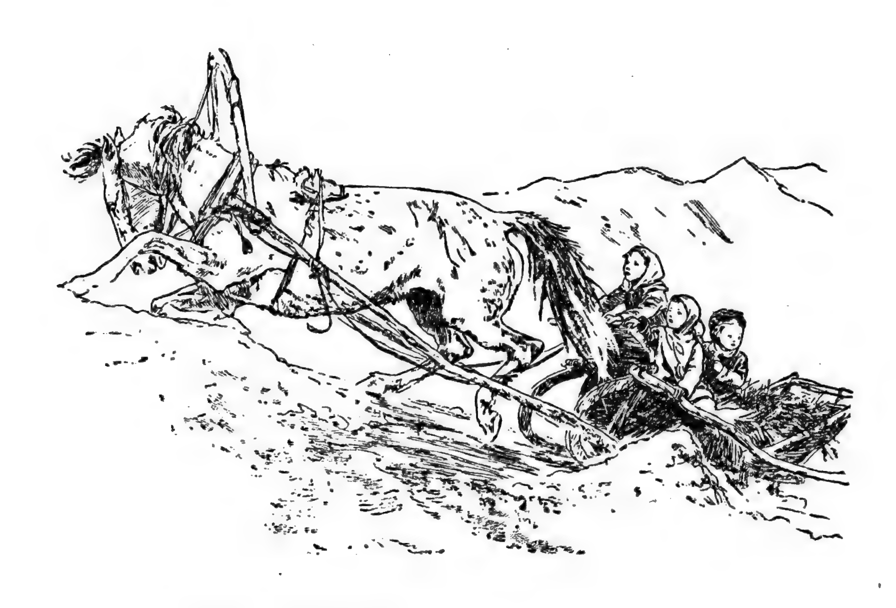
Мне запо́мнилось, как мы е́здили в Миха́йловку за карто́шкой.

Село́ стоя́ло на горе́, и подъём к нему́ был о́чень круто́й.

Как раз за день перед тем прошёл снег с дождём, пото́м уда́рил моро́з, и была́ стра́шная гололе́дица.

Перед на́ми е́хало ещё тро́е сане́й, но все они́ замя́лись перед подъёмом. Ло́шади наотре́з отка́зывались идти́: де́лали не́сколько шаго́в в го́ру и пото́м пя́тили са́ни наза́д.

Мы вы́скочили вперёд:

— А ну́-ка, Чуба́рик!

С торжество́м мы уви́дели, что Чуба́рка послу́шно и си́льно влёг в хому́т.

На́чали поднима́ться.

С пе́рвых шаго́в ста́ло я́сно, что мы сде́лали безобра́зную глу́пость.

По горе́ ещё вчера́ сбега́ла вода́, а сего́дня она́ засты́ла ледяно́й коро́й. Подъём был невозмо́жно тру́дный.

Чуба́рый беспреста́нно скользи́л.

Доро́га шла у́зкой ле́нтой. Сле́ва — стена́, спра́ва — обры́в.

Наза́д тепе́рь уже́ не поверну́ть. Хо́чешь не хо́чешь, а приходи́лось взбира́ться. Сни́зу нам что́-то крича́ли, но мы ничего́ не слы́шали, не понима́ли и то́лько со стра́хом гляде́ли на Чуба́рку.

Он кара́бкался, па́дал... И опя́ть кара́бкался из после́дних сил.

Ско́ро коне́ц.

На хребте́ показа́лись лю́ди.

В э́то вре́мя Чуба́рый упа́л на коле́ни.

— Ну, ну, ну, Чуба́ренький! — взмоли́лась Со́ня, сжима́я рука́ми передо́к сане́й.

Чуба́рый, тяжело́ дыша́, попо́лз на коле́нях.

А све́рху уже́ бежа́ли крестья́не. Оди́н подхвати́л его́ под уздцы́, друго́й подпря́гся к огло́бле, тре́тий толка́л са́ни сза́ди.

— Эээй-эй! — крича́ли они́ ра́зом. — Понату́жься-ка ещё немно́го, родно́й!

Мы вы́брались наве́рх и стоя́ли, не ве́ря свои́м глаза́м.

— Ну ло́шадь! — раздало́сь вокру́г. — Вот э́то конь! Этот не вы́даст: на коле́нях доползёт.

Мы опо́мнились и с благода́рностью огляну́лись. Чуба́рый стоя́л, окружённый людьми́. Дрожа́щую пере́днюю но́гу он вы́ставил вперёд и на неё склони́л уста́лую, взмы́ленную го́лову. Бока́ у него́ мучи́тельно вздыма́лись. Меня́ то́чно кольну́ло:

— Ды́шит как... И всё из-за нас, подлецо́в...

Вско́ре по́сле э́того Чуба́рый на́чал прихва́рывать.

Одна́жды, придя́ в коню́шню, мы уви́дели, что он лежи́т. А в я́слях — нетро́нутое се́но.

— Чуба́ренький! Что с тобо́й? Уж не заболе́л ли ты опя́ть?

Мы си́льно встрево́жились, но реши́ли подожда́ть до обе́да.

До́ма в э́то вре́мя бы́ли каки́е-то неприя́тности, и, когда́ Со́ня ста́ла говори́ть про Чуба́рого, оте́ц с ма́терью отве́тили:

— Не до вас сейча́с, не пристава́йте.

Чуба́рый пролежа́л до са́мого ве́чера.

На́ ночь мы укры́ли его́ попо́ной, напои́ли тёплой водо́й и придви́нули к нему́ се́но.

Пил он охо́тно, а к се́ну совсе́м не притро́нулся.

Ве́чером у нас был сове́т.

А на рассве́те я и Со́ня пешко́м отпра́вились в го́род к па́пиному това́рищу — ветерина́рному врачу́.

До го́рода бы́ло далеко́.

Моро́з стоя́л кре́пкий. Ли́ца у нас нали́лись кра́ской, на ресни́цах пови́сли сне́жные звёздочки, а ко́нчики па́льцев немилосе́рдно щипа́ло. Но мы ка́к-то не замеча́ли ни моро́за, ни уста́лости. Мы шли, молча́ли и под моното́нный визг и хруст сне́га ду́мали о больно́м Чуба́рике.

Врач был до́ма. Он расположи́лся о́коло самова́ра с горя́чими лепёшками и смета́ной и был в прекра́сном настрое́нии.

— А, амазо́нки! — закрича́л он при ви́де нас. — Дава́йте-ка вме́сте разде́лаемся с э́тими лепёшками.

— Спаси́бо. Мы не за э́тим.

Мы поздоро́вались и в волне́нии останови́лись у сте́нки.

От тёплой ко́мнаты меня́ ста́ло зноби́ть. А у Со́ни глаза́ и нос блесте́ли сильне́е ме́дного самова́ра.

— Ну, я ви́жу, у вас что́-то случи́лось. Расска́зывайте. Па́па с ма́мой здоро́вы?

— Чуба́рый у нас заболе́л.

— Да ну! Что́ же с ним тако́е?

Мы рассказа́ли всё, что успе́ли заме́тить: он не встаёт, совсе́м не ест. А ведь он не о́чень здоро́вый: ведь он был в леднике́, и тепе́рь у него́ то́лько одно́ лёгкое...

— Та-ак! Ну вы хорошо́ сде́лали, что обрати́лись сейча́с же ко мне. Мо́жет быть, мы вы́лечим его́ ещё. Я прие́ду, де́вочки, непреме́нно прие́ду, то́лько попо́зже, к ве́черу.

— К ве́черу? А е́сли он... А сейча́с вы не могли́ бы? До́ма у нас там... ссо́рятся. Де́нег им всё не хвата́ет. А что ло́шадь заболе́ла, до э́того никому́ де́ла нет. Хоть умри́ — не обратя́т внима́ния!

Со́ня незаме́тно протяну́ла ко мне свою́ ру́ку: нет ли у меня́ с собо́ю носово́го платка́?

Я поша́рила в карма́не: не́ту. Забы́ла то́же. Тогда́ она про́сто смахну́ла о́коло но́са руко́й и небре́жно сказа́ла:

— Му́хи тут у вас...

До́ктор взгляну́л на неё исподло́бья и опя́ть улыбну́лся:

— Ну-ну, не на́до пла́кать...

Мы сра́зу повеселе́ли: тепе́рь он наве́рное пое́дет. И пра́вда, он стал распоряжа́ться:

— Жена́, погре́й-ка мои́х госте́й ча́ем, а я пойду́ разыщу́ ва́ленки и соберу́ лека́рства.

Нас усади́ли за стол. До́ктор всё вре́мя шути́л и болта́л.

— Ну, вот я и гото́в. Вы как припутеше́ствовали, амазо́нки? Верхо́м и́ли в са́нках?

— Нет, мы про́сто пришли́. Мы ведь ушли́ ра́но, в пять часо́в. До́ма все ещё спа́ли.

— Как — пришли́? Пешко́м, с о́зера?

— Ну да. Из дому.

— Амазо́нки, вы мне положи́тельно нра́витесь! — захохота́л сла́вный ветерина́р. Он перегляну́лся с жено́й и пошёл запряга́ть свою́ ло́шадь.

Мы до́сыта напили́сь ча́ю. Поблагодари́ли хозя́йку и вы́шли за до́ктором. Доро́гой мы расспра́шивали его́, мно́го ли он вы́лечил лошаде́й. Оказа́лось, что о́чень мно́го. Мы совсе́м успоко́ились.

Завидне́лся посёлок. Показа́лись на́ши воро́та.

Не успе́ли мы въе́хать на мо́стик, как воро́та са́ми раствори́лись. Это Юля с Ната́шей: они́ всё выбега́ли смотре́ть. И как то́лько разгляде́ли, что мы е́дем, зара́нее вы́тащили закла́дку от воро́т и распахну́ли их перед на́ми.

Мы сейча́с же пошли́ на коню́шню.

Чуба́рый лежа́л всё так же. Врач на́чал внима́тельно его́ осма́тривать. Про́бовал подня́ть, но Чуба́рый не мог держа́ться на нога́х. Он повали́лся на зе́млю и застона́л. Ната́ша запла́кала. Мы со стра́хом посмотре́ли на до́ктора.

— Пло́хо. Совсе́м пло́хо, ребя́тки. Ва́шего Чуба́рого разби́л парали́ч. Тут уж ничего́ не поде́лаешь. Бо́льше двух — трёх дней ему́ не протяну́ть. А лу́чше бы пожале́ть его́ и пристрели́ть сра́зу. Это одна́ секу́нда,

а так му́читься бу́дет, бедня́га... Да что э́то вы? Что вы на меня́ так смо́трите?.. Где оте́ц?

Он пошёл в дом, а мы стоя́ли над Чуба́рым, не сме́я взгляну́ть друг на дру́га. Наконе́ц я подняла́ го́лову. Никогда́ бо́льше не ви́дела я таки́х жа́лких лиц...

К ве́черу Чуба́рому ста́ло ещё ху́же. Он на́чал стона́ть и колоти́ться о зе́млю. Мы, как потёрянные, броди́ли о́коло него́.

Нау́тро Со́ня и я, не сгова́риваясь, вошли́ к отцу́.

— Чуба́рый му́чится... — сказа́ла я так тру́дно, как бу́дто в го́рле у меня́ переверну́лось я́блоко.

— Хорошо́, — отве́тил оте́ц. — Я зна́ю. До́ктор говори́л мне о Чуба́рике. Не горю́йте, дочу́рки, э́то одно́ мгнове́ние.

И он вы́тянул я́щик, где лежа́л револьве́р.

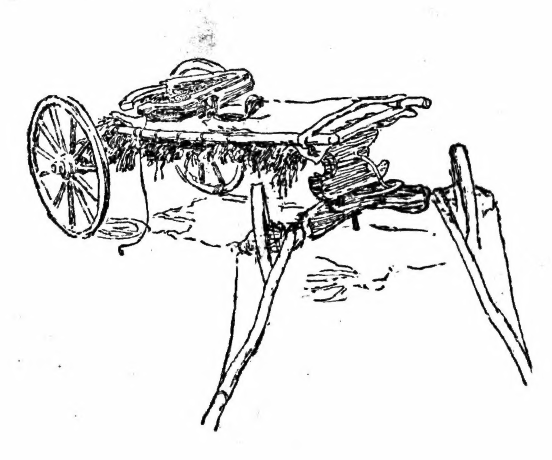
Мы забили́сь по угла́м и не ви́дели бо́льше друг дру́га.

Но я зна́ю наве́рное, что все приходи́ли прости́ться.

— Где же де́вочки? — удивля́лась мать. — Отчего́ никто́ не обе́дает?

— Оста́вь их, — отве́тил оте́ц.

Мы скрыва́лись до поздней но́чи. Так пря́чут то́лько большо́е го́ре. И никто́ из дома́шних не ви́дел, как гру́стные, запла́канные де́ти мо́лча уходи́ли из опусте́вшей Чуба́ркиной коню́шни.

Цена 4 р. 35 к.

О. ПЕРОВСКАЯ
РЕБЯТА и ЗВЕРЯТА